

Научный журнал

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

■ выпуск 3 (56) • 2024 • том 13

Журнал «**Евразийский Союз: вопросы международных отношений**» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по политическим, экономическим и историческим наукам

Москва, 2024

Научный журнал

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ

Председатель редакционного совета:

ЖИЛЬЦОВ

Сергей Сергеевич

доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

Заместители председателя совета:

АБРАМОВА

Ольга Дмитриевна

главный редактор журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

БОЖАНОВ

Владимир Александрович

доктор исторических наук, Белоруссия, г. Минск

НАСИМОВА

Гульнар Орленбаевна

доктор политических наук, Казахстан, г. Алматы

Члены совета:

АБРАМОВ

Валерий Леонидович

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

АРУПОВ

Акимжан Арупович

доктор экономических наук, Казахстан, г. Алматы

АЮПОВА

Зауре Каримовна

доктор юридических наук, Казахстан, г. Алматы

БЕКБОСЫНОВ

Мэлс Боромбаевич

Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

БЛОХИН

Владимир Владимирович

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

ГАЙДУК

Вадим Витальевич

доктор политических наук, Россия, г. Уфа

ГОНЧАРОВ

Петр Константинович

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

ГРИШНОВА

Елена Евгеньевна

доктор политических наук, Россия, г. Москва

КАССАЕ НЫГУСИЕ В.

МИКАЭЛЬ

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

КИРАБАЕВ

Нур Серикович

доктор философских наук, Россия, г. Москва

КОМЛЕВА

Валентина Вячеславовна

доктор социологических наук, Россия, г. Москва

КОЗЛОВ

Геннадий Яковлевич

доктор исторических наук, Россия, г. Рязань

МЕДВЕДЕВ

Николай Павлович

доктор политических наук, Россия, г. Москва

МИХАЙЛЕНКО

Александр Николаевич

доктор политических наук, Россия, г. Москва

МУРАВЫХ

Анатолий Иванович

доктор экономических наук, Россия, г. Москва

НЕСТЕРЧУК

Ольга Алексеевна

доктор политических наук, Россия, г. Москва

НАЗАРОВ

Александр Данилович

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

ОРЛОВ

Игорь Борисович

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

ОЖИГАНОВ

Эдвард Николаевич

доктор философских наук, Россия, г. Москва

САВИНОВ

Леонид Вячеславович

доктор политических наук, Россия, г. Новосибирск

СЛИЗОВСКИЙ

Дмитрий Егорович

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

СЫЗДЫКОВА

Жибек Сапарбековна

доктор исторических наук, Россия, г. Москва

ЯВЧУНОВСКАЯ

Регина Анатольевна

доктор политических наук, Россия, г. Москва

Главный редактор – О.Д. АБРАМОВА (д.п.н.)

© ООО «Издательство «Наука сегодня», 2024

SN 2306-5702

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Издательство

«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия
Per. № ПИ № ФС77-50417
от 29 июня 2012 г.

Журнал издается
один раз в три месяца

Адрес редакции:
115598, г. Москва,
ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.evrzsouz.ru

E-mail:
evrzsouz@yandex.ru

Мнение авторов
может не совпадать
с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат
обязательному
рецензированию.

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 26.02.2024

Формат 60×84/8.
Объем 36,25.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 134

Отпечатано
в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва,
ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ

Фурман Ф.П.

Сравнительная характеристика российского либерализма рубежа XIX-XX веков и рубежа XX-XXI веков463

Тихонов М.Л., Желтяков И.В., Романюк А.А., Немчанинов А.С.

Институциональный подход государственного регулирования национальной безопасности России: вопросы теории и методологии471

Аюпова З.К., Кусайнов Д.У.

Правовая система как фундамент уголовно-правовой политики Республики Казахстан480

Аббасов О.Т.

К вопросу о редукции правовых семей490

Алеева С.С., Марухленко А.Л., Гагарина И.Ю., Булавина М.А., Новосельский С.О.

Организационно-правовые проблемы благотворительной деятельности495

Девтерев В.В.

Основные направления повышения эффективности стратегического управления регионом509

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

Антропова Т.Г., Хайруллин М.Ф., Воробьев Д.И., Новосельский С.О., Атланов Д.А.

Состояние и перспективы использования механизма государственно-частного партнерства для решения социально-экономических проблем518

Богачева Т.В., Пахомова Ю.А., Кузнецова Е.В., Новосельский С.О., Сидорова А.В.

Ретроспективная оценка и направления развития рыночной инфраструктуры в России.....530

Саджджад Зераат Пейма

Особенности развития дорожно-транспортной сети в России: перспективы внедрения инноваций544

Колосова О.А., Андреева А.Л., Бегичева О.Л., Комарова А.А., Новосельский С.О.

Цифровая трансформация маркетинга559

Шарифуллин А.Н.

Причины возникновения и разработка концепции «Одна страна – две системы» в САР Гонконг572

Хен А.О., Шитикова Ю.А.

Дипломатические отношения Китая и АСЕАН в рамках
ЗСТ АСЕАН-КНР на примере Вьетнама: проблемы и перспективы579

Шитова М.А., Бредихин А.В.

Тенденции фондовых рынков стран-участниц БРИКС в условиях
глобального кризиса 2022-2024 гг. (Часть 2).....586

**Новосельский С.О., Соклаков А.А., Чернышёва Л.А., Урусова А.Б.,
Филиппова А.П.**

Современные технологии уплаты таможенных платежей593

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сулейманова Ш.С.

Миграционная политика России в отношении стран Центральной Азии605

Джавад Зераат Пейма, Фарамарз Зераат Пейма

Иран и Россия: взаимодействие в условиях международных санкций.....612

Огуз Шахбаз

Turkish Media's Evolving Narrative: Aligning with Russia's Global Power/
Эволюционирующий нарратив турецких СМИ: присоединение
к глобальной мощи России.....626

Бычков М.В.

Злонамеренное использование дипфейков:
предпосылки, последствия, противодействие634

**Моисеев В.А., Игнатова М.Н., Новосельский С.О., Воробьев Д.И.,
Грунина А.А.**

Зарубежный опыт поддержки развития малого
и среднего предпринимательства648

Зайнуллин С.Б., Шэнли Цзо, Чжан Яци, Пин Фэн

Основные проблемы и тенденции развития автомобильной
промышленности стран Евразии в условиях трансформации
мировой экономики.....662

Майует Маруан

Совет сотрудничества стран Персидского залива: укрепление
безопасности и оборонного сотрудничества671

Ольшанская Л.В., Баландова А.А.

История становления мексиканско-американского миграционного
коридора и развитие системы его правового регулирования680

Османи Абдул Халид

Роль этнического фактора в дестабилизации
политической ситуации в Афганистане689

Федоренко У.В.

Стратегия Китая в формировании периферийной дипломатии
в поствестфальскую эпоху698

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Медведев Н.П.

Современная регионология: фокус научных изысканий.....705

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Балакина Е.Р.

Купля-продажа монополий на насилие:
феномен Ост-Индских компаний.....713

Братковская Д.В., Рогова Я.Д., Токарева С.А.

Эволюция публичной дипломатии: от традиционной к цифровой720

Цао Цзе, Дун Ялэй

Политика Китая в Африке728

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Academic journal
«Eurasian Union: Issues of International Relations»
Volume 13, Issue 3 (56), 2024

POLICY ISSUES

Furman F.P.

Comparative Characteristics of Russian Liberalism at the Turn
of the 19th-20th Centuries and the Turn of the 20th-21st Centuries470

Tikhonov M.L., Zheltyakov I.V., Romanyuk A.A., Nemchaninov A.S.

Institutional Approach to State Regulation of National Security in Russia:
Issues of Theory and Methodology479

Ayupova Z.K., Kussainov D.U.

The Legal System as the Foundation of the Criminal Law Policy
of the Republic of Kazakhstan489

Abbasov O.T.

On the Issue of Reduction of Legal Families494

**Aleeva S.S., Marukhlenko A.L., Gagarina I.Yu., Bulavina M.A.,
Novoselsky S.O.**

Organizational and Legal Problems of Charity Activities508

Devterev V.V.

The Main Directions of Improving the Effectiveness
of Strategic Management of the Region518

ECONOMIC ISSUES

**Antropova T.G., Khairullin M.F., Vorobev D.I., Novoselsky S.O.,
Atlanov D.A.**

State and Prospects for Using the Public-Private Partnership Mechanism
to Solving Socio-Economic Problems528

**Bogacheva T.V., Pakhomova Yu.A., Kuznetsova E.V., Novoselsky S.O.,
Sidorova A.V.**

Retrospective Assessment and Directions for Development of Market
Infrastructure in Russia542

Sajjad Zeraat Peyma

The Features of the Development of the Road Transport Network
in Russia: Prospects for the Introduction of Innovations558

**Kolosova O.A., Andreeva A.L., Begicheva O.L., Komarova A.A.,
Novoselsky S.O.**

Digital Transformation of Marketing570

Sharifullin A.N.

The Reasons for the Emergence and Development of the Concept
of "One Country – Two Systems" in the Hong Kong SAR578

Hyeon A.O., Shitikova Y.A.

China-ASEAN Diplomatic Relations within the Framework
of the ASEAN-China FTA in Vietnam: Problems and Prospects.....585

Shitova M.A., Bredikhin A.V.

Trends in Stock Markets of BRICS Countries During the Global Crisis
of 2022-2024 (Part 2)592

**Novoselsky S.O., Soklakov A.A., Chernysheva L.A., Urusova A.B.,
Filippova A.P.**

Modern Technologies for Payment of Customs Payments604

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS**Suleimanova Sh.S.**

Migration Policy of Russia in Relation to the Central Asia Countries611

Javad Zeraat Peyma, Faramarz Zeraat Peyma

Iran and Russia: Relations in Conditions of International Sanctions.....625

Oguz Sahbaz

Turkish Media's Evolving Narrative: Aligning with Russia's Global Power627

Bychkov M.V.

Malicious Use of Deepfakes: Background, Consequences, Counteraction.....647

**Moiseev V.A., Ignatova M.N., Novoselsky S.O., Vorobyov D.I.,
Grunina A.A.**

Foreign Experience in Supporting the Development of Small
and Medium Enterprise.....660

Zainullin S.B., Shanli Tzo, Zhang Yaqi, Pin Feng

Main Problems and Trends in the Development of the Automotive
Industry in Eurasian Countries in the Context of Transformation
of the Global Economy670

Mayuet Marouan

GCC Cooperation Council: Strengthening Security and Defense Cooperation679

Olshanskaya L.V., Balandova A.A.

History of the Formation of the Mexican-American Migration Corridor
and Development of its Legal Regulation System.....688

Osmani Abdul Khalid

The Role of the Ethnic Factor in the Destabilization
of the Political Situation in Afghanistan697

Fedorenko U.V.

China's Strategy in Formation of Peripheral Diplomacy
in the Post-Westphalian Era.....704

REVIEWS AND SCIENTIFIC REVIEWS

Medvedev N.P.

Modern Regionology: Focus of Scientific Research712

STUDENT SCIENCE

Balakina E.R.

Trading Monopolies on Violence: the Phenomenon
of East Indies Companies719

Bratkovskaya D.V., Rogova Y.D., Tokareva S.A.

The Evolution of Public Diplomacy: from Traditional to Digital.....727

Cao Jie, Dong Yalei

China's Policy in Africa.....736

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS

EDITORIAL BOARD

ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.001

УДК 32

Ф.П. ФУРМАН

доктор философских наук, профессор кафедры
общественных наук Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ И РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ

В статье проанализирован политический курс, разработанный в указанный период в рамках нового либерализма, формирование и эволюция которого в России происходили в условиях, во многом отличных от тех, что породили феномен европейской либеральной мысли и либерального движения; рассмотрена специфика российского процесса модернизации политической системы рубежа XIX-XX вв. и рубежа XX-XXI вв.; сделан вывод, что представителями отечественного либерализма еще в конце XIX – начале XX в. был выработан перспективный политический курс по изменению национально-государственного устройства России при переходе к конституционному строю, сочетавший в себе западноевропейские теории и практики с условиями российской действительности; освещены проблемы российского либерального центризма начала XX в.; отмечается особый интерес к политическим организациям либералов в рассмотренные периоды.

Ключевые слова: либерализм, центризм в российском либерализме начала XX в., партия демократических реформ, партия мирного обновления, XIX век, XX век, фракция прогрессистов, советская и зарубежная историография российского либерализма.

Либерализм – социально-политическое учение и общественное движение, основной идеей которого является самодостаточная ценность свободы индивида в экономической, политической и других сферах жизни общества [4]. Либерализм – излишняя терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо, приводящие порой к попустительству чему-либо предосудительного, достойного порицания. Либерализм в воспитании иногда вредно сказывается на характере человека [16]. Либерализм – тип мышления и поведения, характеризующийся независимостью и терпимостью по отношению к различным взглядам, традициям, типам поведения [10]. Либерализм – вольнодумство, желание большей свободы – система либеральных идей [5].

Либерализм родился в период борьбы между молодой буржуазией и обуржуазившимся дворянством против феодализма. Либерализм привержен

идеалам прогресса, разума, мира, свободы и равенства, которые были общими для всех, кто был против феодализма. Философское течение наследовало духовные идеи умеренных просветителей-рационалистов, таких, как Локк, Монтескье, Вольтер. Фраза «laissez-faire, laissez-passer» (позвольте делать, позвольте идти), которая была характерна для физиократов, стала одним из популярных лозунгов либерализма. Он также претворял в жизнь идеи классической политической экономии, представленные А. Смитом, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй. Экономическая концепция связана с идеей свободы в экономике и рыночных принципах. Философ Адам Смит считал, что свобода рынка и конкуренция являются источниками экономического роста и благосостояния нации.

Источником для разработки основополагающих принципов социального договора является работа Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре». В отличие от предыдущих трактатов, Ж.-Ж. Руссо придал этой идее особую значимость и выделил ее в отдельный трактат, что способствовало ее популяризации в общественном пространстве. Он связал конституционализм как принцип разумного устройства государства с идеей договора между народом и политической властью. Ж.-Ж. Руссо также четко определил последовательность процесса заключения договора [18].

В начале XX века все три направления либерализма были отмечены идеализмом. Не было достигнуто ни разоружение, ни справедливое разрешение колониальных споров, ни предотвращение Второй мировой войны. Поэтому классическое направление либерализма называется либерально-идеалистическим течением [5].

После Первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, мир столкнулся с острой и углубившейся экономической и социальной нестабильностью. В этот период произошли множество изменений и переоценок ценностей. Одним из основных кризисов того времени была потеря веры в буржуазный индивидуализм, которая стала очевидной для самой буржуазии. В результате возникли различные концепции «третьего пути» развития общества, которые предлагали сочетание интересов личности и общества, свободы и порядка на основе частной собственности. Одной из таких концепций были идеи Джона Мейнарда Кейнса, который предлагал регулирование экономики через социальное законодательство, такие как пенсии, пособия для безработных и другие меры социальной защиты. Эти идеи считались необходимыми для предотвращения распространения фашизма и коммунизма.

Последователи Кейнса также признают необходимость государственного регулирования капиталистической экономики. Они считают, что государство должно играть активную роль в регулировании экономических процессов, чтобы обеспечить устойчивость экономики и благополучие общества [9]. Новый либерализм – это идеологическое направление, которое объединяет принципы либерализма и социал-демократии, предлагая синтез этих двух концепций. В основе нового либерализма лежит идея объединения

либеральной теории и концепции социального государства. Таким образом, новый либерализм предлагает баланс между принципами свободы и рыночной экономики с социальной защитой и государственным вмешательством в экономику для обеспечения социальной справедливости [14]. Во время Второй мировой войны в странах, таких как ФРГ, Великобритания, Франция, США и Италия, кейнсианство (концепция «нового либерализма») нашло широкое распространение. Экономический кризис 2008 года дал толчок к развитию идей нового либерализма Кейнса [1; 9].

Параллельно с новым либерализмом начал развиваться неолиберализм. Неолибералы призывают ограничить вмешательство в экономику, считая, что достаточная конкуренция на рынке приведет к созданию «социальной рыночной экономики», которая, по их мнению, обеспечит общее благосостояние [2]. В период после Второй мировой войны произошло множество идейных и эволюционных сдвигов в экономических и политических концепциях, которые отразились на развитии современного общества. В экономической сфере неолиберализм является противником ограничений свободы торговли и свободы труда. В идеальном виде неолиберализм ставит основными принципами отсутствие ограничений на свободу торговли и свободу труда, а также противником фабричного законодательства. В ходе развития либерализма возникли различные учения и направления, которые могут содержать противоречия и альтернативные подходы к различным аспектам. Кроме того, либерализм столкнулся с новым противником – демократизмом, который впоследствии превратился в социализм. Социализм отрицает личное право собственности и, таким образом, стал противником либерализма в области экономики. В борьбе с социализмом либерализм претерпел изменения, возведя свободу капитала в ранг базовой ценности.

Неолиберализм стремится ограничить роль государства до минимума и в теории приближается к анархизму. Однако на практике при протесте против некоторых демократических мер он может сохранять консервативные взгляды. В литературе одним из наиболее типичных представителей критиков такого либерализма является Герберт Спенсер [17].

Концепции неолиберализма вызывают дебаты и критику, и трактовка их реализации может различаться в разных контекстах и странах. Идеи неолиберализма имеют своих сторонников и оппонентов, и мнения о положительных и отрицательных последствиях этого подхода можно встретить в широком спектре. Некоторые приверженцы неолиберализма считают, что он способствует экономическому росту и развитию, в то время как критики указывают на неравенство, социальные последствия и угрозы для общественных отношений. Социальная концепция неолиберализма имеет несколько положительных сторон [7].

Во-первых, уделяя особое внимание индивидуальным правам и свободам, неолиберализм ставит акцент на личной автономии и возможности каждого человека самостоятельно организовывать свою жизнь. Это позволяет

индивидуумам принимать собственные решения и реализовывать свой потенциал без излишнего вмешательства со стороны государства.

Во-вторых, рыночная интерпретация общественных связей способствует созданию конкурентного окружения, которое поощряет инновации и эффективность. Конкуренция между различными субъектами общества, включая предпринимателей, работников и национальные государства, может привести к повышению качества товаров и услуг, снижению цен и расширению выбора для потребителей. Это может способствовать экономическому росту и процветанию общества в целом. Концепция неолиберализма подчеркивает значение рыночных законов и функционирования рыночных структур как основы этики. Это может способствовать развитию более прозрачных и справедливых механизмов управления экономикой, а также обеспечению равноправия и справедливости в обществе [13].

Положительные стороны неолиберализма не освобождают от необходимости учитывать и оценивать его потенциальные негативные последствия и социальные уязвимости. Балансирование между свободой индивидуума и социальной справедливостью является значимым аспектом дискуссий вокруг этой концепции.

Итак, можем отметить, что с развитием и распространением общественного дискурса, неолиберализм и другие экономические и политические идеи стали важными концепциями для понимания мира, себя и причин нашего поведения. Одно из особенностей неолиберализма заключается в новом определении человеческой природы. Оно указывает на то, что люди больше не рассматриваются как разумные, сотрудничающие и эмпатичные существа, а стали представлены в виде жаждущих конкуренции. Рациональность неолиберализма поставила людей друг против друга, придавая ценность идеологии «продвижения вперед», зачастую оставляя за кадром вопрос о средствах достижения. Кроме того, он подсказывает, что наш демократический выбор наилучшим образом выражается через транзакции – награды за достижения и наказания за неэффективность. С течением времени эти представления были внутренне приняты людьми, что привело к тому, что богатые начали считать свой успех исключительно результатом своих способностей, игнорируя свои структурные преимущества, такие как место рождения, наследство и образование. Подобным образом, бедные начали винить себя за свои долги, безработицу или недостаток здоровья, не видя множества преград, с которыми они сталкиваются. В результате укоренившихся структурных преград социальная мобильность замедлилась, а богатство сосредоточилось в руках небольшого числа людей. На личном уровне развитие такой культуры алчности сочетается с ростом психических расстройств, с которыми люди сегодня сталкиваются, таких как саморазрушение, депрессия и беспокойство – все это характеристики нашего времени. Для приверженцев фундаментализма это неравенство, которое является неизбежным результатом неолиберализма, считается добродетелью. Они утверждают, что талантливые и трудолюбивые люди выдвигаются вперед и возвышаются над ленивыми

и неквалифицированными. Они считают, что эта система является наиболее справедливой и представляет лучшую возможность для достижения успеха [12]. Неолиберализм является следствием глобализации общественной жизни.

Оценка В.Н. Березовского гласит, что «глобализм включает в себя превращение мира в единое городское пространство, где господствуют банки, технологии и ресурсы». Таким образом, глобализм стремится к постепенному уничтожению государства-нации и установлению глобального управления, осуществляемого транснациональными компаниями и международными институтами [3].

Индивидуализм в контексте либерализма подразумевает приоритет морального достоинства и прав человека над возможными притязаниями со стороны коллектива. Он делает акцент на индивидуальных свободах и принципе неприкосновенности личности. Вместе с тем, индивидуализм не отрицает возможность самопожертвования, если человек признает требования коллектива справедливыми. В отличие от индивидуализма, который признает важность индивида, коллективизм стремится дать преимущество интересам коллектива над интересами индивида. Он подчеркивает обязанности и общие цели вместо индивидуальных прав и свобод. Однако в контексте индивидуализма в либерализме, приоритет все равно отдается моральному достоинству и свободе индивида.

Индивидуализм не связан с концепцией «атомизированного» общества, где индивидуалы рассматриваются как изолированные атомы, лишенные связей и взаимодействий. Вместо этого индивидуализм в либерализме признает важность индивидуального самовыражения, независимости и свободы выбора, но также признает ценность общественного взаимодействия и социальных связей. Таким образом, индивидуализм в либерализме подразумевает важность защиты и приоритета прав и свобод каждого отдельного человека, в то же время уважая право других людей на свободу и самоопределение. Это предоставляет основу для создания гармоничного и прогрессивного общества, где индивиды имеют возможность развиваться и реализовывать свой потенциал в соответствии с собственными ценностями и убеждениями [8].

Эгалитаризм в либерализме подразумевает, что все люди должны быть морально и политически признаны равными, и никакие «эмпирические» различия, такие как раса, происхождение, собственность, профессия, поли и прочие факторы, не должны играть определяющую роль в организации важных правовых и политических институтов общества. Он стремится обеспечить равенство всех индивидов перед законом и гарантировать равные возможности для всех членов общества. Эгалитаризм в либерализме не обязательно основывается на идее о том, что все люди рождены абсолютно равными. Вместо этого он помещает проблему равенства в контекст обязательств и прав, указывая на необходимость всем лицам быть морально и политически равными, независимо от конкретного обоснования этого равенства, будь то идея «естественных прав», гегелевская диалектика «раба и господина» или утилитаристский расчет собственных выгод.

Идея эгалитаризма в либерализме подчеркивает не только важность признания равной моральной ценности каждого индивида, но также стремится к устранению неравенств и дискриминации, чтобы обеспечить справедливое и гармоничное социальное устройство. Это включает в себя устранение преград, которые могут препятствовать полноценному участию людей в обществе и ограничивать их возможности. Эгалитаризм в либерализме направлен на создание условий, в которых каждый индивид имеет равные возможности реализовать свой потенциал и достичь собственного благополучия. В целом, эгалитаризм в либерализме призывает к признанию равенства всех людей и созданию системы, в которой никого не будут систематически притеснять или лишать возможностей из-за своих личных характеристик. Он является одной из основных принципиальных составляющих свободного и справедливого общества по либеральным стандартам.

Мелиоризм в либерализме отражает убеждение в возможности улучшения общественных институтов и условий жизни через различные механизмы и реформы. Он подразумевает, что общество может быть изменено и совершенствовано, чтобы достичь лучших результатов и удовлетворить потребности людей. Мелиоризм не обязательно связан с идеей прогресса как направленного и детерминированного процесса, хотя в истории он часто ассоциировался с этой идеей. Вместо этого мелиористы признают, что изменения могут происходить как спонтанно, так и планомерно, и различные подходы могут быть использованы для достижения желаемых результатов.

Например, некоторые мелиористы могут поддерживать идею спонтанной эволюции общества, считая, что изменения происходят органически и постепенно через социальные и экономические процессы. Другие мелиористы могут отдавать предпочтение рационалистическому конструктивизму, который предполагает активное вмешательство и планирование для достижения желаемых изменений. В целом, мелиоризм в либерализме подразумевает оптимистическую уверенность в возможности прогресса и улучшения общества, но признает разнообразие подходов и представлений о том, как это может быть достигнуто.

Социальный контракт в либерализме основан на руссоистской идее общественного устройства, отражает основные принципы, согласно которым члены социальных групп вступают в контрактное соглашение добровольно и сознательно.

Целью такого контракта является контроль и упорядочение риска, которые сопутствуют взаимоотношениям между людьми, особенно в сфере обмена. Согласно этой идее, люди сознательно принимают на себя определенные обязательства и ответственности, а также признают права и свободы других людей. Идея социального контракта предполагает, что каждый член общества должен соблюдать определенные нормы и правила поведения, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование.

В рамках руссоистской идеи социального контракта освобождение личности от ограничений и угнетения сопутствует увеличению договорных отношений. Люди вступают в различные договоры и соглашения, чтобы регулировать свои взаимоотношения и обмениваться благами и услугами. Таким образом, этот контрактный подход способствует созданию структурированного и организованного общества, где риск и конфликты между людьми могут быть контролируемы и урегулированными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алпатов Г.М.** Дж.М. Кейнс и новый либерализм в Англии // Вестник Пермского университета. Серия: История: журнал. 2012. № 13.
2. Большая Советская Энциклопедия: В 50 томах. М.: Советская энциклопедия, 1950-1957. Т. 25.
3. **Воронин С.А.** Процесс глобализации или проект неолиберализма? Что нас ожидает // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история: журнал. 2015. № 15.
4. **Грицанов А.А.** Новейший философский словарь. Минск: В.М. Скакун, 1998.
5. **Дробот Г.А.** Либерализм в теории международных отношений: история, зарубежная и отечественная школы // Социально-гуманитарные знания: журнал. 2014. № 5.
6. **Дуран А.С.** Испанский либерализм XIX века: от идеалов национального суверенитета к конституционализму // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук: сборник. 2017. Т. 17. № 4.
7. **Ильин А.Н.** Идеология неолиберализма: сущность и социальные последствия // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика: журнал. 2020. Т. 13. № 2.
8. **Капустин Б.Г.** Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010.
9. **Козырев В.М.** Джон Мейнард Кейнс: его вклад в экономическую науку // Экономика туризма: журнал. 2013. № 1.
10. **Михельсон М.И.** Большой толково-фразеологический словарь русского языка: В 3-х т. Москва: ЭТС, 2005.
11. **Нурмеев Ю.Р.** Идеиные основы и базовые принципы либерализма // Ученые записки Казанского государственного университета: сборник. 2008. Т. 150. № 7.
12. **Пирс У.** Критика неолиберализма. КАТЕНОН. М., 2023.
13. **Раквиашвили А.А.** Либерализм. Эволюция идей. М.: URSS, 2017.
14. **Сиземская И., Новикова Л.** Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
15. Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 8.

16. Социологический энциклопедический словарь. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998.
17. Спенсер Г. Личность и государство. М.: АСТ, 2023.
18. Яковлева Л.И. Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года: история принятия, предпосылки, уроки // Вестник Московского университета: Сборник. 2018. № 3.

F.P. FURMAN

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF RUSSIAN LIBERALISM AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES AND THE TURN OF THE 20TH-21ST CENTURIES

The article analyzes the political course developed during this period within the framework of new liberalism, the formation and evolution of which in Russia took place under conditions largely different from those that gave rise to the phenomenon of European liberal thought and the liberal movement; The specifics of the Russian process of modernization of the political system at the turn of the 19th-20th centuries are considered. And the turn of the XX-XXI centuries; it was concluded that representatives of domestic liberalism back in the late 19th – early 20th centuries. A promising political course was developed to change the national-state structure of Russia during the transition to a constitutional system, combining Western European theories and practices with the conditions of Russian reality; the problems of Russian liberal centrism of the early twentieth century are highlighted; there is a special interest in the political organizations of liberals in the periods examined.

Key words: liberalism, centrism in Russian liberalism of the early twentieth century, party of democratic reforms, party of peaceful renewal, XIX century, XX century, progressive faction, Soviet and foreign historiography of Russian liberalism.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.002

УДК 303

М.Л. ТИХОНОВ

доктор военных наук Военной академии
Ракетных войск стратегического назначения
им. Петра Великого, Россия, г. Москва

И.В. ЖЕЛТЯКОВ

кандидат военных наук Военной академии
Ракетных войск стратегического назначения
им. Петра Великого, Россия, г. Москва

А.А. РОМАНЮК

кандидат военных наук Военной академии
Ракетных войск стратегического назначения
имени Петра Великого, Россия, г. Москва

А.С. НЕМЧАНИНОВ

кандидат исторических наук, докторант
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения им. Петра Великого, Россия, г. Москва

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

В данной статье авторы осмысливают методологический подход к исследованию институционализма с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Авторы предлагают использовать институциональную систему или институционализм, как междисциплинарную метапарадигму компаративистики, позволяющую обратиться к концепту «политико-правовая платформа». Именно данный подход даст возможность сформулировать авторское понимание институциональной среды исследуемой категории, ее структурно-функциональные, процессуальные и сущностные характеристики, основные направления формирования и реализации политики России как политическую и институциональную практику по обеспечению безопасности государства, т.е. рассмотреть ее с точки зрения политико-институциональной матрицы.

Ключевые слова: институционализм, политико-правовая платформа, обеспечение безопасности государства.

В качестве методологического подхода в исследовании концептуальных основ национальной безопасности Российской Федерации, авторы предлагают использовать институциональную систему или институционализм,

как междисциплинарную **метопарадигму компаративистики**. Если понятия «институт» (institution/institute), «институциональный» (institutional), «институционализм» (institutionalism) и др. применительно к политическим исследованиям в последнее время встречаются часто, то сравнительный анализ методологических проблем в предлагаемом контексте – нет. Данный подход позволит обратиться к такому концепту, как **политико-правовая платформа**. Именно данный подход даст возможность сформулировать авторское понимание институциональной среды исследуемой категории, ее структурно-функциональные, процессуальные и сущностные характеристики, основные направления формирования и реализации политики России как политическую и институциональную практику по обеспечению безопасности государства, т.е. рассмотреть ее с точки зрения политико-институциональной матрицы.

Следовательно, политику России по обеспечению безопасности государства можно рассматривать как политическую и институциональную практику и определить как совокупность военно-политических, экономических, социальных институтов и процессов, направленных на решение задач, предусмотренных Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», прогнозов научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Военной доктрины Российской Федерации и других документов стратегического планирования.

В рамках **субъект-объектных отношений** выполнение задач обеспечения национальной безопасности осуществляется **субъектами** – федеральными органами законодательной и исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, государственными корпорациями, в том числе через подведомственные этим органам организации и организации корпораций, заинтересованные общественные объединения и предпринимательское сообщество.

Основными объектами деятельности России по выполнению задач национальной безопасности, защите и реализации своих национальных интересов, по нашему представлению, являются: Антитеррористический центр государств-участников СНГ; Национальный антитеррористический комитет; Федеральная служба безопасности и Пограничные войска ФСБ России; Центр специального назначения ФСБ России; Министерство обороны Российской Федерации; МИД России; Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; население страны, проживающие в приграничных районах и региональных центрах; органы правопорядка России и др.

Исходя из этого, изучение институциональной системы национальной безопасности требует междисциплинарного подхода. По мнению авторов статьи,

данная политика встроена в институциональные структуры государства и процесс формирования данной системы социален. Вследствие этого институциональная система политики обеспечения национальной безопасности является открытой, существующие в ней процессы подвержены влиянию различных факторов, как внешне-, так и внутривнутриполитических. При этом субъектам политики приходится адаптироваться к данным обстоятельствам с целью оптимизации бихевиорального участия во внешней и внутренней политике элит, а также значительной части институциональных структур государства. В тех случаях, когда воздействие является перманентным, то в процессе приспособления закрепляется определенный порядок бихевиорального поведения. Причем это свойство показало свою особенность: существование в новых геополитических реалиях современной обстановки, что ярко подтвердило проведение специальной военной операции на Украине.

Полагая то, что все субъекты политики обеспечения национальной безопасности придерживаются схожей формы поведения в идентичных обстоятельствах (при условии, что адаптационные процессы формирования и реализации схожи по своим задачам), можно утверждать, что этот порядок оказывается общим для всех. Вследствие упорядочения, поведение субъектов структурируется. Данное обстоятельство приводит к смене совокупности бесконечного множества индивидуальных действий на универсальную структуру и форму поведения. Поэтому для описания феномена упорядочения поведения субъектов политики государства по обеспечению национальной безопасности авторами был применен термин «институт».

Институциональная система данной политики многообразна и определяется условием формирования среды. Но дополнением к этому служит вариативность ее подсистем. Именно они отражают значимое выражение к интенсивности процесса воздействия ключевых факторов. Институционализация отношений указывает на особый порядок взаимоотношений, происходящий в рамках формирования и реализации задач по обеспечению безопасности страны. При этом институциональная основа упорядочивает функционал субъектов политики при взаимодействии государства и общества.

Проблемы, которые были исследованы отечественными учеными в области государственной безопасности, в большей степени относятся к традиционным геополитическим проблемам, чем мирополитическому. А потому убедительным фактором, подтверждающим гипотезу о необходимости исследования политики обеспечения национальной безопасности как научной категории с точки зрения **мирополитики**, а не геополитики, выступает тезис о «смене субъекта политики». Данное положение является важным составляющим в понимании **структурных компонентов** политики обеспечения национальных интересов и государственной безопасности, т.к. в международных отношениях геополитические интересы государства формируют устойчивые национальные и государственные интересы, но не подменяют одно другим [7]. При этом происходит четкое разделение внешней и внутренней политики страны. Суть в том, что объектом

исследования геополитики всегда была сфера взаимодействий внешних политик государств и распространение своих геополитических интересов по внешнему контуру межгосударственных отношений. Но первая четверть XXI века предоставила аргумент для исследовательского поля, позволивший по-новому взглянуть на складывающуюся политическую практику межгосударственных отношений. Сложившаяся международно-политическая реальность привела к тому, что изменилось и содержание политической практики взаимоотношений государств как субъектов международной политики: не только старые, но и новые субъекты стали вступать в среду политических взаимоотношений. Причем объектами стали не только межгосударственные взаимоотношения, но и внутренняя политика государств, что привело в конечном итоге к политической легитимации данного явления.

Это дает право утверждать, что в поствестфальскую эпоху международные отношения превратились из взаимодействия по «периметру» во взаимодействие «на всю глубину» политической деятельности государств. В политической науке, по утверждению профессора А. Богатурова, «родился новый объект изучения» (рис. 1) [1].

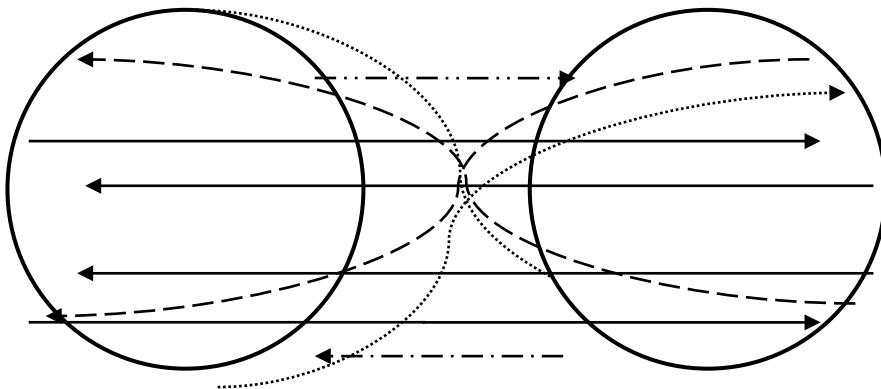

Рисунок 1. Графическое представление взаимодействия субъектов в мировой политике

На представленном рисунке 1 показано взаимодействие акторов мировой политики. Векторы политического влияния распространяются как по внешней, так и по внутренней среде политик субъектов исследования. Исходя из этого, **политика государства по обеспечению национальных интересов и безопасности страны становится составным элементом системы ее политической и институциональной практики, объектом акторов ее внутри- и внешнеполитической деятельности.**

Авторы полагают, что ключевым, или одним из важнейших **процессуальных свойств** политики Российского государства по обеспечению безопасности является ее **топологичность**. Это свойство определяет политику как объемно-пространственную среду. Данная характеристика выявляет субъект-объектные

отношения в рамках локалитета в определенных районах. Причем, в каждом политическом локальном случае существуют собственные возможности для политического участия высшего командного звена и органов военного управления, заинтересованных групп и элит. В представленные рамки укладываются своя военная практика, конкретные политические институты, структуры и органы военного управления и обеспечения безопасности страны, способы их функционирования и другие параметры организации в области формирования и реализации политики. **Реальное взаимодействие этих территориально разделенных очагов и составляет сферу политики по обеспечению национальных интересов и безопасности государства.**

Рассуждения о концепте политики России по обеспечению национальной безопасности необходимо представить в виде следующих **ключевых положений**.

Первое положение. Одно из важнейших оснований научной категории политики, характеризующейся качественным состоянием политической среды, в которой действуют вмешивающиеся переменные – ее **эпистемологическое основание**. К ним авторы относят акторы политического взаимодействия, как внутренние, так и внешние, усиливая при этом ее проницаемость.

Второе положение. Данное положение, как представляется авторам, касается изменяемых **качеств политики**, на которые активно влияют оперативные переменные. К ним авторы статьи относят: проведение специальной военной операции; усиление рестрикций западных стран против России; сужением морских коммуникаций, вызванных политикой Запада в связи с СВО; попытки исключить национальную экономику из хозяйственного оборота в наиболее благоприятных регионах мира; показатели транснационализации международных вооружений в целом и т.д. Все это является индикаторами проницаемости политической среды, свойство которой авторы рассмотрят ниже.

Третье положение – гносеологические корни научного исследования. В этих условиях деятельность государства становится следствием ее политики по обеспечению национальных интересов и безопасности.

Четвертое положение касается **определения дефиниции** «национальная политика по обеспечению безопасности государства», как объекта политологического исследования. Подход авторов к исследованию с позиций генезиса и особенностей формирования ее научного поля, системных, сущностных, структурно-функциональных и процессуальных свойств дает понимание своеобразия политики России в данной области как составной части мирополитической категории, что означало бы вычленение ее из категорийной зависимости геополитики и позволило бы решить научную задачу. При этом важным условием для дальнейшего исследования является рассуждение о **сущностных свойствах** политики по обеспечению национальной безопасности. Отправной точкой для этого служит Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5], Военная доктрина [2], Информационная доктрина [6] и других документов стратегического планирования.

С этой точки зрения политика России по обеспечению национальной безопасности предстает как общественный механизм взаимоотношения власти и общества. Но упомянутые выше документы не дают ответы на вопросы, касающиеся существенных свойств политики по обеспечению национальной безопасности, ее функций и структуры. Авторы полагают, что **сущность данной политики рассматривается как целостная и качественно определенная область мирополитики и деятельности политических институтов общества по обеспечению национальных интересов и безопасности России.**

Если учесть, то обстоятельство, что она является мирополитической категорией, **основными направлениями политики Российской Федерации по обеспечению национальных интересов и безопасности государства являются:**

1) развитие текущего состояния и его перспективы в области развития военно-промышленного комплекса Российской Федерации; научно-исследовательской деятельности; кадровое обеспечение и др.;

2) формирование единой скоординированной политики всех структур для обеспечения национальных интересов России, военной безопасности страны и повышения ее международного авторитета, укрепления безопасности хозяйственной и научной деятельности Российского государства и др.;

3) исключение дискриминационных действий со стороны отдельных государств или военно-политических блоков, а также урегулирование на выгодных для страны условиях, имеющихся политических и международно-правовых проблем освоения и рационального использования природных ресурсов в целях социально-экономического развития страны и обеспечения эффективного функционирования;

4) поддержание необходимого научно-технического, промышленного и кадрового потенциала, обеспечивающего выполнение национальной политикой специфических функций, что предполагает наличие у нее соответствующей **внутренней структуры**. Данная структура, по мнению авторов, предопределяет возможность исполнения ею определенных функций и задач. К данной **подсистеме авторы относят следующие элементы:**

во-первых, теоретическую базу формирования и реализации политики в области государственной безопасности. Ее основой явилась совокупность теоретических взглядов и установок, определяющих принципы формирования политики России в данной области, а также геополитическая обусловленность, как необходимое условие становления структурного элемента научно обоснованной государственной политики в сфере обеспечения национальных интересов и проведения Россией специальной военной операции;

во-вторых, военно-политические планы и решения высшего политического руководства страны и органов военного управления. Планы и решения были непосредственно связаны с особенностями военно-политической обстановки, сложившейся после 2014 года, когда учитывалось максимально возможное количество факторов, определяющих характер практической деятельности правительства на международной арене. Обстановка потребовала создания

совершенно нового вида оружия и вооружения армии и флота. Начавшаяся специальная военная операция потребовала не только немедленной реорганизации военной промышленности, но и всего военно-промышленного комплекса. Немаловажным фактором, повлиявшим на формирование политики обеспечения национальной безопасности России, явился фактор глобальной геополитической трансформации. В основе этого лежали увеличение числа и усиление рестрикций против нашего государства, а также решение западных стран нанести России стратегическое поражение. Значимым фактором, повлиявшим на принятие решений в области формирования политики, направленной на обеспечение безопасности государства во всех сферах общественной жизни, стало использование боевых сил и средств во время проведения на Украине СВО. Стало необходимо проведение реорганизации органов стратегического управления армии и флота;

в-третьих, субъект политики. К нему относятся государство и общество в лице федеральных органов и субъектов Российской Федерации исполнительной власти, местного самоуправления, государственных корпораций, заинтересованные общественные объединения;

в-четвертых, объекты политики, как внутренние, так и внешние. Главным внутренним объектом является совокупность объектов деятельности государства (научно-хозяйственный и военно-промышленный комплекс, направленный на производство новых видов вооружения и т.д.). Внешние объекты политики определялись в соответствии с внешнеполитическими задачами России: обеспечение ее национальной безопасности;

в-пятых, цели политики. Они определялись главными интересами ее субъектов. Целью политики является защита суверенитета, независимости страны, обеспечение ее безопасности и национальных интересов, которая исходит из внешнеполитического курса страны и складывающейся военно-политической обстановки;

в-шестых, средство достижения военно-политических целей. Этим средством служат институциональные структуры государства: МИД России, Министерство обороны РФ, органы ФСБ России и другие институты и организации государства;

в-седьмых, военно-политическая обстановка, сложившаяся в следствии активного вооруженного противостояния стран Запада. Это является одним из существенных структурных элементов политики, которая представляет множество факторов, активно воздействовавших на нее;

в-восьмых, практическая деятельность государства, которая реализовала доктринальные идеи и принимаемые на их основе планы и решения.

Перечисленные вызовы и военные опасности при обострении и нарастании напряженности военно-политической обстановки в мире могут перерасти со стороны Соединенных Штатов Америки и НАТО в **военные угрозы** Российской Федерации, либо непосредственно в **агрессивные действия** с применением военной силы различного масштаба, что подтверждается неизменным курсом,

принятым в двух стратегиях США: «Стратегии национальной безопасности США» от 12 октября 2022 года [3] и «Стратегии национальной обороны США» [4] того же года. В этих условиях основной задачей России является использование всех инструментов политики, направленной на обеспечение национального суверенитета и безопасности государства и общества. При этом авторы учитывают то обстоятельство, что современные вызовы и угрозы национальной безопасности России носят комплексный характер. Это объясняется следующими обстоятельствами:

во-первых, необходимостью использовать новые формы и методы работы для активного противодействия им;

во-вторых, своевременными действиями по нейтрализации возможных негативных последствий;

в-третьих, активизацией антироссийских действий Европейских и иных держав.

Все это, в целом, направлено еще и на ослабление внешнеполитических позиций России и ее одностороннее разоружение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Богатуров А.** Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. Январь-апрель. № 1 (4) // <http://www.intertrends.ru/four.htm>.
2. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена указом Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html/>.
3. Стратегия национальной безопасности США // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.
4. Стратегия национальной обороны США // <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF>.
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.
6. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.
7. **Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волынчук А.Б.** Геополитическое развитие Северной Пацифики (опыт системного анализа). Владивосток: Дальнаука, 2007.

M.L. TIKHONOV

Doctor of Military Sciences at the Military Academy
Strategic Missile Forces them. Peter the Great,
Moscow, Russia

I.V. ZHELTYAKOV

Candidate of Military Sciences at the Military Academy
Strategic Missile Forces them. Peter the Great,
Moscow, Russia

A.A. ROMANYUK

Candidate of Military Sciences at the Military Academy
Strategic Missile Forces named after Peter the Great,
Moscow, Russia

A.S. NEMCHANINOV

Candidate of historical sciences, doctoral student
Military Academy of Strategic Missile Forces appointments
to them. Peter the Great, Moscow, Russia

INSTITUTIONAL APPROACH TO STATE REGULATION OF NATIONAL SECURITY IN RUSSIA: ISSUES OF THEORY AND METHODOLOGY

In this article, the authors comprehend the methodological approach to the study of institutionalism from the point of view of ensuring national security. The authors propose to use the institutional system or institutionalism as an interdisciplinary metaparadigm of comparative studies, which allows us to turn to the concept of «political and legal platform». It is this approach that will make it possible to formulate the author's understanding of the institutional environment of the category under study, its structural, functional, procedural and essential characteristics, the main directions of the formation and implementation of Russian policy as a political and institutional practice to ensure the security of the state, i.e. consider it from the point of view of the political-institutional matrix.

Key words: institutionalism, political and legal platform, ensuring state security.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.003

УДК 343.1

З.К. АЮПОВА

доктор юридических наук, профессор
кафедры «Право» Казахского национального аграрного
исследовательского университета,
Казахстан, г. Алматы

Д.У. КУСАИНОВ

доктор философских наук, профессор
кафедры «Политологии и социально-философских дисциплин»
Казахского национального педагогического университета
им. Абая, Казахстан, г. Алматы

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КАК ФУНДАМЕНТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Сейчас крайне необходимо совершенствовать нормы уголовного закона в плане разграничения преступлений и уголовных проступков, обосновывать категоризацию преступлений, определить круг субъектов коррупционных преступлений и правонарушений, а также важно совершенствовать нормы уголовно-процессуального законодательства по разграничению полномочий следственного судьи и прокурора в ходе досудебного производства по уголовным делам; привести в соответствие нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Необходимо последовательное и обдуманное восприятие опыта других стран в национальное законодательство Республики Казахстан. основополагающие принципы уголовно-правовой политики, науки и практики составляют своеобразную систему, системную взаимосвязь положений Конституции и Уголовного кодекса РК. Все это вместе, несомненно, выполняет свою общую системоформирующую роль по отношению к правовой системе в целом, занимая не последнее место в ряду многих подобных факторов. Краеугольное положение о приоритете прав и свобод человека ст. 1 Основного Закона получило свою конкретизацию в ст. 12 Конституции, где определена их естественно-правовая природа: «Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов». Данный общий постулат дает возможность сделать еще более смелый вывод, что уголовное право, как и право в целом, со всеми его отраслями, невозможно сводить к совокупности изданного государством уголовно-правового законодательства, его необходимо трактовать как более значимое правовое явление, включающее в себя идеи справедливости и гуманизма.

Ключевые слова: правовая система, уголовный закон, преступления, уголовные проступки, категоризация преступлений, субъекты коррупционных преступлений,

правонарушения, уголовно-процессуальное законодательство, следственный судья, досудебное производство, уголовно-правовая политика.

Важным принципом уголовно-правовой политики государства является принцип равенства граждан перед законом и судом, провозглашенный статьей 14 Конституции, который нашел потом отражение в ч. 2 ст. 14 нового УК РК: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом, независимо от происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, места жительства или любых иных обстоятельств».

Не менее важным принципом уголовно-правовой политики республики является наличие виновной ответственности за совершение преступного деяния. В соответствии с этим принципом лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Закрепление данного принципа в уголовном законодательстве должно гарантировать защиту граждан от возможного произвола правоохранительных структур, а также предполагает повышение требовательности к качеству работы органов предварительного следствия и судов, поскольку всякие попытки «обхода» этого принципа должны повлечь безусловное прекращение уголовного преследования.

Одним из основополагающих принципов уголовно-правовой политики государства является принцип справедливости, имеющий естественно-правовую природу. Он проявляется в обращенном к судам требовании закона назначать наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Кроме этого, в ст. 3 нового УК РК закреплено конституционное требование о недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же преступление (пп. 2 п. 3 ст. 77 Конституции РК).

Столь же естественно-правовой характер имеет непосредственно вытекающий из Конституции еще один принцип уголовно-правовой политики – принцип гуманизма. Это следует из ст. 1 Конституции и ее конкретизации: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Отсюда вывод, что вся система казахстанского уголовного права, его содержание должны соответствовать в первую очередь этим высоким стандартам [2. С. 55].

На первый взгляд, карательно-репрессивный характер уголовно-правовых законов не совсем увязывается с положением о примате прав и свобод человека. В п. 5 ст. 12 Основного Закона страны категорически, на институциональном уровне утверждена не только допустимость, но и необходимость

установления государством того или иного запрета, в том числе уголовно-правового: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность».

Обратим особое внимание на ту часть приведенной нормы Конституции, в которой рядом как равнозначные поставлены понятия «конституционный строй» и «общественная нравственность». Считаем, что это очень высокозначимое правовое явление, свидетельствующее о начале развития нашей законодательной системы на основе естественного права, о сочетании публичных и частных начал в нашей правовой системе, о все большем движении законов, в том числе уголовно-правовых, в направлении наполнения Идеей права, правовым содержанием, что является одной из главных целей правовой реформы, строительства правового государства, формирования правовой системы. Особо знаковым указанное явление предстает и потому, что понятие «общественная нравственность», внесенное в Конституцию страны, становится, по существу, правовым понятием, которое не вправе игнорировать ни одна отрасль законодательства и права, в том числе (а может быть, и тем более) и уголовно-правовая сфера. В новом Уголовном кодексе РК, а также в других законах уголовно-правовой сферы эта норма Конституции конкретизирована во множестве форм, для примера: в УК РК глава 10 озаглавлена «Преступления против здоровья населения и нравственности».

При понимании необходимой строгости уголовного наказания, законы тем не менее ограничивают их достаточно определенными конституционными и отраслевыми правовыми нормами. В соответствии с п. 2 ст. 17 Конституции: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жесткому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Эта конституционная норма сегодня является наиболее актуальной в уголовно-правовой деятельности, поскольку трудно провести грань между разумной достаточностью репрессий (наказание всегда причиняет определенные тяготы и лишения) и ее жестокостью. Она нашла свою конкретизацию и развитие во всех новых законах уголовно-правовой сферы. В частности, в п. 5 ст. 14 УПК РК запрещено: «Никто из участвующих в уголовном процессе лиц не может подвергаться насилию, другому жесткому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Все это есть свидетельство наполнения нашей правовой системы естественно-правовым содержанием.

При осуществлении правовых реформ нельзя не учитывать экономическую ситуацию в стране. Нереальными пока остаются требования приведения условий содержания подозреваемых и обвиняемых, подсудимых и осужденных к стандартам развитых государств. Тем не менее реформа пенитенциарной системы уже начата, идет работа по передаче ее под юрисдикцию Министерства юстиции, ведется подготовка соответствующей нормативной базы, которая бы развила и конкретизировала общее положение, зафиксированное в п. 2 ст. 38 УК РК: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости,

а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Это по содержанию тоже естественно-правовая норма.

Непосредственно связан с принципом гуманизма, но не полностью совпадает с ним принцип экономии уголовных репрессий. Именно с его позиций существенно обновлена вся система Особенной части УК РК, произведена декриминализация и депенализация многих деликтов, считавшихся в прежнем Уголовном кодексе преступлениями, большая часть декриминализованных деяний отнесена к категории административных правонарушений.

К системе принципов уголовного права относится и принцип неотвратимости уголовной ответственности и наказания, согласно которому, каждое лицо, виновное в совершении преступления, подлежит уголовной ответственности и наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным в уголовном законодательстве. В философии права и теории уголовного права издавна установлено, что неотвратимость ответственности и наказания – наиболее эффективное средство борьбы с правонарушениями и преступностью по сравнению, скажем, с чрезмерной жесткостью или даже жестокостью, эффективность которых ничтожна. Эти принципы также органично вписываются в систему правового государства и правовую систему с соответствующей правовой культурой.

Правокультурным содержанием насыщены ст.ст. 18 и 25 Конституции РК, утверждающие неприкосновенность частной жизни и жилища, которые слабо охранялись прежним Уголовным кодексом. Ст.ст. 121, 122 прежнего УК, содержавшие такие составы преступлений, как нарушение неприкосновенности жилища, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, предусматривали чрезвычайно мягкие наказания за эти довольно опасные преступления. Тем более неправовой характер имело то, что нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений граждан, совершенных частным лицом, наказывалось более сурово, чем такое же деяние, совершенное лицом, использовавшим служебное положение. Другими словами, с самого начала предполагалось более снисходительное отношение к такого рода правонарушениям, если его допускают должностные лица, хотя от злоупотреблений именно этих субъектов должны быть в первую очередь защищены граждане. В новом УК РК справедливость восстановлена, утверждено все наоборот. Ст. 142 УК – «Нарушение неприкосновенности жилища» – в п. 2 «за те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения», и т.д. устанавливает ощутимо более строгую ответственность. Аналогичное различие закреплено в п. 2 ст. 143 УК «Незаконное нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений», а также в п. 3 ст. 145 «Нарушение неприкосновенности жилища». И вообще, глава 3 УК «Преступления против конституционных и иных прав, и свобод человека и гражданина» содержит обширный перечень норм, защищающих многообразные права и свободы личности. Это большой вклад в успех правовых реформ

и становление новой правовой системы правового государства и гражданского общества [2. С. 56].

Заметным творческим вкладом в новые реалии являются работы проф. В.А. Сергиевского. Особого внимания заслуживает его статья «Введение в концепцию уголовного права Республики Казахстан» [3. С. 14], в которой представлен глубокий и разносторонний философско-правовой, историко-правовой и теоретико-правовой анализ концепции уголовного права, хотя это – лишь введение к концепции. Здесь важно не то, сколько успел сделать автор. Важен сам зачин; после него, возможно, будут разрабатываться концепции и других отраслей права, которые позволят нашему в подавляющем большинстве безграмотному в правовом отношении обществу обрести постепенно подлинную правовую культуру. Приведем лишь некоторые фрагменты из работы профессора, прямо или косвенно касающиеся системности отраслей наук уголовно-правового цикла, системности права в общей системе всех наук.

Отмечается, что криминология и уголовное право, как отрасли знания в анналах проблемы «классификация наук», значатся по-разному, находятся, применяя спортивный термин, в разных «весовых» категориях науки. Так, криминология изучает кардинальные вопросы преступности: этнологию (причины и условия), морфологию (форму и строение), личность преступника... Основными вопросами исследования уголовного права являются преступления, понимаемые как негативный юридический факт, и наказание – законная реакция на него государства. Т.е. указанные здесь объекты изучения имеют правовую (искусственную) природу. В криминологии они носят естественный характер и напрямую связаны с человеком, являясь первичными по отношению к уголовному праву. Поэтому степень значимости этих научных отраслей знания, изучающих криминал, далеко не равная. Криминология, предназначенная для изучения сущего – «вещь в себе», должна ответить на кардинальный вопрос науки: «Почему оно происходит»? Уголовное же право лишь поясняет: «Что это такое и как поступать»? [3. С. 15].

Далее следует еще одно разделение, возможно, спорное: «В научной иерархии понятий, скажем так, криминология справедливо наречена наукой. Что же касается уголовного права, то оно, как и другие отрасли права, есть теория, уголовно-правовая теория, доктрина Казахстана» [3. С. 16].

Еще один тезис. Напрашивается вопрос: «Сможет ли криминология, сгруппировавшая в единое целое часть специфических теоретических знаний, решать проблемы предупреждения преступности, в центре которых стоит сам человек»? Думается, да, если исследователи преступного поведения, в первую очередь, умышленно будут исходить из аксиомы: человек является творцом преступления, а не его придатком. В теории уголовного права он, человек, есть не более чем субъект преступления, образуемый группой признаков: вид лица (физический), возраст, вменяемость. Тем самым названный субъект уравнивается с другими элементами состава преступления, например, с объектом преступления или объективной стороной – внешними признаками преступного деяния,

хотя бы действием (бездействием) субъекта, последствиями этого действия и причинной связью между ними. Такое положение противоречит природе криминала, его структуре, просто человеческой логике и дефиниции преступления – ст.9 УК РК, дающее предпосылку понимать общественно опасное действие (бездействие) как совершенное виновным человеком [3. С. 17].

Криминология – комплексная наука. Это означает, отмечается далее, что в деле изучения преступности используются теоретические положения юридических дисциплин и, прежде всего, понятия уголовно-правового цикла: преступление и наказание, основание и сущность уголовной ответственности, признаки конкретных деликтов и процессуальные формы их раскрытия, изобличение преступника и осуществление акта правосудия, обнаружение, собиране и фиксация доказательств по уголовному делу.

В концепцию уголовного права Казахстана взамен классового содержания должна быть заложена как основа, выстраданная людьми за многие столетия своего существования, идея общечеловеческих ценностей, и проблемы концепции нельзя рассматривать отдельно от правовой реформы РК, в частности, ее судебно-правовой части. Идея и содержание указанной концепции должны быть признаны государством в качестве аксиомы для правотворчества его Парламента (уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство) и незыблемой основой карательной политики страны. Без нее, такой политики, нет государства, да и вообще социального общежития человека. Проблемы научных дисциплин уголовно-правового цикла, наперво: уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исправительного права – должны рассматриваться квалифицированно и совместно с представителями этих отраслей юриспруденции. Тогда принятое решение будет представлять единое целое, объемно обусловленное определенными знаниями надлежащих и, вполне возможно, иных дисциплин [3. С. 18].

Заклячая свою работу, проф. В.А. Сергиевский писал: «Руководствуясь указанием верховной власти нашего государства, что уголовный закон является единственным источником уголовного права (ст. 1 УК РК), стоит подумать о своде уголовных законов Казахстана. Впоследствии сюда можно будет включить и устав о предупреждении и пресечении преступлений и уголовных проступков. Названный нормативный акт регулирует должную деятельность полиции РК. В правовом государстве надлежит господствовать юридическим нормам. В этом принципиальный смысл настоящего государственного устройства. Разработчикам проектов законов и Парламенту Казахстана всегда нужно помнить слова Вольтера: «Плохая юриспруденция умножает преступления» [3. С. 22].

В большей степени это касается системы процессуальных гарантий всего уголовного процесса – оперативно-розыскной деятельности, дознания, предварительного следствия, уголовного судопроизводства, исполнительской деятельности. Проф. И.Ш. Борчашвили отмечает, что «важнейшим направлением государственной деятельности является создание надлежащих условий, способных обеспечивать правовую защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека

и гражданина, интересов общества и государства от преступных посягательств. Данная сфера деятельности государства считается правоохранительной и подразумевает систему специальных органов, ответственных за соблюдение режима законности и правопорядка, в том числе посредством принятия эффективных мер, направленных на борьбу с преступностью. Этим целям служит содержание статьи 84 Конституции Республики Казахстан, закрепившей отделение органов дознания и предварительного расследования (предварительного следствия) от суда и прокуратуры, создав тем самым правовую основу для принятия на государственном уровне комплекса мер по организации существовавшей системы правоохранительных органов и осуществлению положений Государственной программы правовой реформы...» [4. С. 64].

Хотя правоохранительная система республики еще находится в стадии реформирования и становления, однако конституционный принцип отделения дознания и предварительного следствия от суда и прокуратуры остается неизменным и находит отражение во всех нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность правоохранительных органов. Основное содержание данного принципа заключается в том, чтобы, с одной стороны, посредством законодательной регламентации максимально обеспечить независимость и объективность прокурорского надзора и судебного контроля за законностью деятельности дознания и следствия, а с другой, создать правовые условия для процессуальной самостоятельности и объективности органов дознания и следствия при осуществлении предварительного расследования [4. С. 65].

Особо отметим, что, согласно уголовно-процессуальному законодательству республики, прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель являются органами уголовного преследования, однако формы, методы и содержание осуществляемых ими полномочий существенно различаются. В организационном плане – это прежде всего отсутствие в структуре прокуратуры специально созданного аппарата для осуществления функций дознания и следствия, в правовом – отсутствие полномочий на осуществление данной процессуальной деятельности, несмотря на дозволение законом производить органам прокуратуры отдельные, строго оговоренные следственные и процессуальные действия, позволяющие осуществлять уголовное преследование без процедуры дознания и следствия [4. С. 58]. Таким образом, сформирована новая своеобразная система правоохранительных органов.

В системе правоохранительных органов особое место занимает оперативно-розыскная деятельность, регулируемая соответствующим законом, принятым 15 сентября 1994 г., которая определяется как научно обоснованная система гласных и негласных оперативно-розыскных, организационных и управленческих мероприятий, осуществляемых в соответствии с Конституцией, законами и нормативными актами Республики Казахстан специально уполномоченными государственными органами в пределах своей компетенции, в целях защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств,

а также от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и международных организаций. Опять, как видим, целая система особых функций.

Системный характер носят и задачи органов, имеющих право на оперативно-розыскную деятельность. Столь же детализированно системными являются: перечень оперативно-розыскных мероприятий, которые подразделяются на общие и специальные; основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий; ограничения при выполнении оперативно-розыскной деятельности.

Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» конкретизирует форму и содержание полномочий органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия. Но их деятельность не является процессуальной и отделена от деятельности органов дознания и следствия, осуществляемой на основе уголовно-процессуального законодательства. Тем не менее результаты оперативно-розыскных мероприятий могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК, регламентирующими сбор, исследование и оценку доказательств.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность, дознание, следствие – специфические сферы одной системы правоохранительной деятельности. Поэтому между ними предполагается взаимодействие и сотрудничество при решении общих и специальных задач, основная из которых – предупреждение и искоренение преступных проявлений в жизни общества.

К этой системе правоохранительных органов примыкает (а может быть, точнее – возвышается над ней) судебная система, которая действует на основе системы процессуальных гарантий уголовного судопроизводства. Ст. преп. Р. Шуменова отмечает: «Уголовно-процессуальный кодекс... дает основу для формирования нового взгляда на принципы уголовного процесса и соблюдение их процессуальных гарантий. Количественное изменение принципов в основе своей влечет изменение качественное, в соответствии с чем изменилось на сегодняшний день содержание права: ранее оно лишь декларировалось, но не было закреплено в нормах отрасли права. В связи с этим необходимо новое научное осмысление принципов уголовного судопроизводства и системы гарантий их воплощения» [1. С. 16].

Система процессуальных гарантий, подчеркивает автор, основана на том, что каждому из прав, которым наделен обвиняемый, соответствует обязанность суда, следователя, органа дознания и прокуратуры обеспечить осуществление этого права. Процессуальные гарантии находят юридическое закрепление в нормах закона, внешне выраженных в виде средств обеспечения как цели уголовного процесса вообще, так и прав его субъектов, в частности. В связи с этим различают процессуальные гарантии прав отдельных субъектов (обвиняемого, потерпевшего и др.) и правосудия в целом. Между ними существует соотношение части и целого в единой системе. Закон исходит из того, что гарантии прав участников процесса являются условиями, без которых правосудие и уголовный процесс не могут обеспечить выполнение стоящих перед ними задач, поэтому

закон (ст. 114 УПК РК) не только обязывает орган, ведущий уголовный процесс, разъяснять участвующим в деле лицам их права, но и обеспечить возможность осуществления данных прав [1. С. 17].

В заключение нужно отметить, что прокуратура теперь, в основном, занимается досудебным расследованием, надзорные функции остались только у Генеральной прокуратуры, которая уполномочена выносить кассационные протесты в суд. Среди положительных изменений – передача следственным судьям многих полномочий. Необходимо напомнить, что сегодня значимость следственного судьи видится именно как юрисдикционного судебного органа, не связанного с непосредственными функциями по расследованию преступлений и уголовных проступков, но обеспечивающего законность процессуальных действий должностных лиц органов уголовного преследования и рассматривающего жалобы на их действия проактивно к появлению потенциальных кризисов и пытаются их предвидеть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Борчашвили И.Ш.** Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Учебник для вузов. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2015.
2. **Рогов И.И.** Конституционные основы формирования уголовно-правовой политики Республики Казахстан // Научные труды Әділет. 2017. № 1.
3. **Сергиевский В.А.** Введение в концепцию уголовного права Республики Казахстан // Правовая реформа в Казахстане. 2015. № 4 (8).
4. **Шуменова Р.** Система процессуальных гарантий принципов уголовного судопроизводства // Фемида. 2021. № 2.

Z.K. AYUPOVA

Doctor of Law, Professor of Law,
Chair of «Law» of Kazakh National Agrarian Research
University, Almaty, Kazakhstan

D.U. KUSSAINOV

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy,
Chair of «Politology and social-philosophical disciplines»
of Kazakh National Pedagogical University named
after Abai, Almaty, Kazakhstan

THE LEGAL SYSTEM AS THE FOUNDATION OF THE CRIMINAL LAW POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Now it is extremely necessary to improve the norms of criminal law in terms of distinguishing crimes and criminal offenses, substantiate the categorization of crimes, identify the range of subjects of corruption crimes and offenses, and it is also important to improve the norms of criminal procedure legislation on the delimitation of powers of an investigating judge and prosecutor during pre-trial proceedings in criminal cases; to bring into line the norms of criminal law- executive legislation. It is necessary to consistently and deliberately incorporate the experience of other countries into the national legislation of the Republic of Kazakhstan. The fundamental principles of criminal law policy, science and practice constitute a kind of system, a systemic relationship between the provisions of the Constitution and the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. All this together undoubtedly fulfills its general system-forming role in relation to the legal system as a whole, taking not the last place among many similar factors. The cornerstone provision on the priority of human rights and freedoms in Article 1 of the Basic Law was concretized in Article 12 of the Constitution, which defines their natural and legal nature: «Human rights and freedoms belong to everyone from birth, are recognized as absolute and inalienable, determine the content and application of laws and other normative legal acts». This general postulate makes it possible to draw an even bolder conclusion that criminal law, as well as law in general, with all its branches, can't be reduced to a set of state-issued criminal law legislation, it must be interpreted as a more significant legal phenomenon that includes the ideas of justice and humanism.

Key words: legal system, criminal law, crimes, criminal offenses, categorization of crimes, subjects of corruption crimes, offenses, criminal procedure legislation, investigating judge, pre-trial proceedings, criminal law policy.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.004

УДК 32

О.Т. АББАСОВ

старший преподаватель кафедры фундаментальных юридических и социально гуманитарных дисциплин МФПУ «Синергия»,
Россия, г. Москва
E-mail: orhan100@bk.ru

К ВОПРОСУ О РЕДУКЦИИ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Данная статья посвящена проблемам взаимодействия правовых семей. В статье рассматриваются основные категории, дающие понимание такому явлению, как правовая семья. Целью статьи является анализ природы правовых семей и процесса, условно названного их редукцией. В исследовании применяются аналитический и сравнительный методы. Делается вывод, что редукция правовых семей – не теоритическое явление, а практическое.

Ключевые слова: право, правовая система, правовая семья, национальная правовая система, редукция правовых семей.

В современной юридической науке, стало достаточно популярно понятие «правовая семья», а также такие категории, как «правовая система», «национальная правовая система». Популярность данных понятий достаточно просто объяснить. Тут все дело, на наш взгляд, в активно развивающемся процессе унификации – сведении воедино правовых моделей различных стран, в результате чего, неминуемо выделяется многообразие этих моделей. Для их исследования, необходимо проанализировать огромное количество правовых явлений. Эти правовые явления, в своей совокупности, и формируют понятие правовой семьи.

Правовая семья – это совокупность национальных правовых систем, имеющих общие черты, такие как схожие источники права, похожая структура, историческая связь и т.д. Но, как видно из данного определения, мы раскрываем правовую семью через понятие «национальной правовой системы». Национальная правовая система – это правовая система отдельного взятого государства. А само понятие правовая система раскрывается как взятые в единстве и взаимосвязи, все правовые явления в государстве.

Мы привыкли, что в рамках науки, классически выделяются несколько базовых правовых семей, такие как англосаксонская и романо-германская правовые семьи, религиозно-традиционная правовая семья, правовая семья обычного права. Но, в современных реалиях, все чаще мы видим сближение правовых семей и их трансформация в гибридную или смешенную правовую семью.

В рамках данной статьи, хотелось бы поговорить о подобных явлениях. Как нам видится, взаимодействие и взаимовлияние правовых семей, обычно рассматривается как однотипный процесс, не зависимо от каждого отдельно взятого случая. Но, мы в корне с подобной позицией не согласны, так как, по нашему

мнению, взаимодействие и взаимовлияние, в зависимости от различных факторов, а также правовых семей, в рамках которых эти процессы происходят, тоже можно разделить на несколько видов.

Например, процесс вестернизации, как разновидности взаимовлияния правовых семей, доступен исключительно для не западных систем. Но сейчас не о вестернизации. Основной вопрос, интересующий нас в данном случае, это вопрос уместности использования понятия «редукция», в вопросах, относящихся к взаимодействию правовых семей.

Редукция – это понятие многогранное. Но на наш взгляд, данное определение можно использовать в рамках политико-правовых наук, по причине того, что оно может описать сложный процесс слияния правовых семей и систем. В подобных случаях, чаще всего используется понятие рецепция, но нужно понимать, что данное понятие больше связано с заимствованием частей другой одной правовой семьи другой, норм права одного государства правом других государств. Но если мы говорим о слиянии двух систем воедино, где будут использоваться приемы как первой, так и второй системы, то понятие рецепция тут не совсем уместно.

Что же касается определения редукции, данная категория используется в различных науках. Но в самом общем смысле, редукция – это перевод из одной системы отчета в другую, путем введения поправок. То есть, если говорить о редакции с точки зрения правовых систем, то под ней, на наш взгляд, можно понимать введение поправок в правовые семьи, которые будут обусловлены различными факторами. Эти поправки приведут к слиянию двух или более правовых семей, или систем.

Что касается различных факторов, то тут можно взять за основу множество обстоятельств и фактов. Например, географическое положение, правовую культуру, экономическую, политическую и иную форму зависимости одних государств от других, и т.д.

Редукция правовых семей – это достаточно длительный процесс, формирующийся в течении большого промежутка времени. Примером могут служить государства, которые ранее находились в колониальной зависимости, в результате чего в их правовых системах возникли редукционные процессы. В качестве таких государств, стоит отметить, например, Канаду или Китай, и даже в какой-то мере США.

Подробнее процесс редукции можно рассмотреть на примерах названных стран, одной из которых, как было сказано ранее, является Канада. Правовая система, функционирующая в Канаде, возникла на основе британского общего права (Common Law), но при этом, правовая система провинции Квебек, в частности речь идет о гражданском праве, относится к модели романо-германского права. Здесь особенность заключается в том, что гражданское право относится к компетенции, в том числе, и провинции, в связи с чем, оно отличается от общенациональной системы, которая тяготеет к англосаксонскому праву. А вот

уголовное право, например, везде одинаково, как в Квебеке, так и на остальной территории Канады, так как уголовное право находится в федеральной юрисдикции.

Подобное положение вещей в Канаде сложилось в результате ряда процессов, которые связаны, в первую очередь, с формированием государственности в данной стране. Территория Канады осваивалась в течении двух веков (XVI-XVIII), различными народами. В частности, преобладали мигранты из Франции, а также из Англии. И, следовательно, каждый народ, кроме своей культуры и традиций и обычаев, «привозил» с собой и право собственной страны.

В течении почти двух веков, формируется правовая система Канады, ее основы. Ко второй половине XVIII века, в стране установилась власть Британии. Это означало, что и право Канады будет следовать британскому пути развития, в колонии установилась англосаксонская правовая система. Однако, стоит упомянуть, что в одной из уже названных провинций, речь конечно идет о Квебеке, население в большинстве своем состояло из представителей Франции, что стало ключевым фактором, в установлении в Квебеке французской системы права которая относится к романо-германской правовой семье. Данное положение вещей, хоть и не полностью, но дошло и до наших дней. Отличие подобного явления от рецепции в том, что при редукции происходит не частичное заимствование, а полное перенятие правовых явлений, вследствие чего, две правовые системы сосуществуют в рамках одного государства, что мы и видим в рамках данного примера.

Следующий пример – это правовая система Китая. Китай – это государство, которое можно отнести по общим признакам к романо-германской правовой семье. Но, вместе с тем, в рамках Китая существует специальный административный район – Гонконг.

Гонконг был купирован Великобританией в середине XIX века, в процессе первой опиумной войны. Гонконг находился под влиянием Британии, вплоть до конца 80-х годов XX века. Гонконг, находясь в составе Китая, имеет собственную правовую систему, которая опирается на британское общее права. Гонконг был признан специальным административным районом еще в 1997 году, в результате принятия совместной декларации Великобританией и Китаем. В соответствии с данной декларацией, правовая система Гонконга сохранялась в том виде, в котором она существовала до 1997 года. В связи с наличием британского влияния, в течение длительного времени, Гонконг успел перенять англосаксонское права, вследствие чего, в данный момент, правовая система Китая переживает редакцию с общим правом. С тех пор, как Гонконг обрел статус специального административного района, в Китае преобладает принцип «Одна страна, две системы». Кроме того, декларация устанавливает, что общекитайские законы, принятые в рамках законодательных органов КНР, не действуют на территории Гонконга, за исключением несколько отдельных законов.

В качестве еще одного примера, можно рассмотреть США и Луизиану. Всем известно, что США – является одним из государств, с ярко выраженной системой

англосаксонского права и господства прецедентов. Но, не смотря на это, не стоит забывать, что США – это государство, сформированное в результате колониальной деятельности европейских стран. Данный факт очень важен, в рамках рассматриваемого вопроса, ведь некоторые будущие штаты являлись колониями не только Британии, но и Франции. Подобно провинции Квебеке, подобный путь прошла и Луизиана – один из штатов США.

Луизиана являлась колонией Франции со второй половины XVII века, вследствие чего здесь сформировалась французская модель права, а значит и романо-германская правовая система, французского образца. Но, в начале XIX века, Наполеон решил, что большее внимание стоит уделить европейским вопросам и продал Луизиану США.

Но, как и в Квебеке, наибольшее влияние романо-германской правовой системы в рамках штата Луизиана, можно проследить в гражданском праве. Например, после принятия Луизианы в состав США, американские власти признали кодификацию гражданского права в штате Луизиана, которое в большинстве своем было осуществлено по французскому образцу. Что касается прецедентов, в области гражданского права, по общему правилу, официально, они не используются в Луизиане. Но, не смотря на это, многие эксперты полагают, что прецеденты и судебная практика в целом, имеют определенные роли в правовой системе Луизианы. Впрочем, в любом случае, концепции редукции права данный факт не противоречит, а наоборот показывает, что две правовые системы сосуществуют не только в рамках одного государства, но и в рамках одного субъекта федерации, чем Луизиана и является.

В заключении, хотелось бы сказать, что редукция – это уже не теория, это объективная реальность. Данный процесс происходит уже достаточно давно, а если отталкиваться от процессов, которые происходят в мире (унификация права, в первую очередь), рано или поздно, редукция станет явлением не только практическим, но и массовым. Кроме того, отталкиваясь от практики Канады и США, можно сделать вывод, что данный процесс носит не временный, переходный характер. Это процесс, порождающий новые правовые модели. Эти модели позволяют нескольким, совершенно разным правовым системам, относящимся к отдельным правовым семьям, гармонично сосуществовать, тем самым способствуя качественному обслуживанию потребностей общества, даже если это общество состоит из огромного количества отличающихся друг от друга социальных групп.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Долгих Ф.И., Ишутин А.А., Мажников В.И., Могучев Р.С., Саевская М.А. Обществознание: учебник. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024.

2. Долгих Ф.И. Теория государства и права: учебник: [16+]. Москва: Университет Синергия, 2023 // <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=695278>. ISBN 978-5-4257-0554-9. DOI: 10.37791/978-5-4257-0554-9-2023-1-464.
3. Ишеков К.А., Попов П.В. Основные подходы к пониманию правовой системы в российской юридической доктрине // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11 (186).
4. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учеб. пособие / 3-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010.
5. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.
6. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. А.В. Юрковского. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016.

О.Т. ABBASOV

Senior lecturer at the department of fundamental legal and social and humanitarian disciplines MFPU «Synergy», Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF REDUCTION OF LEGAL FAMILIES

This article is devoted to the problems of interaction between legal families. The article discusses the main categories that provide an understanding of such a phenomenon as the legal family. The purpose of the article is to analyze the nature of legal families and the process conventionally called their reduction. The study uses analytical and comparative methods. It is concluded that the reduction of legal families is not a theoretical phenomenon, but a practical one.

Key words: law, legal system, legal family, national legal system, reduction of legal families.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.005

УДК 316

С.С. АЛЕЕВА

старший преподаватель
кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва
E-mail: aleeva-ss@rguk.ru

А.Л. МАРУХЛЕНКО

кандидат технических наук, доцент,
заведующий кафедрой информационной безопасности
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Россия, г. Курск
E-mail: proxy33@mail.ru

И.Ю. ГАГАРИНА

кандидат исторических наук, начальник отдела
основных и дополнительных образовательных программ
УМУ РАНХиГС, Россия, г. Москва
E-mail: gagarina-iy@ranepa.ru

М.А. БУЛАВИНА

кандидат юридических наук, доцент, проректор
по научной работе АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций
им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: m.a.bulavina@yandex.ru

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Введение:** в работе описываются ряд организационно-правовых проблем благотворительной деятельности, которые требуют своего решения для повышения ее интенсификации и увеличения прозрачности движения финансовых потоков. Современная среда функционирования благотворительных процессов в Российской Федерации характеризуется присутствием набора сильных и слабых сторон, которые в краткосрочной перспективе формируют перечень потенциальных возможностей и вероятностных*

угроз. Стратегическая задача органов государственной власти в рассматриваемом векторе управленческого воздействия заключается в создании условий, направленных на минимизацию рисков наступления угроз и расширение потенциала благоприятной среды реализации возможностей.

Цель и задачи: цель работы заключается в рассмотрении организационно-правовых проблем благотворительной деятельности в России. В статье решаются следующие задачи:

- провести историко-правовой обзор эволюции регулирования благотворительной деятельности;
- сгруппировать наиболее актуальные организационно-правовые проблемы отечественного благотворительного пространства;
- охарактеризовать возможности и угрозы развития российской благотворительности в фокусе методики SWOT-анализа.

Результаты исследования: авторским коллективом проанализированы ключевые организационно-правовые проблемы российской благотворительности, результаты диагностики которых создали условия для выделения сильных и слабых сторон регулирования данного процесса. Выполненные обобщения позволяют сделать вывод о необходимости оптимизации функционирования государственного механизма в данной области социально-экономического пространства.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительная активность, благотворительные инициативы, риски, возможности.

Актуальность. Благотворительная деятельность имеет ключевое значение в организации качественного и масштабного механизма оказания социальной помощи. Особая актуальность деятельности благотворительных организаций и частных благотворителей состоит в том, что они способны оказать адресную помощь определенным категориям граждан. По ряду причин органы государственного и муниципального управления игнорируют отдельные аспекты осуществления своих социальных функций. В этой связи ряд категорий граждан остаются без социальной помощи и поддержки. Именно на решение социальных проблем данных членов общества и направлена деятельность благотворительных организаций. Стратегической целью функционирования благотворительных организации является создание всеобъемлющей и комплексной системы социальной помощи и поддержки всем субъектам гражданского общества независимо от их статуса. Современное гражданское общество и государственный строй имеют ряд особенностей, которые повышают актуальность благотворительности, как инструмента социальной помощи населению:

- рост социально-экономической стратификации общества. Данная особенность современного развития общества усиливает неравенство между бедными и богатыми. При этом с течением времени появляется такой класс граждан, как беднейшее население, представители которого практически не имеют средств к существованию;

– повышение социальной турбулентности. В последние годы в мире отмечается достаточно большое количество потрясений, которые вызваны как мировыми финансовыми кризисами, пандемией, локальными военными конфликтами, так и экологическими и природными катастрофами. Последствия данных явлений усиливают кластер лиц, относящихся к категории социально незащищенных граждан, для которых особую актуальность приобретает благотворительная помощь;

– размывание общей картины социальной политики государства. При существующей конъюнктуре органы государственной власти сосредоточили свою деятельность на решении макроэкономических социальных проблем страны в целом. Виной тому выступают потребности реализации пенсионной реформы, демографический кризис, внешнеэкономические санкции. При этом локальным проблемам социального развития отдельных категорий граждан уделяется минимальное внимание. Именно в этих условиях особую актуальность приобретает точечная и адресная помощь благотворительных организаций и частных благодетелей [7. С. 2657].

Основная часть. Историко-правовой обзор эволюции регулирования благотворительной деятельности имеет достаточно длительный ретроспективный период исследования. Традиции благотворительности в обществе были заложены еще в период древнерусской культуры, а официальное правовое признание впервые получили в 996 году, которое было отражено в положениях Устава, изданного Великим князем Владимиром [1. С. 7]. Положения Устава отдавали процессы социального призрения под покровительство и регулирование со стороны церкви. Важной особенностью Стоглавого Собора является то, что он начинает выводить благотворительные процессы из-под опеки церкви в сферу «призрения» государства и общественности. В этот период возникает термин «разборчивая раздача милостыни», которые должен обеспечить системную борьбу с нищенством за счет рационального распределения объема благотворительных пожертвований.

В период царствования Петра I был выпущен Указ «Об определении в домовых Святейшего Патриархата богаделни нищих, больных и престарелых» [9], которые регламентировал строительство богаделен по всей стране. Строительство богаделен происходило под покровительством органов центральной и местной власти. В этой связи важно отметить, что финансирование процессов строительства богаделен происходило как за счет средств государственной казны, так и за счет благотворительных пожертвований. Таким образом, осуществлялась реализация прообраза механизма государственно-частного партнерства: крупные отечественные промышленники и дворяне жертвовали средства на строительство богаделен взамен на благосклонность государя.

Дальнейшее активное развитие процессов в сфере благотворительности российского государства происходило в период царствования Императрицы Екатерины II. Актуальным правовым документом того времени в данной области можно считать Учреждения «О губерниях 1775 года» [11]. Данный документ

выступил организационно-правовой основой создания по всему государству сети специализированных учреждений, которые именовались «Приказ общественного призрения». Главная цель функционирования данных учреждений заключалась в оказании помощи людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (нищета, болезнь). Финансирование приказов общественного призрения происходило как за счет государственных средств, так и за счет благотворительных взносов представителей высшего сословия. При этом в документе представителям местного дворянства настоятельно рекомендовалось оказывать всяческую безвозмездную материальную помощь домам призрения во благо развития государства. В данном случае можно говорить о построении целой системы социального призрения на государственном уровне. В дальнейшем в законодательстве Российской Империи активно прорабатывались вопросы финансирования учреждений государственного призрения за счет благотворительных средств. В частности, Сенатский указ от 20 апреля 1781 г. «О мерах к доставлению пропитания нищим» обязывал приказы для прокормления неимущих учредить специальные кружки для подаяний [10]. Граждане вели активную благотворительную деятельность и осуществляли пожертвования для поддержки нищенствующих путем денежного подаяния в установленные в специально-отведенных местах кружки.

Коренные изменения в вопросах нормативного правового регулирования благотворительности в стране произошли после Октябрьской революции. Советская управленческая доктрина не рассматривала благотворительность в качестве инструмента решения социальных проблем. Все функции по социальному обеспечению населения взяло на себя государство. Материально-финансовая база благотворительных учреждений была упразднена и конфискована. Кроме того, при разработке законодательных актов категория благотворительности исключалась как идеологически чуждый термин. Радикальное влияние на уничтожение всех форм проявления благотворительности оказали: национализация капитала и упразднение частной собственности, активное притеснение церкви и огосударствление церковного имущества, эмиграция значительной части благотворительных акторов, радикальное падение общего уровня социально-экономического развития страны.

Несмотря на общую негативную конъюнктуру на практике благотворительная деятельность в стране продолжала существовать, хотя и в меньших масштабах. Основными формами благотворительной деятельности в период становления молодой Советской республики являлись:

- получение благотворительной помощи по линии международной организации Красного креста;
- функционирование благотворительных приютов для помощи бездомным, сиротам, нищим и больным людям при монастырях и церквях;
- сбор материальной благотворительной помощи при церковных учреждениях с последующей ее раздачей бедным;

– осуществление сбора гуманитарной помощи и в первую очередь продовольствия при профсоюзных организациях;

– получение благотворительной помощи по линии зарубежных благотворительных фондов, а именно: «Американской администрации помощи», «Международного комитета помощи голодающим (Нансен)», «Международной федерацией профсоюзов при II интернационале» [14. С. 257].

Легализация механизма международной благотворительной помощи в молодом Советском государстве носила временный характер, который был обусловлен острой необходимостью борьбы с проблемой голодающего населения в условиях полнейшей разрухи в промышленности и отсутствия социальной системы. В 30-е годы XX века окрепшее Советское государство исключило благотворительность из форм взаимоотношений с международными организациями с целью демонстрации устойчивости и прогрессивности выбранной идеологии. При этом в дальнейшем в СССР продолжали существовать отдельные формы благотворительности, о которых, правда, не принято было распространяться в средствах массовой информации. В частности, в период ВОВ церковь занималась активным сбором пожертвований для помощи фронту. Кроме того, весьма популярной формой благотворительности при СССР являлось так называемое «шефство». Суть данного механизма состояла в том, что отдельные крупные промышленные и торговые предприятия брали на попечительство социальные объекты (детские дома, сиротские приюты, дома престарелых). Шефство также могло браться над детьми красноармейцев или над детьми беднейших членов профсоюзов. При этом «шефские» фонды создавались при профсоюзах и функционировали за счет добровольных пожертвований работников. Кроме того, были созданы отдельные крупные фонды оказания помощи, которые функционировали за счет средств государства и средств добровольных пожертвований, трудящихся (Детский Фонд имени Ленина, Литературный Фонд, Художественный фонд, Фонд культуры СССР, «Фонд мира»). Среди других форм проявления благотворительности в СССР также можно выделить:

– проведение «субботников» и «воскресников» для благоустройства общественных территорий;

– сбор макулатуры и металлолома для переработки в личное время;

– дополнительные рабочие часы на фабриках и заводах, оплата труда за которые перечислялась в социальные объекты, к примеру, в детские дома;

– отчисления лауреатов правительственных и партийных премий части полученных сумм на поддержку разного рода социальных объектов;

– создание общественных касс взаимопомощи при промышленных, торговых и сельскохозяйственных предприятиях;

– использование профкомовских фондов для решения социальных проблем отдельных особо нуждающихся членов трудового коллектива.

Таким образом, несмотря на искоренение самого термина «благотворительность» в общественном и правовом пространстве СССР, сам механизм оказания благотворительной помощи продолжал функционировать.

После распада СССР конструируемое правовое пространство нового государства уже включало актуальное понимание благотворительности, которое соответствовало существующим реалиям социально-экономических отношений в обществе. Фундаментальные аспекты правового регулирования благотворительности раскрываются в положениях Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [12]. Данный законодательный акт в первую очередь закрепил в правовом пространстве такие категории как благотворитель, волонтер, благополучатель, благотворительная организация, а также цели и формы осуществления благотворительной деятельности. Особое внимание уделено условиям и порядку осуществления благотворительной деятельности с целью исключения ее пересечения с разного рода коммерческими интересами. Помимо отмеченного закона ключевые аспекты благотворительной деятельности регулируются в первую очередь положениями Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ.

Существующие особенности развития благотворительной деятельности в России характеризуются рядом проблемных аспектов. Весь спектр проблем развития благотворительной деятельности в стране можно разделить на следующие основные группы:

- социально-экономические – проблемы подобного рода обусловлены общим низким уровнем жизни большей части населения. В этих условиях отсутствует материальный фундамент формирования благотворительной инициативы;

- ментальные – проблемы данной категории обусловлены особенностями менталитета «русского человека», который не всегда уверен в целевом использовании средств благотворительных фондов и не верит в прозрачность их деятельности. Наиболее ярким подтверждением подобного вывода служат результаты опросов населения относительно их предпочтений в формах осуществления благотворительной деятельности. Подавляющее большинство граждан основной формой оказания благотворительной помощи для себя отмечают личную передачу имущества и денежных средств;

- организационно-правовые, которые коррелируются с расширением пространства «теневой благотворительности» [4. С. 5115]. Нарушение норм актуального правового поля происходит из-за стремления недобросовестных субъектов нажиться на чужой беде. «Теневая благотворительность» представляет собой набор противоправных действий активного и пассивного характера, сфокусированных не на решении социальных проблем, а на извлечении незаконной выгоды мошенническим путем;

- материально-финансовые, которые связаны в первую очередь с целевым использованием средств, сформированных за счет пожертвований в благотворительные фонды, а также адресностью передачи гуманитарной помощи. Существование данной группы проблем обусловлено отсутствием эффективного

и системного государственного и общественного контроля за потоками финансовых ресурсов в благотворительном пространстве.

Из представленного перечня наибольшую актуальность для целей проводимого исследования имеют организационно-правовые и материально-финансовые проблемы. Проблема использования благотворительных мотивов граждан для получения выгоды мошенническим путем становится все более актуальной в современной правовой системе. Рост данной проблемы происходит пропорционально расширению масштабов благотворительной деятельности в российском обществе. Последние знаковые события глобального национального масштаба (пандемия, специальная военная операция) породили множество новых социальных вызовов, которые потребовали ответа со стороны представителей общественности, имеющих активную гражданскую позицию. В этот период генетическая отзывчивость русского народа способствовала росту частной благотворительности и повышению совокупной активности населения в фарватере оказания помощи нуждающимся [13. С. 211]. Параллельно происходит активизация деятельности представителей преступного сообщества, которые, видя увеличение финансовых потоков в благотворительном пространстве, стали использовать мошеннические схемы для получения незаконных доходов. Фундаментом финансовых манипуляций являются доверчивость большей части населения, а также отсутствие объективной возможности провести проверку целевого использования собранных средств. Особенно сильно возросла интенсивность противоправной деятельности в благотворительной среде на этапе расширения цифрового пространства. Цифровые технологии создают емкие условия для максимального охвата целевой аудитории, а также генерируют механизмы анонимного сбора средств и построения серых схем движения финансовых потоков. Низкий уровень совокупной цифровой грамотности современного российского общества также предоставляет дополнительные возможности для интенсификации «теневой благотворительности». Мошенничество в благотворительной сфере все более приобретает профессиональный характер. Так называемые «сборщики» создают сообщества в популярных социальных сетях, которые сфокусированы на привлечении денежных средств населения под видом благотворительных целей. Реализация криминального замысла происходит на основе специально разрабатываемых мошеннических сценариев, которые становятся все более изощренными и продуманными. Цель подобного рода сценариев состоит в формировании у потенциальной жертвы чувства сострадания и необходимости помочь личным финансовым участием в существующей проблеме [6. С. 6617].

Актуальной материально-финансовой проблемой благотворительной деятельности является отсутствие системного контроля за целевым использованием средств, сформированных за счет пожертвований в благотворительные фонды, а также адресностью передачи гуманитарной помощи. В практике «теневой благотворительности» присутствуют случаи, когда частные благотворители использовали только часть средств для решения обозначенных социальные

проблем, а остальные ресурсы применялись для личных нужд. Предоставляемые в цифровом пространстве так называемые «отчеты» для подтверждения целевого использования собранных ресурсов зачастую носят фальсифицированный характер и необходимы для ввода большей части аудитории в заблуждение. При этом в динамике количество желающих осуществить те или иные сборы средств для решения социальных задач постоянно увеличивается. Провести четкую границу идентификации добросовестного благотворителя и мошенника однозначно крайне сложно, так как отсутствует системность аудита использования сформированных финансовых фондов как со стороны органов государства, так и со стороны гражданского общества. Таким образом, суть данной проблемы состоит в том, что через благотворительные организации «пропускается» большое количество финансовых ресурсов под видом пожертвований, которые в дальнейшем выводятся из-под налоговой юрисдикции. Так называемое «прокручивание» финансовых потоков под прикрытием благотворительной деятельности обеспечивает снижение налоговой нагрузки. Финансовые средства заводятся в благотворительный фонд под видом благотворительных траншей, а затем при использовании «серых» схем выводятся без участия налоговых органов. В данном случае созданные организации ведут не благотворительную, а предпринимательскую деятельность. Особенно сложно вычлениить те случаи «теневой благотворительности», в рамках которых происходит совмещение благотворительной и предпринимательской деятельности. При указанных обстоятельствах часть ресурсов направляется на решение социальных задач при активном информационном сопровождении в общественном пространстве (то есть происходит формирование внешнего имиджа благотворительной деятельности), но основная часть финансовых потоков движется в рамках коммерческого оборота, что при условии льготного налогообложения генерирует сверхприбыли [4. С. 57]. Обобщая результаты проделанной работы, на рисунке 1 представим основные проблемы организационно-правового и материально-финансового регулирования благотворительной деятельности.

Как видно из представленного рисунка современное пространство благотворительной деятельности характеризуется присутствием широкого спектра проблем, которые требуют оперативного и эффективного решения. Следствием существования совокупности отмеченных проблем является снижение доверия населения к благотворительным механизмам и действенности их использования для решения социально-значимых задач.

Организационной проблемой развития благотворительной деятельности в России можно также считать узость информационного пространства, раскрывающего те или иные аспекты функционирования благотворительных процессов. В доступном для всех стейкхолдеров информационном поле необходимо максимально тиражировать положительный опыт благотворительной деятельности как крупных специализированных организаций и фондов, так и частных лиц, которые путем приложения значительных усилий способствовали решению актуальных социальных проблем. На сегодняшний момент в средствах массовой

информации присутствует крайне мало просветительских материалов, характеризующих тех или иные процессы в благотворительной среде. В тоже время раскрытие данной информации позволило бы с одной стороны снизить риски мошеннической деятельности в благотворительной среде, а с другой стороны обеспечило бы рост вовлеченности населения в благотворительность.

Рисунок 1. Основные проблемы организационно-правового и материально-финансового регулирования благотворительной деятельности в РФ

Значительный урон противоправная деятельность благотворительных организаций наносит и вопросам национальной безопасности. Под антуражем благотворительной деятельности ведется функционирование экстремистских организаций, реальный центр интересов, которых сфокусирован на разжигании межнациональной розни, формировании комплекса межрелигиозных противоречий, уничтожении исторической памяти поколений, а также продвижении чуждых российской национальной идентичности культурных ценностей. В этой

связи крайне важно проводить регулярный мониторинг публичной деятельности благотворительных организаций на предмет соответствия требованиям действующего законодательства и не противоречия фундаментальным основам национальной культуры. В случае выявления каких-либо признаков экстремизма деятельность подобного рода благотворительных организаций должна быть немедленно пресечена и иметь релевантные правовые последствия. Кроме того, под эгидой благотворительности может осуществляться сбор средств для финансирования запрещенных организаций террористического, националистического и иного противоправного характера деятельности.

Рисунок 2. SWOT-анализ благотворительной деятельности в РФ

В спектре материально-финансовых проблем благотворительной деятельности также необходимо выделить хищение бюджетных средств путем уклонения от уплаты налогов. Государство, стремясь поддержать деятельность благотворительных организаций, сформировало механизмы льготного налогообложения, освобождения от уплаты таможенных сборов и иных обязательных платежей. Мотивы генерации указанной схемы вполне понятны: органы государственной власти пытаются создать наиболее благоприятные условия для развития и стимулирования благотворительной деятельности. В тоже время «недобросовестные благотворители» стремятся использовать данные инструменты для получения преступной выгоды. В частности, наличие налоговой льготы в виде освобождения от обложения таможенными сборами создает условия для перемещения материальных потоков экспортно-импортного характера через государственную границу без дополнительных платежей.

Заключение. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что к числу основных проблем современной благотворительности с правовой точки зрения необходимо отнести:

- увеличение масштабов «теневой благотворительности», которые обусловлены наращиванием финансовых потоков в данной сфере, а также формированием дополнительных возможностей для «серой» деятельности в условиях цифровизации;
- отсутствие системного контроля за целевым использованием фондов, сформированных за счет благотворительных пожертвований населения;
- применение все более разнообразных схем мошеннического характера для организации преступной деятельности «под прикрытием» благотворительных процессов.

Существование большого комплекса проблем организационно-правового и материально-финансового характера в благотворительном пространстве требует от органов власти построения четкой системы государственно-общественного мониторинга и финансового аудита. Основными «болевыми точками» благотворительной деятельности в контексте актуального правового поля выступают: во-первых, незаконный уход от налогообложения и исполнения таможенных обязательств путем осуществления под эгидой благотворительности коммерческих процессов; во-вторых, нецелевое использование сформированных фондов денежных средств и объема гуманитарной помощи для получения личной коммерческой выгоды; в-третьих, ведение «серой» информационной пропаганды, противоречащей действующему законодательству и существующим в российском обществе культурным ценностям; в-четвертых, трансферт полученных финансовых ресурсов запрещенных в РФ организациям, в том числе экстремистского характера. Присутствие противоправной деятельности в благотворительной сфере имеет ряд негативных последствий, суть которых состоит в следующем:

- снижение уровня доверия общества к благотворительным процессам, что минимизирует гражданскую благотворительную активность в целом;

- расширение емкости «теневой благотворительности» за счет отсутствия эффективного механизма борьбы с преступными действиями;
- сокращение оказания помощи и поддержки людям, которые действительно оказались в сложной жизненной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Беляева Г.В.** Развитие института благотворительности в России // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2008. № 2.
2. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1.
3. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
4. **Копейкин Г.К.** Генезис организационных форм благотворительности в России // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2015. Т. 24. № 2.
5. **Ксенофонтова К.М.** Экономическая оценка политики социально-ответственного поведения корпораций / К.М. Ксенофонтова, А.А. Чунихина, М.В. Данилов, Е.Е. Пономарев, С.О. Новосельский // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).
6. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко, А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
7. **Новосельский С.О.** Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.О. Новосельский, М.А. Булавина, С.А. Попова // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6-1 (94-1).
8. **Новосельский С.О.** Роль оценки активов в процессе обеспечения финансовой устойчивости предприятий агп / С.О. Новосельский, М. Евдокимова // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного производства. материалы Международной научно-практической конференции. Курская ГСХА. 2014.
9. Петр I принял указ, положивший начало созданию государственной системы социальной защиты // <http://historybiz.ru/petr-i-prinyal-ukaz-polozhivshij-nachalo-sozdaniyu-gosudarstvennoj-sistemy-socialnoj-zashhity.html>.
10. Стоглавый Собор 1551 года // <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/>.
11. Учреждения «О губерниях 1775 года» // <https://istmat.org/node/26509>.

12. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 №135-ФЗ (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/.
13. Цинпаева Р.Ш. К вопросу о периодизации благотворительности как социокультурного феномена // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8. № 5А.
14. Чернявая А.Л. Меценатство и благотворительность в России: роль в развитии экономики / А.Л. Чернявая, В.В. Ефименко, А.С. Скоринко // Инновационная наука. 2016. № 3-1.
15. Шатохин М.В. Индикативный механизм оценки социально-экономической конкурентоспособности развития районов Курской области / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Ю.Д. Ванин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 7.

S.S. ALEEVA

Senior Lecturer, Department of Civil Law and Public Law Disciplines
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)»,
Moscow, Russia

A.L. MARUKHLENKO

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Information Security Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

I.YU. GAGARINA

Candidate of Historical Sciences, Head of the
Department of Basic and Additional Educational Programs
of the UMU RANEPА, Moscow, Russia

M.A. BULAVINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Research ANO VO «University of World Civilizations
named after. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher at the
Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations
ANO VO «University of World Civilizations
named after. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF CHARITY ACTIVITIES

Introduction: the work describes a number of organizational and legal problems of charitable activities that require solutions to increase its intensification and increase the transparency of financial flows. The modern environment for the functioning of charitable processes in the Russian Federation is characterized by the presence of a set of strengths and weaknesses, which in the short term form a list of potential opportunities and probabilistic threats. The strategic task of public authorities in the vector of management influence under consideration is to create conditions aimed at minimizing the risks of threats and expanding the potential of a favorable environment for realizing opportunities.

Purpose and objectives: the purpose of the work is to consider the organizational and legal problems of charitable activities in Russia. The article solves the following problems:

- conduct a historical and legal review of the evolution of regulation of charitable activities;
- group the most pressing organizational and legal problems of the domestic charitable space;
- characterize the opportunities and threats for the development of Russian charity in the focus of the SWOT analysis methodology.

Research results: the team of authors analyzed the key organizational and legal problems of Russian charity, the diagnostic results of which created the conditions for highlighting the strengths and weaknesses of regulating this process. The generalizations made allow us to conclude that it is necessary to optimize the functioning of the state mechanism in this area of the socio-economic space.

Key words: charity, charitable activity, charitable initiatives, risks, opportunities.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.006

УДК 32

В.В. ДЕВТЕРЕВ

аспирант Южно-Российского института
управления – филиал РАНХиГС,
Россия, г. Ростов-на-Дону

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

В статье проведен анализ современного подхода к управлению региональным развитием, акцентируя внимание на социально-политическом контексте, выдвинутом Президентом РФ Владимиром Путиным. Преобразование устаревших взглядов на управление и ориентация на качество жизни населения, вместо исключительного стремления к экономическому росту, представляет собой сдвиг в управленческой парадигме. На практике наблюдается тенденция разрыва между реальными условиями жизни населения и устремлениями общества, что приводит к протестам и низкому уровню доверия граждан к органам власти. Такое несоответствие возможно устранить посредством реализации эффективной стратегии развития региона. Стратегическое управление представлено в статье как циклический процесс, требующий постоянного совершенствования и адаптации к текущим вызовам. В заключение статьи поднимается проблематика сложностей, связанных с региональным стратегическим планированием, включая финансовую зависимость от федерального уровня и необходимость учитывать интересы всех слоев общества в условиях конкурентной борьбы за ресурсы и инвесторов, а также возможные направления минимизации проявления таких девиаций в процессе реализации стратегий регионального развития.

Ключевые слова: регион, государственное управление, стратегия, стратегическое управление, стратегическое планирование, качество жизни граждан, экономическая сфера, социальная сфера.

Путь динамичного развития регионов основан на новой модели стратегического государственного управления территориями, обозначенный 26 февраля 2020 года президентом России Владимир Владимирович Путиным в рамках своего выступления перед рабочей группой, занимающейся разработкой изменений и поправок в Конституцию Российской Федерации. Он заявил об устаревших и изживших взглядах на то, что эффективность экономического развития государства является основным показателем качества жизни граждан. Президент в своей речи обозначил, что искоренить бедность в государстве возможно посредством увеличения доходов населения и уменьшения числа граждан, находящихся за чертой бедности (1). Такой посыл Президента РФ кардинально меняет мировоззренческий контур с социально-экономического развития государства

в направлении социально-политического конструкта, в рамках которого уровень и качество жизни население превалирует над бюджетными выгодами и экономическим ростом.

Вектор социально-политической конструкта государственного управления ставит перед правящей элитой регионального и федерального уровня новые задачи:

1. Увеличение уровня реальной среднемесячной оплаты труда.
2. Уменьшение граждан, находящихся за чертой бедности.
3. Улучшение качества городской среды и другие.

В продолжении приоритетного государственного курса – улучшение качества государственного управления, был предложен общий индикатор оценки качества жизни граждан – уровень доверия населения к органам государственной власти. Логика такого измерительного инструмента заключается в том, что население доверяет только той власти, которая готова и принимает управленческие решения, улучшающие условия жизни людей, наиболее объективно субъектом такого измерения может быть только непосредственный потребитель государственных услуг.

Знаменитый британский экономист, а также руководитель подразделения по вопросам развития политического управления при правительстве Великобритании М. Малган отмечал, что любой орган государственного управления для воспроизводства своей власти должен легитимизировать свою деятельность и выстроить доверительные отношения с обществом, в противном случае не будет возможности победить на выборах [3]. Иными словами, представители политико-административной элиты должны обладать компетенцией и знаниями границ своих возможностей, которые определены нормативно-правовыми актами, с целью увеличения уровня доверия окружающих.

Набор компетенций государственных служащих динамичен, он подстраивается под внешнюю и внутреннюю конъюнктуру политических процессов и событий. Представители органов государственного муниципального управления должны постоянно адаптироваться к изменениям в политической среде, сотрудничать с институтами гражданского общества [1]. Легитимность и длительность власти напрямую зависит от уровня общественного доверия, которое складывается из осознания гражданами, что органы власти принимают объективные и эффективные управленческие решения основываясь на общественном запросе.

Социологические исследования последнего десятилетия указывают на смену фокуса общественного мнения, актуальными и острыми становятся вопросы качества жизни, здоровья населения, как физического, так и морального, уровня достатка граждан и др. Во главу угла в обществе становятся такие ценностные ориентиры как справедливость, гуманность, образование, семейные традиции и нормы и др. На практике наблюдается тенденция разрыва между реальными условиями жизни населения и устремлениями общества, что приводит к протестам и низкому уровню доверия граждан к органам власти. Такое несоответствие

возможно устранить посредством реализации эффективной стратегии развития региона.

Рассмотрим дефиницию «стратегия развития региона», которая представляет собой комплексную программу действий, направленную на устойчивое социально-экономическое развитие территории с учетом ее уникальных особенностей, ресурсного потенциала и вызовов современности. В основе стратегии лежит глубокий анализ текущего состояния региона, включая его экономическую структуру, социальную сферу, уровень инфраструктуры и природно-климатические условия. На основе полученных данных разрабатываются цели и задачи, которые должны быть достигнуты в определенные сроки [3; 4]. Это включает в себя привлечение инвестиций, развитие ключевых отраслей экономики, повышение качества жизни населения, улучшение экологической ситуации и многое другое.

Одним из главных аспектов стратегии развития региона является сбалансированный учет интересов всех заинтересованных сторон: государства, бизнеса, общественности и местных сообществ. Это подразумевает разработку механизмов партнерства и сотрудничества, а также создание условий для активного участия граждан в процессе планирования и реализации проектов. Важную роль играет и инновационный компонент стратегии, предполагающий внедрение новых технологий и подходов в управление региональным развитием, что позволяет повысить его конкурентоспособность и адаптивность к изменяющимся условиям глобализированного мира.

Результаты исследования применения стратегий развития на региональном уровне, проведенного Л.Е. Ильичевой и А.В. Лапиным в 2021 году, показали [2], что в переходный и кризисный период развитие системы государственного управления, а также дефицит времени для органов региональной власти, которые формируют и реализуют приоритетные направления развития региона, часто не успевают отреагировать на динамично изменяющиеся требования федерального центра, который, в свою очередь, не всегда своевременно реагирует на возникающие вызовы и угрозы, препятствующие развитию региона. Такая закольцованная и догоняющая модель региональной и федеральной политики развития региона является неэффективной, а порой даже губительной.

Также недостаточный уровень квалификации и компетенции представителей органов региональной власти, которые порой не обладают знаниями и навыками самостоятельной разработки Стратегий с учетом регионального, общественного запроса целей и задач развития, приводит к подмене приоритетами федерального уровня, без учета территориальных особенностей.

Применение стратегического управления в регионе начинается с этапа формирования видения и миссии развития территории, которые должны отражать долгосрочные цели и ориентиры для всех сфер жизнедеятельности региона. Далее проводится SWOT-анализ (анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз), который позволяет определить внутренние ресурсы и ограничения, а также внешние факторы, которые могут повлиять на реализацию стратегии.

На основе этого анализа формируются стратегические цели и задачи, направленные на использование сильных сторон и возможностей региона при минимизации влияния его слабых сторон и внешних угроз. Затем разрабатывается план действий, включающий конкретные проекты и инициативы, необходимые ресурсы, ответственных исполнителей и сроки реализации [5. С. 54-58; 6. С. 236-242; 7. С. 329-332].

Следующим шагом является реализация разработанной стратегии, что требует эффективной координации между всеми уровнями власти, бизнесом, общественными организациями и гражданами. В процессе реализации важно обеспечить мониторинг и контроль за ходом выполнения планов, что позволяет своевременно вносить коррективы и адаптироваться к изменяющимся условиям. Важную роль играет, и система оценки результатов, которая должна включать не только количественные, но и качественные показатели успеха, отражающие степень достижения поставленных целей и улучшение качества жизни населения региона. Этот циклический процесс позволяет постоянно совершенствовать стратегию развития региона, делая ее более эффективной и отвечающей текущим потребностям, и вызовам.

Рассмотрим ряд особенностей регионального стратегического планирования, которые препятствуют эффективному стратегическому государственному управлению в регионах.

1. Регион является промежуточным звеном в публичном управлении между государственной властью и органами местного самоуправления. Таким образом, в границах региона органы местной власти выступают субъектом управления, во внешнем контуре региональная власть представляет собой объект управления, а субъектом являются органы государственного федерального уровня. Такая дихотомия значительно усложняет региональное стратегическое управление, в первую очередь, это связано с тем, что бюджетное обеспечение для реализации стратегических управленческих решений предоставляется федеральным уровнем власти, такая финансовая зависимость препятствует ориентации стратегии исключительно на интересы региона.

2. Основная цель регионального развития – это повышение качества жизни граждан, проживающих на территории региона. Это значит, что социальная система в регионе превалирует над экономической. Центральным звеном региональной политики развития является человек и его потребности, а в экономической системе основой является индивидум, который вносит вклад в развитие экономической сферы, если же это не происходит, то его можно исключить как лишний элемент (уволить с завода, сократить и т.д.), в социальной сфере такой процесс увольнения воспроизвести невозможно, так как это противоречит целеполаганию всей системы. Как итог, органы региональной власти должны организовывать так систему регионального стратегического управления, чтобы она учитывала интересы всех слоев общества, порой противоречащих между собой, в том числе и потребности маргиналов.

3. Регион выступает участником конкурентных взаимоотношений с другими территориально-административными единицами государства, объектом такой конкуренции выступают внешние ресурсы и крупные инвесторы. Для увеличения конкурентоспособности региона необходимо выстраивать региональную стратегию с учетом собственных конкурентных преимуществ, органам региональной власти необходимо постоянно выявлять их и развивать в условиях ограниченного времени и ресурсов. Такие сложные условия в рамках деятельности административных структур региона требуют более высокого уровня профессионализма и компетентности чиновников, которые участвуют в формировании региональной стратегии развития. Если в регионе наблюдается низкий уровень профессионализма и компетентности государственных служащих, то это приведет к формализации процессов управления и шаблонному мышлению, что противоречит сути стратегического планирования и управления.

4. Региональное развитие нелинейное, что проявляется в постоянном изменении условий функционирования и социальной, и экономической составляющей региона под воздействием внешних и внутренних факторов. В связи с таким обстоятельством в Федеральном законе № 172 ФЗ предусмотрен сценарный подход стратегического планирования и управления (пессимистический и оптимистический). Для своевременной корректировки стратегии развития региона необходимо наладить эффективный и систематический мониторинг изменений в регионе, на основе данных которого региональные органы власти смогут скорректировать программные документы и внести в них изменения.

5. Региональная стратегия развития на долгосрочный период принимается в условиях неопределенности. Так как основные компоненты стратегии разрабатываются без учета обстоятельств и условий регионального развития через определенный промежуток времени. Наличие факторов, усложняющих процесс долгосрочной стратегии, приводят к тому, что органы региональные власти искусственно занижают ряд некоторых показателей как количественных, так и качественных, чтобы не подорвать свой авторитет в случае неудачи. Такая ситуация приводит к противоречию между осторожностью органов региональной власти при определении итоговых показателей при реализации стратегии и основной целью стратегии – «решительного прорыва» в региональном развитии.

Для разработки основных векторов совершенствования стратегии регионального развития рассмотрим главную целевую миссию развития региона, которая складывается из следующих направлений:

- увеличение регионального пространства свободы, развитие действенных институтов демократии и гражданского общества;
- увеличение уровня благосостояния и благополучия жителей региона;
- создание условий для комфортной жизни;
- обеспечение безопасности граждан, проживающих на территории региона.

Целевая миссия стратегии представляет собой «точку сборки общественных интересов», куда входят интересы региональных управленческих структур, коммерческих организаций, институтов гражданского общества.

Исходя из целевой установки стратегии регионального развития определим принципы перестройки системы управления. Во-первых, процесс реализации целевых установок стратегии должен реализовываться на операционном уровне. Также все цели и приоритеты стратегии должны в полном объеме соответствовать компонентам социально-экономического развития региона. Стратегия должна быть разработана так, чтобы все жители региона были заинтересованы в ее реализации. В-третьих, процесс достижения цели и задач стратегии должен быть непрерывным и адаптивным к изменяющимся внешним и внутренним условиям ее реализации.

Базовой задачей при планировании и разработке стратегии является формулировка системы сбалансированных показателей, представляющих собой систему стратегического управления регионом, нацеленную на трансформацию главной целевой миссии стратегии в практическую операционную деятельность по региональному развитию, где цели и задачи стратегии проецируются на конкретные программные мероприятия по их достижению, взаимосвязанные и сбалансированные между собой.

Основой стратегии регионального управления является высокоэффективная команда чиновников регионального уровня. Именно от их профессионализма и компетентности, а также способности синтезировать политические и административные положения в долгосрочной и краткосрочной перспективе, зависит уровень реализуемости и результативности стратегии. Представители органов государственной власти в регионе должны выступать как операторы коммуникационных платформ, так как с одной стороны – они легитимные представители власти, а с другой стороны должны быть транспарентными и открытыми для предложений со стороны бизнеса, института гражданского общества и население региона. На основе такого дихотомического статуса регионального чиновника возможно создание платформы для общественного диалога и публичного обсуждения различных сценариев регионального развития, тем самым обеспечив эффективное достижение региональных целей и приоритетов.

Еще одно направление эффективного социально-экономического развития региона связано с необходимостью организации диалога между обществом и властью с целью создания доверительных отношений, которые выступают основой для достижения главной миссии стратегии. Уровень доверия граждан к органам региональной власти основан на ответственности административных структур за выполнение соглашений и обязательств перед обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Стенографический отчет о встрече с рабочей группой по подготовке предложений и поправок в Конституцию о 26 февраля 2020 // Сайт президента России. 2020.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Авдеева И.Л., Гараев О.Р.** Современные стратегические аспекты регионального экономического развития // В сборнике: Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Отв. редактор О.А. Горбунова. Самара, 2022.
2. **Ильичева Л.Е., Лапин А.В.** Стратегии социально-экономического развития регионов в ракурсе национальных целей и приоритетов: политический анализ. Монография. Издательство «Аспект Пресс», 2021.
3. **Малган Дж.** Искусство государственной стратегии. Мобилизация властей и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
4. **Соломатин А.Н.** Интегрированный подход к мониторингу реализации стратегий регионального развития // ТРУДЫ МФТИ. Труды Московского физико-технического института (национального исследовательского университета). 2021. Т. 13. № 2 (50).
5. **Соколов А.П.** Особенности стратегического управления экономическими процессами в регионе // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 5 (173).
6. **Хачев М.М., Коков Н.С., Кокова С.Ф., Шогенова Л.А.** Стратегический подход к управлению региональным развитием // В сборнике: Достижения и перспективы реализации национальных проектов развития АПК. сборник научных трудов по итогам VIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ и КБР, профессора Б.Х. Жерукова. Нальчик, 2020.
7. **Чистникова И.В.** Территориальное позиционирование как элемент стратегического управления регионом // В сборнике: Экономико-управленческий конгресс. Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия НИУ «БелГУ». Отв. редактор: В.М. Захаров. Белгород, 2022.

V.V. DEVTEREV

Postgraduate student, South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF STRATEGIC MANAGEMENT OF THE REGION

The article analyzes the modern approach to regional development management, focusing on the socio-political context put forward by Russian President Vladimir Putin. The transformation of outdated views on management and the emphasis on the quality of life of the population, instead of the exclusive pursuit of economic growth, represents a shift in the management paradigm. In practice, there is a tendency for a gap between the real living conditions of the population and the aspirations of society, which leads to protests and a low level of trust of citizens in the authorities. This discrepancy can be eliminated through the implementation of an effective strategy for the development of the region. Strategic management is presented as a cyclical process that requires constant improvement and adaptation to current challenges. In conclusion, the article raises the issue of complexities associated with regional strategic planning, including financial dependence on the federal level and the need to take into account the interests of all segments of society in a competitive struggle for resources and investors, as well as possible ways to minimize the manifestation of such deviations in the process of implementing regional development strategies.

Key words: region, public administration, Strategies, strategic management, strategic planning, quality of life of citizens, economic sphere, social sphere.

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.007

УДК 338.2

Т.Г. АНТРОПОВА

доктор экономических наук,
профессор кафедры Международных экономических отношений
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Россия, г. Казань
E-mail: antropova_tg@mail.ru

М.Ф. ХАЙРУЛЛИН

кандидат технических наук, и.о. декана,
ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, г. Москва
E-mail: 89049755219@ya.ru

Д.И. ВОРОБЬЕВ

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента и государственного муниципального
управления ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского»
(ПКУ)», Россия, г. Москва
E-mail: d.vorobyev@mgutm.ru

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

Д.А. АТЛАНОВ

магистрант кафедры менеджмента и государственного муниципального
управления ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, г. Москва
E-mail: stud036286@mgutu.loc

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Введение: в работе рассматриваются теоретические и практические аспекты использования механизма государственно-частного партнерства для решения социально-экономических проблем. Государственно-частное партнерство является инструментом активизации социальных инвестиций бизнеса на основе построения устойчивых и доверительных партнерских отношений с органами государственной власти. Системное участие корпораций в благотворительных процессах способствует формированию определенных выгод, которые носят гибридный характер, но в то же время при грамотном управлении трансформируются в актуальные инструменты достижения успеха в конкурентном пространстве. В этой связи органы государственной власти должны создавать максимально благоприятные условия для стимулирования корпоративной благотворительности. В качестве способа решения данной задачи может быть использован механизм государственно-частного партнерства в расширенном его понимании.

Цель и задачи: цель работы заключается в уточнении теоретико-методических аспектов использования механизма государственно-частного партнерства для стимулирования корпоративной благотворительной активности, способствующей решению социально-экономических проблем. Для достижения отмеченной цели в работе происходит решение следующего перечня задач:

- обосновать актуальность применения государственно-частного партнерства в качестве инструмента стимулирования интенсивности корпоративной благотворительности;
- сгруппировать основные подходы государственно-частного партнерства в области корпоративной благотворительности;
- провести анализ текущей результативности применения механизма государственно-частного партнерства для решения социально-экономических проблем.

Результаты исследования: авторским коллективом уточнены существенные аспекты использования механизма государственно-частного партнерства для стимулирования корпоративной благотворительной активности на основе конкретизации принципов, нормативно-правовой базы, сфер взаимовыгодного сотрудничества и форм построения коммуникаций. Выполненные аналитические расчеты формируют объективное мнение относительно расширения потенциал использования государственно-частного партнерства в социально-экономическом пространстве страны.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, концессионные соглашения, социальные инвестиции, социальная ответственность корпораций, корпоративная благотворительность.

Актуальность. Применение механизма государственно-частного партнерства для решения социально-экономических проблем носит разносторонний характер, одной из форм проявления, которого выступает стимулирование корпоративной благотворительности. С позиции расширения масштабов общественной благосферы государству необходимо активизировать процессы в рамках корпоративного благотворительного кластера. Решение данной задачи может быть осуществлено на основе роста эффективности применения механизма государственно-частного партнерства. Особую значимость использование механизма государственно-частного партнерства для наращивания объемов социальной инфраструктуры приобретает в условиях санкций недружественных стран, так как позволяет государству изыскивать дополнительные резервы стабилизации социального климата в пространстве макроэкономической турбулентности [7. С. 182]. Современные условия ведения предпринимательской деятельности в той или иной форме требуют от корпоративных структур поиска инструментов для достижения успеха в конкурентной борьбе. В ряде случаев данные инструменты носят гибридный характер. Финансирование корпоративными структурами благотворительной деятельности также можно считать в определенном смысле гибридной формой конкурентной борьбы стратегического характера. При этом ключевые принципы благотворительности, заложенные в законодательстве, не нарушаются:

- выделение средств корпорациями на финансирование благотворительных инициатив носит сугубо добровольный характер;
- осуществление благотворительной деятельности носит бескорыстный характер и не сопряжено со встречными действиями благополучателя.

В тоже время активная позиция корпорации в благотворительном пространстве формирует в общественной среде положительный образ социально-ответственного поведения, который и является фундаментом гибридного конкурентного инструмента. Присутствие социально-ориентированного имиджа компании оказывает позитивное воздействие на уровень потребительского спроса, а также на стремление вступить в трудовые отношения. Отмеченный аспект социально-ответственного поведения компании также учитывается органами государственной власти при заключении государственных контрактов или проведении конкурсов в рамках государственных заказов. Дополнительно усиливает образ социально-ответственной компании тиражирование информации о благотворительной активности в СМИ, которое выступает одной из форм поощрения благотворительной деятельности, закрепленной в законодательстве [8. С. 100]. При отмеченных обстоятельствах у корпорации в результате устойчивой благотворительной деятельности формируют гибридные конкурентные преимущества, которые являются не результатом каких-либо встречных действия благополучателя, а следствием общественного признания. В этой связи общественное признание может считаться стратегической целью благотворительной деятельности корпораций, которое при определенных законных трансформациях становится гибридным инструментом конкурентной борьбы.

Основная часть. Важным достоинством механизма государственно-частного партнерства является присутствие достаточно емкой нормативной правовой базы его использования, которая при этом постоянно расширяется, коррелируя с изменениями в социально-экономической системе. Фундаментальной основой правового пространства использования государственно-частного партнерства является Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13]. Положение отмеченного законодательного акта раскрывают принципы взаимодействия между участниками механизма государственно-частного партнерства, содержание которых состоит в следующем:

– открытость. Суть данного принципа состоит в том, что организация взаимоотношений в рамках механизма государственно-частного партнерства должна носить максимально прозрачный характер (за исключением обстоятельств государственной тайны) для всех стейкхолдеров. Значимость принципа открытости заключается в необходимости полного исключения коррупционной составляющей и предоставлении возможностей для всестороннего общественного мониторинга;

– обеспечение конкуренции. Реализация данного принципа имеет двойное назначение. В-первых, получение доступа к использованию потенциала механизма государственно-частного партнерства должно происходить на основе открытой конкуренции представителей деловой среды, а, во-вторых, сформированные преференции в результате использования отмеченного механизма не должны оказывать радикального влияния на конкурентное пространство территории. Таким образом, механизм государственно-частного партнерства не должен выступать фундаментальным инструментом достижения успеха в конкурентной борьбе [5. С. 77];

– отсутствие дискриминации. Посыл данного принципа обеспечивает равенство всех участников государственно-частного партнерства при установлении и реализации их взаимоотношений между собой. Фундаментом принципа отсутствия дискриминации является равенство всех представителей социально-экономической системы страны перед законом. Важность данного принципа с точки зрения интенсивного использования механизма государственно-частного партнерства состоит в том, что ни одна из сторон не должна доминировать над другой в рамках его реализации;

– добросовестности. Суть данного принципа состоит в том, что все стороны механизма государственно-частного партнерства должны добросовестно исполнять свои обязательства как в рамках подписанных договорных отношений, так и в рамках делового оборота. Добросовестное исполнение принятых на себя обязательств выступает актуальной движущей силой роста эффективности применения механизма государственно-частного партнерства. Кроме того, реализация данного принципа генерирует высокий уровень взаимного доверия государства

и бизнеса, который расширяет в краткосрочной перспективе горизонты совместного продуктивного сотрудничества;

– справедливое распределение рисков и обязательств. Реализация любого социально-экономического проекта сопряжена с определенными рисками, купировать которые полностью невозможно. В этой связи все участники механизма государственно-частного партнерства должны справедливо распределить между собой вероятностные риски с целью комплексной минимизации потенциального ущерба;

– свободы выбора. Актуальность данного принципа состоит в отсутствии гарантированных обязательств участия в механизме государственно-частного партнерства. Выступление в качестве участника данного механизма носит сугубо добровольный характер при полном отсутствии какого-либо принудительного инструментария. Желание выступить в качестве стороны государственно-частного партнерства продиктовано свободной волей и нарративами социально-ответственного поведения.

Как отмечает Д.М. Аккаева, категории государственно-частного партнерства и корпоративной благотворительности в широком понимании достаточно сильно коррелируются между собой через коммуникацию по следующим направлениям:

– решение общественно-значимых социальных проблем, что является следствием как проявления благотворительных инициатив, так и участия в механизме государственно-частного партнерства;

– опора на партнерские отношения власти и бизнеса. В данном случае партнерские отношения не всегда должны иметь жесткую договорную форму, а могут предусматривать комплекс взаимовыгодных действий, основанных на долгосрочном доверии и добровольной воли;

– транзит социальных инвестиций. Отмеченный аспект является наиболее актуальным в исследуемом вопросе, так как при существующей социально-экономической конъюнктуре социальные инвестиции можно рассмотреть, как определенный видовой элемент благотворительности [1. С. 10].

Актуальной целью активного участия компаний в благотворительной деятельности, по мнению В.М. Редкоус, является снижение уровня социальной напряженности на территории присутствия [12. С. 177]. Данная цель характерна в первую очередь для системообразующих предприятий в рамках того или иного социально-экономического кластера. Формирование стабильного социального пространства на территории присутствия непосредственно влияет на качество человеческого капитала и устойчивость гражданского фона, которые крайне актуальны для достижения коммерческого успеха. В этой связи выделение значительных средств на благотворительность способствует уменьшению социальной напряженности и генерирует факторы устойчивости ведения хозяйственно-экономической деятельности.

Анализ подходов государственно-частного партнерства в области корпоративной благотворительности, рассмотренных в статьях В.А. Гельман [2. С. 17] и В.А. Полоненко [11. С. 287], позволяет выделить две ключевых формы реализации данного механизма;

– специфика первой формы состоит в том, что участниками механизма государственно-частного партнерства выступают государство и корпоративная структура. При использовании данной формы действие механизма государственно-частного партнерства происходит следующим образом: корпоративная структура на системной основе активно участвует в благотворительных процессах, а органы государственной власти в рамках установленных партнерских отношений создают режим благоприятствования в рамках действующего законодательства для ведения предпринимательской деятельности. Для создания режима благоприятствования могут использоваться разного рода инструменты: активное тиражирование положительного образа компании в подконтрольных СМИ, предоставление дополнительного пространства для рекламно-информационной компании, снижение бюрократической административной нагрузки (упрощение регистрационных процедур). Выстроенные подобным образом отношения не нарушают базовых законодательных принципов благотворительной деятельности, но при этом вписываются в формат партнерского механизма бизнеса и власти;

– особенность второй формы состоит в том, что одной ее стороной выступает социально-ориентированная некоммерческая организация (СОНКО), а другой стороной государство. Сущность механизма реализации данного подхода государственно-частного партнерства в области благотворительности состоит в том, что государство в лице профильных организаций передает СОНКО актуальное оборудование или иные материальные ресурсы для ведения благотворительной деятельности. Наиболее традиционной формой государственно-частного партнерства в указанном аспекте является передача зданий и офисных помещений для ведения благотворительной деятельности на безвозмездных или максимально льготных условиях.

На рисунке 1 обозначим основные подходы государственно-частного партнерства в области корпоративной благотворительности.

При существующей макроэкономической турбулентности государственно-частное партнерство может стать важнейшим инструментом расширения потенциала социальной инфраструктуры региона. Текущая динамика участия корпоративных структур в подобного рода проекта свидетельствует о присутствии интереса с их стороны, который необходимо стимулировать за счет грамотной политики в первую очередь региональных властей. На рисунке 2 рассмотрим динамику социально-инфраструктурных проектов, реализованных в формате государственно-частного партнерства [9].

С учетом материалов рисунка можно отметить, что количество социально-инфраструктурных проектов, реализованных в формате государственно-частного партнерства в рамках рассмотренного временного периода стабильно

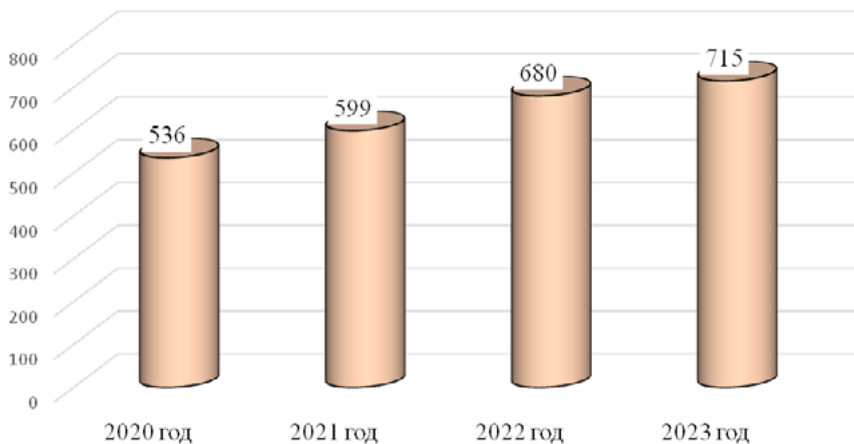
увеличивается. В этой связи обращает на себя внимание присутствие определенного интереса у бизнеса к решению социальных проблем развития территории на основе применения механизма государственно-частного партнерства. Задачи органов власти в данном аспекте заключаются в следующем:

- транслировании эффективных практик и механизмов государственно-частного партнерства на благотворительную сферу с учетом ее правовой специфики;
- стимулировании социально-ответственного поведения корпораций в благотворительном пространстве [14. С. 15].

Рисунок 1. Основные подходы государственно-частного партнерства в области корпоративной благотворительности

На основе проведенных расчетов можно отметить, что количество социально-инфраструктурных проектов, реализованных в формате государственно-частного партнерства в 2021 году по сравнению с 2020 годом выросло на 11,75%, а в 2022 году по сравнению с 2021 годом прирост составил 13,52%. Общий прирост исследуемого показателя за период 2020-2023 годов составил 33,40%. Повышение эффективности использования механизма государственно-частного партнерства в области корпоративной благотворительности требует решения ряда актуальных проблем его использования, которые обобщены в таблице 1.

■ Количество социально-инфраструктурных проектов, реализованных в формате государственно-частного партнерства, штук

Рисунок 2. Динамика социально-инфраструктурных проектов, реализованных в формате государственно-частного партнерства

Дефиниция проблемы	Характеристика проблемного аспекта
Кадровая квалификация	Отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, которые могут вести социально-ориентированные проекты при активной коммуникации с благотворительными организациями и корпоративными структурами
Неравномерность развития потенциала государственно-частного партнерства и благотворительности в территориальном пространстве РФ	Региональная структура социально-экономической системы РФ характеризуется присутствием разобщенности развития как механизма государственно-частного партнерства, так как благотворительной деятельности. Существование отмеченного дисбаланса требует стимулирования корпоративной активности в благосфере, а также роста эффективности использования государственно-частного партнерства
Низкая интенсивность социально-ответственного поведения бизнеса	Большая часть корпоративных структур еще не осознала важность достижения социально-ответственного статуса, что снижает уровень их активности в благотворительном пространстве
Недоверие частного бизнеса	Макроэкономическая турбулентность и геополитические риски снижают активность корпораций в фарватере долгосрочных социально-ориентированных проектов, участниками которых выступает государство

Дефиниция проблемы	Характеристика проблемного аспекта
Бюрократизация управленческого механизма	Использование механизма государственно-частного партнерства сопряжено с активацией достаточно сложно бюрократического аппарата. В большинстве случаев длительность процессов согласования и оформления снижает привлекательность данного инструмента для решения социальных проблем при участии как СОНКО, так и корпоративных структур
Отсутствие конкретики в отдельных вопросах законодательной базы	В ФЗ № 224-ФЗ О ГЧП отсутствует конкретика обязательств публичного партнера, а отражена только категория «содействия». В этой требует провести оптимизацию нормативной правовой составляющей использования механизма государственно-частного партнерства с учетом специфики благотворительной деятельности

Таблица 1. Основные проблемы использования механизма государственно-частного партнерства в корпоративной благотворительности

При этом, как отмечает А.Н. Довбуш, существующая практика реализации механизма государственно-частного партнерства в области благотворительности имеет ряд прогрессивных примеров, которые расширяют горизонты сотрудничества [3. С. 13]. В указанном контексте в первую очередь необходимо отметить практику передачи государственными медицинскими учреждениями узкоспециализированного оборудования СОНКО, которые используют его для оказания адресной социально-медицинской поддержки нуждающимся на благотворительных началах. В исследуемом аспекте важно достичь консенсуса трех ключевых стейкхолдеров:

- государство должно генерировать актуальные стимулы для расширения социально-ответственного поведения корпораций в благотворительном пространстве, в том числе на основе механизма государственно-частного партнерства;
- социально-ответственные некоммерческие организации должны обеспечивать адресность, качественность, емкость и целевой характер осуществления социальной поддержки в рамках благотворительной деятельности;
- корпоративные структуры должны расширить границы осознания своего социально-ответственного статуса и увеличить масштабы финансирования благотворительных инициатив.

С точки зрения финансовой составляющей механизм государственно-частного партнерства является наименее затратным для государства в векторе решения социальных проблем. В рассмотренном механизме государство принимает на себя в первую очередь административно-управленческие расходы и минимальную часть финансовых вложений. Основной же груз финансирования социальных проектов ложится на плечи коммерческих структур, которые при этом получают от государственных органов дополнительные возможности для расширения деловой активности [6. С. 6617].

Заключение. Таким образом, при существующей социально-экономической конъюнктуре применение механизма государственно-частного партнерства выступает актуальным направлением расширения потенциала благотворительной сферы за счет роста участия в ней корпоративных структур и благотворительных организаций. Государственно-частное партнерство представляет собой юридически оформленное соглашение органов государственной власти и представителей бизнеса для решения социально-значимых задач в рамках определенного временного периода с целью получения взаимной выгоды. Таким образом, стержневая цель государственно-частного партнерства заключается в достижение определенных выгод по итогам реализации данного механизма. Выгодой государства является решение актуальных социальных проблем при минимуме собственных финансовых вложений, а выгода корпорации заключается в получении определенного коммерческого эффекта от вложенных инвестиций. В работе на основе обобщения существующих практик и теоретико-методических аспектов выделены два формата подходов использования механизма государственно-частного партнерства в области благотворительности. Первый формат строится по линии «государство↔корпоративная структура», в рамках которого органы государственной власти обеспечивают продвижение социального имиджа корпорации и создание режима благоприятствования, а корпоративная структура осуществляет активное финансирование и реализацию собственных благотворительных проектов. В рамках второго формата «государство↔социально-ответственная некоммерческая организация» профильные органы государственной власти осуществляют предоставление организационных и материально-технических возможностей для реализации благотворительных инициатив, а СОНКО обязуется обеспечить качественное и эффективное выполнение благотворительных проектов и программ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аккаева Д.М.** Социальные инвестиции и социальное партнерство как видовой элемент благотворительности // В сборнике: перспектива – 2020. Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 5 томах. 2020.
2. **Гельман В.А.** Развитие сотрудничества государства с общественными организациями в рамках государственно-частного партнерства в социальной сфере / В.А. Гельман, М.П. Спиридонова // В сборнике: социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция. Материалы Национальной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2021.
3. **Довбуш А.Н.** Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия бизнеса и власти в Калужской области // Интернаука. 2021. № 20-3 (196).
4. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1.

5. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
6. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко, А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
7. **Новосельский С.О.** Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности / С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, О.А. Грунина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49).
8. **Новосельский С.О.** Совершенствование механизмов формирования и функционирования управленческой команды в органах местного самоуправления / С.О. Новосельский, Е.Ю. Подосинников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5).
9. Основные тренды и статистика рынка ГЧП по итогам 2023 года: аналитический дайджест // <https://pppcenter.ru/upload/iblock/b0f/b0fcbdbe6927a5b75f7526d86642cf47.pdf>.
10. **Петрушина О.В.** Актуальные вопросы современного состояния и перспектив развития инновационного потенциала малого бизнеса в России / О.В. Петрушина, Ю.В. Плахутина // В сборнике: Инновационная деятельность в модернизации АПК. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 частях. 2017.
11. **Полоненко В.А.** Направления развития государственно-частного партнерства в условиях международных санкций // Научный аспект. 2023. Т. 3. № 3.
12. **Редкоус В.М.** Роль модельного закона «о публично-частном партнерстве» в формировании правовой основы государственно-частного партнерства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221).
13. Федеральный закон от 13.07.2015 №224-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/.
14. **Шатохин М.В.** Планирование комплексного устойчивого развития АПК региона / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, В.В. Дуплин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 3.

T.G. ANTROPOVA

Doctor of Economic Sciences,
Professor of the Department of International Economic Relations
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga
Region) Federal University», Kazan, Russia

M.F. KHAIRULLIN

Candidate of Technical Sciences, Acting dean,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State
Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU),
Moscow, Russia

D.I. VOROBEV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Management and state municipal administration
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State
Technical University named after. K.G. Razumovsky»
(PKU)», Moscow, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Professor of the Russian Academy of Economics, Leading Researcher at the Research
Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO
«University of World Civilizations
named after. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia

D.A. ATLANOV

Master's student of the Department of Management and
state municipal government Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky»
(PKU)», Moscow, Russia

STATE AND PROSPECTS FOR USING THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISM TO SOLVING SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

***Introduction:** the work examines the theoretical and practical aspects of using the mechanism of public-private partnership to solve socio-economic problems. Public-private partnership is a tool for enhancing social investments of business based on building sustainable and trusting partnerships with government authorities. The systematic participation of corporations in charitable processes contributes to the formation of certain benefits that are hybrid in nature, but at the same time, with proper management, they are transformed into relevant tools for achieving success in a competitive space. In this regard, government authorities should create the most*

favorable conditions for stimulating corporate charity. As a way to solve this problem, the mechanism of public-private partnership in its expanded sense can be used.

Goal and objectives: the goal of the work is to clarify the theoretical and methodological aspects of using the mechanism of public-private partnership to stimulate corporate charitable activity that contributes to solving socio-economic problems. To achieve this goal, the following list of tasks is solved in the work:

- justify the relevance of using public-private partnerships as a tool for stimulating the intensity of corporate charity;*
- group the main approaches of public-private partnership in the field of corporate charity;*
- analyze the current effectiveness of using the public-private partnership mechanism to solve socio-economic problems.*

Research results: *the team of authors clarified the essential aspects of using the public-private partnership mechanism to stimulate corporate charitable activity based on specifying the principles, legal framework, areas of mutually beneficial cooperation and forms of communication. The analytical calculations performed form an objective opinion regarding the expansion of the potential for using public-private partnerships in the socio-economic space of the country.*

Key words: *public-private partnership, concession agreements, social investments, corporate social responsibility, corporate charity.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.008

УДК 338.49

Т.В. БОГАЧЕВА

кандидат экономических наук, доцент,
доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
Экономического Департамента ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет туризма и сервиса», Россия, г. Москва
E-mail: tvbogacheva@mail.ru

Ю.А. ПАХОМОВА

кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного
управления ФГАОУ ВО «Государственный университет
просвещения», Россия, г. Москва
E-mail: pahomovajuliya@yandex.ru

Е.В. КУЗНЕЦОВА

кандидат биологических наук, доцент,
директор Башкирского института технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО
«МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: mail@mfmgut.ru

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

А.В. СИДОРОВА

обучающаяся кафедры финансов, бухгалтерского учета и
экономической безопасности ФГБОУ ВО «МГУТУ
им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)», Россия, г. Москва
E-mail: assidorova@mgutm.ru

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЫНОЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИИ

***Введение:** статья включает в себя результаты ретроспективной оценки функционирования рыночной инфраструктуры экономики России, а также обоснование направлений ее масштабирования при существующей социально-экономической конъюнктуре. В современных макроэкономических условиях расширение инфраструктурного*

элемента является ключевым фактором достижения прогресса в социально-экономическом развитии страны. На основе данного инструмента обеспечивается рост совокупной деловой активности субъектов бизнеса за счет интенсификации информационного обмена, движения материальных ресурсов, финансовых потоков, а также перемещения человеческого капитала. Увеличение скорости цифровой трансформации для поддержания национальной конкурентоспособности формирует необходимость тиражирования цифровой инфраструктуры за счет инсталляции новых платформенных решений. При объективно-существующей проблеме ведения гибридной войны развитие социальной инфраструктуры способствует снятию напряженности в обществе и купирует риски внутривнутриполитических конфликтов. Для решения задач комплексного масштабирования инфраструктуры необходимо грамотно варьировать инструментами государственного регулирования и рыночного механизма, в том числе в области поиска оптимальных источников финансирования и рационализации потребления национального ресурсного потенциала.

Цель и задачи: цель работы заключается в проведении ретроспективной оценки и обосновании направлений развития инфраструктуры экономики России. С учетом поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- уточнить сущность инфраструктуры рынка на основе характеристики ее основных элементов, институционального состава, описания ключевых функций, а также обоснования значимости в современном социально-экономическом пространстве;
- провести ретроспективную оценку ключевых показателей развития инфраструктуры в социально-экономической системе России;
- выделить приоритетные стратегические направления масштабирования отечественной инфраструктуры при объективно-существующей социально-экономической конъюнктуре.

Результаты исследования: авторским коллективом уточнены сущностные аспекты современного развития рыночной инфраструктуры при помощи описания ее основных элементов, институционального состава, характеристики ключевых функций, выделения значимости в современном социально-экономическом пространстве. Результаты фокусной ретроспективной диагностики позволяют сформировать основные векторы современного этапа развития отечественной инфраструктуры, что генерирует актуальную информационную базу для коррекции инструментов государственного регулирования инфраструктурного фактора с целью масштабирования в приоритетных областях стратегического характера.

Ключевые слова: инфраструктура, национальная экономика, рынок, цифровизация, экономический рост, валовой внутренний продукт.

Актуальность. Присутствие развитой рыночной инфраструктуры является одним из основных факторов прогрессивного развития национальной экономической системы. Основная актуальность рыночной инфраструктуры проявляется прежде всего в обеспечении высокого уровня качества и интенсивности движения ресурсов, финансовых потоков, средств и предметов труда, а также человеческого капитала. Таким образом, ключевым предназначением

инфраструктуры рынка является создание необходимого уровня деловой активности в рамках существующей социально-экономической системы, что особенно актуально в условиях новых геополитических вызовов. Отсталое состояние рыночной инфраструктуры является значимым тормозящим фактором, который может привести к образованию депрессивных и застойных тенденций в процессе функционирования субъектов бизнеса. В этой связи органы государственного управления должны уделять самое непосредственное внимание не только развитию отдельных элементов национальной экономики, но и повышению качества рыночной инфраструктуры, в том числе за счет ее масштабирования. Рассмотрение сущности инфраструктуры рынка позволяет сделать вывод о том, что данное явление носит весьма обширный и глобальный характер, охватывающий большое количество элементов. Рыночная инфраструктура является фундаментальным образованием всей экономической системы страны, в основе которой положены рыночные принципы управления и взаимодействия между субъектами социально-экономического пространства. Построение эволюционного трека развития экономики в целом не представляется возможным без создания ее емкой инфраструктуры, обеспечивающей рост деловой активности. Эффективность общего механизма рыночного взаимодействия между отдельными субъектами бизнеса существенно снижается без наличия базовых элементов инфраструктурной составляющей. Формирование качественной рыночной инфраструктуры выступает драйвером для прогрессивного развития всей национальной экономической системы за счет расширения масштабов институционального коммуникационного взаимодействия, а также роста скорости движения потоков материальных ресурсов, финансовых активов и человеческого капитала.

Основная часть. В научной литературе в области макроэкономического анализа уделяется достаточно широкое внимание раскрытию сущности такого понятия как «инфраструктура рынка». Понятие рыночной инфраструктуры является достаточно подвижным и часто изменяется в исследованиях разного рода автором, что требует его постоянного мониторинга. Изученные авторские позиции относительно сущности обозначенной категории позволяют сделать вывод о том, что какого-то одного унифицированного определения в научном пространстве не существует. В научной статье А.Ц. Самбуева автором используется следующая трактовка сущности рыночной инфраструктуры, согласно которой она представляет собой комплекс учреждений, организаций и иного рода институциональных единиц, которые в рамках своего функционирования обеспечивают качественное, оперативное и доступное перемещение товаров и услуг [13. С. 280]. В данном определении сущности рыночной инфраструктуры автором используется в первую очередь институциональный подход, который характеризует инфраструктуру рынка прежде всего, как определенный набор институциональных единиц, основной целью функционирования которых является обеспечение качественного и доступного перемещения товаров и услуг.

Наиболее короткое и емкое определение сущности инфраструктуры рынка предлагает использовать в рамках своей научной работы И.А. Морозова [8. С. 672]. Под инфраструктурой рынка данный автор понимает набор экономических структур, деятельность которых направлена на обслуживание рынка. Таким образом, в данной трактовке автор в общую сущность рыночной инфраструктуры включается всю совокупность учреждений и организаций, в основе функционирования, которых находится реализация механизмов в области обслуживания рынка. Деятельный подход к раскрытию сущности понятия «инфраструктура рынка» рекомендует использовать Д.И. Жилияков [3. С. 55]. По мнению данного автора, рыночная инфраструктура представляет собой определенную экономическую категорию, которая характеризует качество взаимоотношения между субъектами социально-экономической системы в области перемещения средств и предметов труда. Критерием качества развития рыночной инфраструктуры считается в первую очередь уровень делового оборота, которые существует на определенном этапе развития национальной экономической системы.

Классификация элементов рыночной инфраструктуры традиционное выполняется на основе использования институционального подхода. С учетом сказанного на рисунке 1 представим основные элементы инфраструктуры рынка в рамках функционирования национальной экономической системы.

Инфраструктура состоит из двух основных групп институциональных элементов, которые включают в себя институты государственного управления и институты коммерческого сектора экономики. Для формирования качественной рыночной инфраструктуры актуальное значение имеет развитие обеих групп институтов инфраструктурного пространства [4. С. 95].

Значимость развития рыночной инфраструктуры для повышения темпов экономического роста не оспаривается ни одним научным исследователем. Большинство из них в своих научных трудах обосновывают и выделяют те или иные аспекты актуальности присутствия емкой инфраструктуры. В частности, в публикации А.А. Афанасьева фокусируется внимание на следующих из них:

- способствует более эффективному использованию, имеющихся в экономической системе ресурсов, что является основной для их экономного и более целесообразного применения;
- является «двигателем» внедрения в хозяйственно-экономическую деятельность институциональных единиц достижений научно-технического прогресса и разного рода инновационных разработок;
- направлена на повышение уровня деловой активности хозяйствующих субъектов в рамках любой экономической системы;
- способствует применению более прогрессивных инструментов удовлетворения спроса потенциальных потребителей [1. С. 653].

Значимость формирования развитой рыночной инфраструктуры также определяется наличием актуальных функций, которые выполняются ею в рамках

национальной экономической системы. Функционал инфраструктурной компоненты в том числе рассматривается в научной статье О.В. Коревой и сгруппирован на рисунке 2 [5. С. 285].

Рисунок 1. Основные элементы инфраструктуры рынка в рамках функционирования национальной экономической системы

С учетом представленного материала рассмотрим более подробно основные функции инфраструктуры рынка в пространстве национальной экономической системы:

– обеспечение непрерывности делового оборота: использование данной функции рыночной инфраструктуры направлено в первую очередь на формирование ритмичного цикла оборота товаров, услуг, ресурсов, предметов и средств труда в рамках национальной экономической системы. Непрерывность указанного делового оборота является ключевым условием функционирования экономической системы страны в целом, а нарушение критерия ритмичности приводит к сбоям рыночного механизма осуществления хозяйственно-экономических операций;

– межотраслевое распределение товарных потоков: основные предназначение данной функции инфраструктуры рынка заключается в распределении основных предметов и средств труда, а также товарных потоков между отраслями национальной экономики. Данное распределение должно происходить с учетом приоритетности и значимости каждой отрасли для развития национальной экономической системы;

– повышение уровня деловой активности рыночных субъектов: наличие развитой рыночной инфраструктуры является основной для поддержания необходимого уровня деловой активности субъектов предпринимательской деятельности. Снижение уровня деловой активности в пространстве бизнес-процессов приводит к сокращению темпов экономического роста и стагнации макроэкономических характеристик;

– обеспечение необходимой рыночной сбалансированности: данная функция рыночной инфраструктуры направлена на формирование определенного макроэкономического баланса, как в целом в рамках национальной экономической системы, так и в рамках отдельных ее секторов. При этом достижение сбалансированного состояния рыночной инфраструктуры осуществляется как с помощью использования рыночных методов, так и при помощи адаптации разного рода инструментов государственного регулирования.

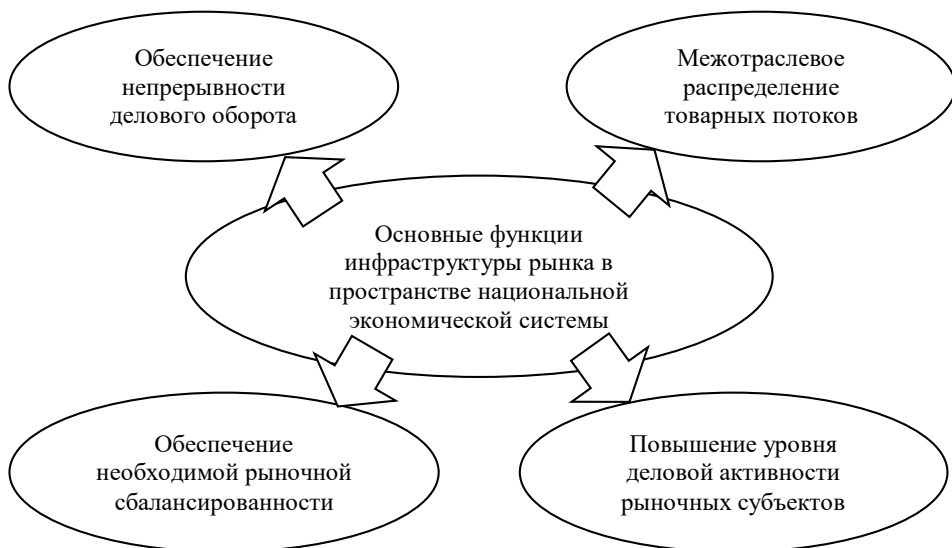

Рисунок 2. Основные функции инфраструктуры рынка

Концептуальный подход к раскрытию сущности рыночной инфраструктуры требует рассмотрения ряда основных элементов функционирования данного механизма. Как отмечает В.А. Шумаев, важным элементом системы рыночной инфраструктуры является институт [15. С. 1373]. Институты рыночной инфраструктуры представляются собой определенные организации коммерческого

и некоммерческого типа, которые ставят перед собой целью создание и обеспечение благоприятных условий для деятельности социально-экономических субъектов разного типа. В существующем механизме рыночной инфраструктуры существует большое множество разного рода учреждений и организаций осуществляющих данную поддержку. Несмотря на то, что институты рыночной инфраструктуры могут быть весьма разнообразными по содержанию и направленности своей деятельности, они объединены между собой в рамках достижения одних общих целей в области обеспечения сбалансированности и повышения уровня деловой активности функционирования субъектов. По мнению А.В. Минакова, в качестве критерия классификации институтов инфраструктуры целесообразно избрать признак направленности их деятельности [7. С. 265]. С учетом данного критерия всю совокупность институтов инфраструктуры можно разделить на четыре основные группы:

- институты рыночной инфраструктуры осуществляющие свою деятельность в рамках финансовой направленности (гарантийные фонды, фонды поручительства, акционерные инвестиционные фонды);

- группа институтов рыночной инфраструктуры, которая реализует механизм поддержки организаций данного типа в области инновационной направленности (инновационные венчурные фонды, инновационные бизнес-инкубаторы, научно-проектные организации) [2. С. 165];

- категория институтов рыночной инфраструктуры, которая сосредоточила свою деятельность в направлении административной поддержки субъектов национальной экономической системы (информационно-правовые центры, государственные фонды содействия и поддержки, региональные центры правового и инвестиционного сопровождения);

- институты цифровой трансформации, которые генерируют условия для емкого использования цифровых платформенных решений в социально-экономическом пространстве страны [9. С. 177].

Развитие рыночной инфраструктуры национальной экономической системы является одной из наиболее приоритетных целей государственного управления на макроэкономическом уровне. В публикациях широкого круга авторов представлен разнообразный спектр целей, которые должны быть достигнуты в процессе повышения уровня развития рыночной инфраструктуры национальной экономической системы. С учетом материалов публикаций А.Л. Марухленко [6. С. 6617] и М.В. Шатохина [14. С. 15] представим основные целевые ориентиры тактического и стратегического характера повышения емкости инфраструктурной составляющей социально-экономического пространства:

- снижение негативного воздействия экономических циклов и циклического развития экономики на счет использования антикризисных мер и инструментов;

- обеспечение макроэкономической безопасности страны, разрезе продовольственной безопасности, экономической, финансовой и инвестиционной безопасности;

- координация экономических процессов и явлений в экономике страны на микро, мезо и макроуровне;
- обеспечение сбалансированного экономического развития отдельных регионов страны;
- создание и дальнейшее поддержание необходимого уровня конкурентной среды в экономике страны, которая должна стимулировать экономических субъектов к росту качества производимой продукции и повышению общего уровня производительности труда;
- организация эффективного перемещения капитала между секторами и отраслями экономики с целью формирования сбалансированных темпов их развития.

Для оценки интенсивности развития инфраструктурной составляющей социально-экономической системы России необходимо выполнить диагностику ряда аналитических показателей относительного характера. На рисунке 3 представим динамику доли инфраструктурных активов в общей величине ВВП страны [12].

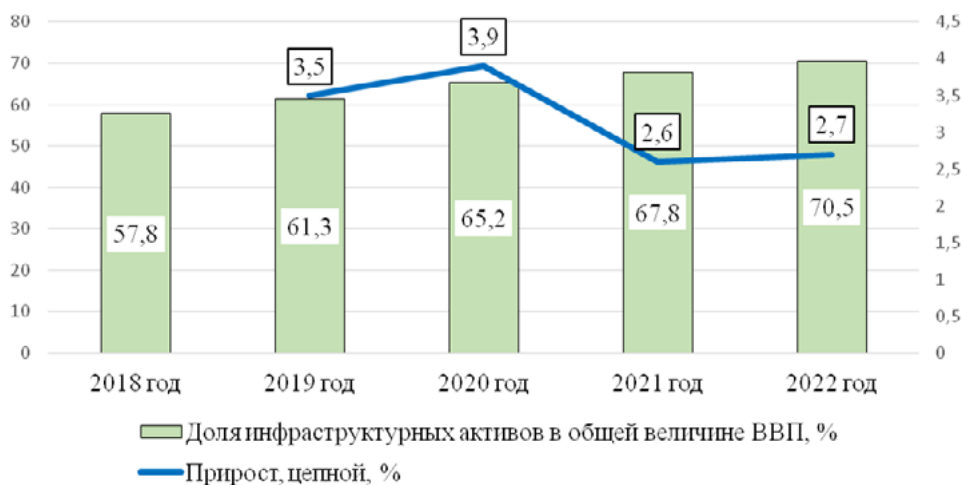

Рисунок 3. Динамика доли инфраструктурных активов в общей величине ВВП России

На основе представленной информационной базы можно сделать вывод о присутствии положительного трека развития инфраструктурной компоненты социально-экономической системы России, так как наблюдается стабильный рост удельного веса инфраструктурных активов в совокупной величине ВВП. Существование выявленной тенденции свидетельствует о наращивании объемов инфраструктурных активов в национальной экономике, темпы которого превышают средние темпы роста ВВП. Исходя из расчетов, можно заключить, что за период 2018–2022 годов доля инфраструктурных активов в общей величине

ВВП выросла на 12,7%, а на конец расчетного периода значение целевого показателя составило 70,5%.

Ключевым фактором расширения инфраструктурного потенциала экономики России является рост инвестиционной активности в данном направлении. С учетом материалов рисунка 4 можно отметить стабильный рост доли инвестиций в развитие инфраструктуры в общей величине ВВП. Динамика данного показателя в рамках периода 2018-2022 годов характеризуется приростом на 1,5% [12].

Рисунок 4. Доля инвестиций в развитие инфраструктуры в величине ВВП

Актуальной характеристикой в исследуемой области можно считать фиксацию ежегодных положительных показателей прироста, что свидетельствует об устойчивости инвестиционной активности.

Рисунок 5. Коэффициент обеспеченности инфраструктурными институтами

Прирост коэффициента обеспеченности инфраструктурными институтами, представленный на рисунке 5, также свидетельствует о наращивании емкости инфраструктурной составляющей экономики России [12]. Тиражирование подобного рода институтов повышает доступность объектов инфраструктуры для населения. Значение исследуемого показателя имеет ежегодные положительные приросты, а в 2022 году выросло относительно 2018 года на 6,5%.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что рыночная инфраструктура имеет ключевое значение для построения эффективной системы хозяйствования в рамках национальной экономики. В этой связи органы государственного управления должны уделять самое непосредственное внимание не только развитию государственных институтов рыночной инфраструктуры, но и оказывать содействие для прогрессивного функционирования институтов коммерческого сектора. Только активное развитие рыночной инфраструктуры может создать устойчивые предпосылки для формирования необходимых темпов экономического роста отечественной экономики. Рыночная инфраструктура представляет собой определенную экономическую категорию, которая характеризует качество взаимоотношения между субъектами экономической системы в области перемещения средств и предметов труда. Среди основных функций инфраструктуры рынка в рамках обеспечения эффективного функционирования рыночного механизма можно выделить: обеспечение непрерывности делового оборота, межотраслевое распределение товарных потоков, повышение уровня деловой активности рыночных субъектов, обеспечение необходимой рыночной сбалансированности. Решение актуальных проблем в области расширения емкости инфраструктурной компоненты может стать драйвером для прогрессивного развития всей национальной экономической системы за счет интенсификации бизнес-процессов на всех уровнях социально-экономических коммуникаций. При существующей конъюнктуре к числу стратегических направлений развития инфраструктуры в Российской Федерации необходимо отнести:

- тиражирование массовости применения цифровых технологий в социально-экономическом пространстве. Цифровая трансформация создает условия для роста предпринимательской активности и генерации новых коммерческих коммуникаций, а также обеспечивает мгновенную передачу информационных потоков;

- максимальное расширение емкости транспортной компоненты инфраструктуры, что особенно актуально с учетом масштабов отечественной экономики. Строительство новых логистических маршрутов обеспечит интенсивность движения материальных потоков и приблизит друг к другу различных субъектов, в том числе в пространстве внешнеэкономического оборота;

- восстановление научной инфраструктуры реального сектора экономики, которая обеспечит рост адаптации достижений научно-технического прогресса в фактически существующие бизнес-процессы и технологические алгоритмы;

– повышение масштабов социальной инфраструктуры, которое позволит увеличить стоимость человеческого капитала, а также приведет к уменьшению социальной напряженности и политических противоречий внутри страны, что особенно актуально в условиях ведения гибридной войны;

– реинжиниринг энергетической инфраструктуры с целью повышения доступности энергетического фактора для бизнеса и роста эффективности использования национального ресурсного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Афанасьев А.А.** Некоторые проблемы развития и модернизации производственной инфраструктуры экономики России / А.А. Афанасьев, О.С. Пономарева // В книге: Стратегическое планирование и развитие предприятий. Материалы XXI Всероссийского симпозиума. Москва, 2020.
2. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1.
3. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
4. **Калинина Н.Н.** Перспективные направления развития транспортной инфраструктуры как фактора безопасности и устойчивого экономического роста / Н.Н. Калинина, Т.С. Попова, А.Б. Цукахин // Экономика устойчивого развития. 2020. № 2 (42).
5. **Корева О.В.** Развитие инфраструктуры городов России в цифровой экономике / О.В. Корева, Е.А. Гончарова, А.А. Корева // В сборнике: Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики. Орёл, 2021.
6. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко, А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
7. **Минаков А.В.** Реализация инфраструктурных и инвестиционных проектов как необходимое условие развития регионов России // Modern Economy Success. 2023. № 2.
8. **Морозова И.А.** Инфраструктурное обеспечение предпринимательства в условиях цифровой экономики России / И.А. Морозова, А.Ф. Московцев, А.И. Сметанина // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 4.
9. **Новосельский С.О.** Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности / С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, О.А. Грунина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49).

10. **Новосельский С.О.** Совершенствование механизмов формирования и функционирования управленческой команды в органах местного самоуправления / С.О. Новосельский, Е.Ю. Подосинников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5).
11. **Петрушина О.В.** Актуальные вопросы современного состояния и перспектив развития инновационного потенциала малого бизнеса в России / О.В. Петрушина, Ю.В. Плахутина // В сборнике: Инновационная деятельность в модернизации АПК. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 частях. 2017.
12. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат.сб./Росстат. М., 2023 // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf.
13. **Самбуев А.Ц.** Развитие инфраструктуры цифровой экономики в современной России // В сборнике: Экономика и управление: современные вызовы, тенденции и перспективы развития. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции. 2019.
14. **Шатохин М.В.** Планирование комплексного устойчивого развития АПК региона / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, В.В. Дуплин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. № 3.
15. **Шумаев В.А.** Логистизация – неперемнное условие развития экономики Российской Федерации // Научное обозрение: теория и практика. 2021. Т. 11. № 5 (85).

T.V. BOGACHEVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Higher School of Business, Management and Law, Economic Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Tourism and Service», Moscow, Russia

YU.A. PAKHOMOVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Public Procurement, Management and Public Administration Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «State University of Education», Moscow, Russia

E.V. KUZNETSOVA

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Director of the Bashkir Institute of Technology and Management (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU), Ufa, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Economics, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia

A.V. SIDOROVA

Student at the Department of Finance, Accounting and economic security Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU)», Moscow, Russia

RETROSPECTIVE ASSESSMENT AND DIRECTIONS FOR DEVELOPMENT OF MARKET INFRASTRUCTURE IN RUSSIA

***Introduction:** the article includes the results of a retrospective assessment of the functioning of the market infrastructure of the Russian economy, as well as the rationale for the directions of its scaling in the current socio-economic environment. In modern macroeconomic conditions, the expansion of the infrastructure element is a key factor in achieving progress in the socio-economic development of the country. Based on this tool, the growth of the aggregate business activity of business entities is ensured through the intensification of information exchange, the movement of material resources, financial flows, as well as the movement of human capital. Increasing the speed of digital transformation to maintain national competitiveness creates the*

need to replicate digital infrastructure through the installation of new platform solutions. Given the objectively existing problem of conducting a hybrid war, the development of social infrastructure helps to relieve tension in society and mitigates the risks of internal political conflicts. To solve the problems of comprehensive infrastructure scaling, it is necessary to competently vary the instruments of state regulation and the market mechanism, including in the field of finding optimal sources of financing and rationalizing the consumption of national resource potential.

Purpose and objectives: *the purpose of the work is to conduct a retrospective assessment and substantiate the directions for development of the infrastructure of the Russian economy. Taking into account the set goal, the following tasks are solved in the work:*

- clarify the essence of the market infrastructure based on the characteristics of its main elements, institutional composition, description of key functions, as well as justification of its significance in the modern socio-economic space;

- conduct a retrospective assessment of key indicators of infrastructure development in the socio-economic system of Russia;

- highlight priority strategic directions for scaling the domestic infrastructure given the objectively existing socio-economic situation.

Research results: *the team of authors clarified the essential aspects of the modern development of market infrastructure by describing its main elements, institutional composition, characteristics of key functions, and highlighting its significance in the modern socio-economic space. The results of focal retrospective diagnostics make it possible to formulate the main vectors of the current stage of development of domestic infrastructure, which generates an up-to-date information base for correcting the instruments of state regulation of the infrastructure factor in order to scale it up in priority areas of a strategic nature.*

Key words: *infrastructure, national economy, market, digitalization, economic growth, gross domestic product.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.009

УДК 32.323

САДЖДЖАД ЗЕРААТ ПЕЙМА

ассистент кафедры нанотехнологий и микросистемной техники Инженерной Академии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Иран, г. Тегеран

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

Развитие транспортной сети напрямую связано с возможностью достижения устойчивого социально-экономического роста, обеспечения свободного передвижения населения и товаров, роста объемов внутренней и внешней торговли, сокращения транспортных и транзакционных издержек. Транспортная система России является одной из наиболее развитых в мире, в том числе в силу ее протяженности, многозадачности и рисковости, поэтому оценка перспектив ее развития и совершенствования остается важной темой, особенно в свете реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги». Одним из факторов формирования успешной государственной политики в области регионального развития является формирование объектов транспортной инфраструктуры на государственном уровне, отвечающих стратегически важным требованиям модернизации экономической системы страны. Инновации в данной сфере могут нести как экономические, так и экологические выгоды, поэтому для поддержания конкурентоспособности строительной отрасли необходимо постоянно фокусироваться на совершенствовании своих строительных процессов и инновационных материалах.

Особое значение также приобретает постоянный мониторинг и оценка воздействия опасных природных явлений в регионах России и учет этих обстоятельств для развития транспортной сети.

Ключевые слова: дорожно-транспортная сеть, транспортная инфраструктура, национальный проект «Безопасные качественные дороги», инновации, национальные проекты, автомобильные дороги, Россия.

Важность развития транспортной инфраструктуры в России была обозначена еще в 1997 году с принятием Президентом РФ Б.Н. Ельциным Указа «О дорожной реформе» от 23 апреля 1997 г. № 403.

На сегодняшний день значительные экономические потери по-прежнему считаются следствием недостаточного уровня развития и низкого качества дорожно-транспортной сети. По мнению экспертов, неудовлетворительное состояние дорог может ежегодно нести до 3% потерь ВВП для российской экономики [6. С. 12].

В своем ежегодном отчете Всемирный экономический форум, указывает на процесс замедления мировой экономики, который на фоне тени Великой рецессии в рамках вялого экономического роста в течение последнего десятилетия, становится все более заметным. Россия наряду с Китаем, Индией, Бразилией и Аргентиной и др., также отнесена к числу стран, переживающих некоторое замедление или стагнацию. Так, по сравнению с 2019 годом, позиция России понизилась с 41 до 43 места, в том числе с точки зрения плотности железнодорожных путей и уровня развития дорожной сети [4. С. 32].

Вместе с тем, по прогнозам экспертов макроэкономического развития в ближайшие 20 лет мировой ВВП должен удвоиться, и локальная рецессия не может остановить общую тенденцию к постоянному росту. Так, величина мирового ВВП должна почти двукратно увеличиться с нынешних 73 трлн. долл. до 135 трлн. долл. к 2037 году. Наряду с США, Китаем и Индией, России прочится внесение значительного вклада в рост этого показателя [15].

Среди способствующих такому развитию событий факторов называются: 1) развитие международной торговли; 2) рост реальных и номинальных доходов населения; 3) развитие технологий сельского хозяйства и промышленного производства, что ведет к приросту городского населения (согласно отчету ООН «Перспективы мировой урбанизации» доля городского населения превысит 60%, а в Северной Америке, Австралии и Океании, Европе он превысит 70% [27]); 4) постоянный рост населения планеты (согласно отчету ООН, мировое Демографические перспективы: к 2030 году население земли увеличится до 8,6 миллиарда человек [29]).

Инфраструктурные проекты являются сердцем экономики, потому что инфраструктура способна обеспечить мультипликативный эффект, способствуя росту других секторов. Инфраструктура, особенно дорожная, также помогает достижению равенства, сокращению бедности, безработицы и сокращению разрыва в социально-экономических факторах.

Дорожная инфраструктура – это наземная транспортная инфраструктура, охватывающая все участки дороги, включая дополнительные здания и оборудование, предназначенные для дорожного движения, которые находятся на земле, над уровнем земли, ниже уровня земли и воды, а также над поверхностью воды, за исключением железнодорожных путей, автомобильных дорог для грузовиков и канатных дорог. Дороги как часть транспортной инфраструктуры играют важную роль в сферах экономики, социокультуры, окружающей среды, политики, обороны и безопасности и используются для обеспечения справедливости и процветания людей [8].

При строительстве дорожных объектов существуют риски, особенно связанные со временем строительства, поскольку на этапе строительства дорожные проекты часто связаны с социальной жизнью общества, например, с перекрытием дорог, перераспределением потоков и т.д. Поэтому задержки в реализации дорожных проектов способны оказывать влияние не только на подрядчиков и владельцев проектов, но и на общество.

Процедуры дорожного строительства различаются в зависимости от типа строящейся дороги (асфальтовые, бетонные дороги). Для начала и завершения проекта дорожного строительства в первую очередь необходимо выполнить пять шагов:

1. Планирование, с которого начинается любой проект дорожного строительства. Предполагает изучение текущих и будущих схем движения, проведение анализа затрат и выгод, чтобы гарантировать, что дорога будет служить по своему прямому назначению, и проведение испытаний грунта, чтобы убедиться, что грунт подходит и обладает желаемыми качествами. На начальном этапе строительства дороги рассматриваются чертежи планировки, оцениваются финансовые, юридические и экологические трудности, чтобы гарантировать бесперебойное выполнение проекта без финансовых или юридических проблем.

2. Разметка, как процесс переноса проектных предложений с чертежей на участок земли. На этом этапе отмечаются границы участка, а также обозначаются фундаменты и другие необходимые конструктивные элементы. В большинстве проектов дорожного строительства размещается набор досок с интервалами вдоль проектируемой линии дороги. Для регулирования уровня выемки грунта между профильными досками используется профильная доска заданной высоты, также известная как направляющая. Направляющая устанавливается между двумя ровными досками на линии обзора, чтобы ее можно было видеть до и после выемки грунта и правильно регулировать уровни. Уровень профнастила измеряется линейным уровнем, который представляет собой короткий уровень, подвешенный на нейлоновом шнурке, как и в любом другом строительном проекте.

3. Земляные работы – это, безусловно, самая трудоемкая часть процесса дорожного строительства. Этап включает в себя удаление верхнего слоя почвы с помощью тракторной лопаты, грейдера или бульдозера, затем соскабливание и сортировку земли, чтобы обнажить подстилающий грунт, также известный как уровень пласта. На этом этапе земляные работы прекращаются и начинается строительство. Земляное полотно – это грунт ниже уровня пласта, и его следует проверить на прочность перед началом земляных работ. Материал может быть удален или стабилизирован, если качество грунта удовлетворительное. неудовлетворительный. Поскольку прочность земляного полотна определяет толщину дорожного покрытия, крайне важно укрепить основание путем удаления некачественного материала из шлама и замены его выбранной засыпкой, обеспечения надлежащего подземного дренажа и уплотнения наземного полотна до высокой плотности в сухом состоянии.

4. Дорожное покрытие. После подготовки земляного полотна и установки дренажных систем начинается этап строительства дороги. Дорожное покрытие может быть жестким или гибким, в зависимости от конкретных требований проекта. Гибкие тротуары возводить дешевле, и они обладают более высокой способностью расширяться и сжиматься при перепадах температур, поэтому для них не требуются компенсаторы. Жесткие дорожные покрытия обладают

более высокой прочностью на изгиб, более длительным расчетным сроком службы и более низкими затратами на техническое обслуживание, в то время как гибкие дорожные покрытия дешевле в монтаже и обладают большей способностью расширяться и сжиматься при перепадах температур, поэтому для них не требуются компенсаторы.

5. Контроль качества. После укладки дорожного покрытия перед началом строительства дороги необходимо провести ряд тестов качества проект можно считать завершенным. Этот метод предполагает осмотр дороги, чтобы убедиться в удовлетворительности дренажа, уровня уклона и других характеристик. Автомобилисты могут пользоваться маршрутом, как только все проверки дадут положительные результаты.

Большинство дорог могут прослужить до сорока лет, при этом капитальный ремонт требуется примерно каждые десять лет. Вместе с тем, проекты дорожного строительства по своей сути сложны и непредсказуемы из-за динамичного характера работ на стройплощадке и неопределенностей, связанных с погодными условиями, характеристиками почвы и условиями на стройплощадке. Текущая практика предполагает, что проект проектировщики выполняют земляные работы при дорожном строительстве, используя детерминированные методы, основанные на их прошлом опыте и знаниях, что требует учета факторов риска [13. С. 584].

Для России актуальным остается вопрос обеспечения бесперебойного и надежного транспортного сообщения внутри страны и между отдельными регионами.

Среди проблем развития транспортной сети в России специалисты указывают, в частности [15; 26; 7]:

- 1) отставание в процессах обновления и развития объектов инфраструктуры;
- 2) недостаточный государственный контроль за объектами транспортной инфраструктуры;
- 3) отсутствие положительной динамики участия государства в инвестиционных инфраструктурных проектах;
- 4) снижение конкурентоспособности российских компаний, которые сталкиваются с растущими транспортными издержками;
- 5) необходимость решения проблем товарооборота и логистики в условиях значительной протяженности транспортных маршрутов на фоне усиления межрегиональной интеграции;
- 6) географическая и социально-экономическая неоднородность территории страны;
- 7) неравномерность развития торговых отношений и транспортной инфраструктуры между регионами даже в пределах одного федерального округа.
- 8) высокая региональная диспропорция в уровне транспортной доступности, низкое качество дорожной сети и низкая степень интеграции в мировое транспортное пространство.

9) высокий уровень природного риска в ряде регионов, подверженных воздействию различных опасных природных явлений и неблагоприятных погодных явлений, таких как проливные дожди и снегопады, разливы рек, землетрясения, извержения вулканов, оползни, селевые потоки, снежные лавины, камнепады и ледяные явления [19].

Указ Президента РФ № 204 от 07 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве одной из ключевых составляющих повышения качества российской дорожной системы определил модернизацию системы обеспечения безопасности дорожного движения. Поэтому совершенствование государственной политики в области безопасности дорожного движения можно рассматривать как основной механизм обеспечения качественно нового уровня транспортного сообщения в стране [23].

О постепенном улучшении состояния автомобильных дорог свидетельствует совокупный среднегодовой темп роста доли дорог, не соответствующих нормативным требованиям, который по всей России составил с 2008 по 2022 г. – 0,87%. Однако существенные различия в уровне развития дорожной сети остаются между отдельными регионами. Итак, по состоянию на 2020 год доля дорог общего пользования, не соответствующих нормативным требованиям, в Москве составляла 3%, и в то же время в Республике Марий Эл этот показатель составил 98,6%, что говорит о существовании высоких диспропорций в региональном развитии России [5; 4].

В рамках Федерального проекта «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», включенного в национальный проект «Безопасные качественные дороги» (2019–2030) [3], который реализуется в 84 регионах страны, указывается, в частности, создание механизмов экономического стимулирования безопасности автомобильных дорог регионального и межмуниципального значения.

Национальный проект включает 5 федеральных проектов государственной программы РФ «Развитие транспортной системы» («Региональная и местная дорожная сеть», «Безопасность дорожного движения», «Развитие общественного транспорта», «Общесистемные меры развития дорожного хозяйства», «Развитие федеральной магистральной сети») и один федеральный проект «Автомобильные дороги Минобороны России» государственной программы РФ «Обеспечение обороноспособности страны», обеспечив программно-целевой и проектный подходы к развитию российской дорожно-транспортной системы.

Возможности цифровых технологий призваны оптимизировать дорожное движение и сократить количество мест, где происходят дорожно-транспортные происшествия. Контракты жизненного цикла, лучшие технологии и материалы, которые являются основными механизмами развития и эксплуатации дорожной сети, направлены на снижение затрат на проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию участков дорог как единого комплекса работ.

В качестве основных проблем реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги» называются «нерегулируемый рост цен

на дорожно-строительные материалы, наличие недобросовестных подрядчиков; риски повышения стоимости дорожной техники, оборудования, материалов, ресурсов для реализации мероприятий нацпроекта в связи с имеющимися проблемами после введения западными странами в отношении России санкций в различных сферах; сохраняющееся в ряде случаев отсутствие комплексного подхода к проведению дорожных работ; ограниченность возможностей и полномочий органов власти в регулировании процессов в сфере реализации проекта; сложности с проведением мониторинга и адекватной оценкой параметров его реализации» [1].

Другие специалисты обращают внимание на недостаточность предоставления экономических стимулов для реализации национального проекта «Безопасные качественные дороги». Так, существующие и перспективные механизмы обеспечения безопасности автомобильных дорог сводятся к мониторингу массогабаритных параметров и ужесточению некоторых положений нормативных правовых актов, то есть они основаны на штрафных санкциях. Отсутствие экономических стимулов для сервисных организаций существенно снижает заинтересованность последних в повышении качества дорожных услуг. Поэтому предлагаются дополнительные инструменты в виде: комплексной реформы системы безопасности дорожного движения (стимулирующие контракты для компаний, занимающихся ремонтом дорог, основанные на механизме установления целевых показателей) и внедрения независимой оценки экономической целесообразности технологий содержания дорог и оперативного мониторинга уровня безопасности дорожного движения [23].

Национальный проект «Безопасные качественные автомобильные дороги» устанавливает целевые показатели для внедрения практики контрактов жизненного цикла. Юридически понятие контракта жизненного цикла закреплено п.8.2 части 1 статьи 3 Федерального закона от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе» и уточнено в подпункте «а» пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. № 1087 «Об определении случаев заключения контракта жизненного цикла» как контракта, предусматривающего проектирование и строительство объекта, который должен быть создан в результате выполнения работ, последующего технического обслуживания, ремонта и, при необходимости, эксплуатации и (или) утилизации поставленного товара или объекта, созданного в результате работы. При этом контракт жизненного цикла в области автомобильных дорог может быть заключен при выполнении работ на проектирование и строительство автомобильных дорог (участков магистралей), включая дорожные сооружения, являющиеся их технологической частью, – защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог, и (или) работ по их ремонту.

Контракты жизненного цикла предполагают, что государство задает предприятиям направление на реализацию государственных планов и программ.

Однако ответственные исполнители (подрядчики) самостоятельно определяют перечень решений по реализации целевых показателей этих планов [2].

При необходимости в указанный контракт могут быть включены работы по инженерным изысканиям и (или) проектированию автомобильной дороги (участка автомобильной дороги), включая дорожные сооружения, являющиеся их технологической частью, – защитные дорожные сооружения, искусственные дорожные сооружения, производственные объекты, элементы обустройства автомобильных дорог (Письмо Минфина России № 24-03-06/101752, Минтранса России № АК-Д2-22/23580 от 23.11.2020 «О позиции Минтранса России и Минфина России по вопросу о заключении контрактов жизненного цикла при строительстве автомобильных дорог»).

В западных странах задача передачи работ по содержанию дорог подрядчикам успешно решается за счет широкого использования контрактов, основанных на целевых показателях, в течение 20 лет. Этот подход называется Целевой аутсорсинг (Performance (Output) Based Maintenance), основанный на целевых показателях. Система заключения долгосрочных контрактов внедрена и активно используется в Норвегии, Швеции, США, Канаде и ряде других развитых стран. Целевой аутсорсинг основан на оплате за поддержание дороги в состоянии, соответствующем установленным стандартам. В то же время в договоре не регулируются вопросы стоимости и объема работ, оплата осуществляется в форме фиксированной ставки (обычно ежемесячной) или единовременной оплаты (аванс). Широкое распространение этой модели заключения контрактов можно объяснить возможностью улучшения технического обслуживания дорожного полотна при сохранении того же ресурсного обеспечения [23].

Использование целевого аутсорсинга подразумевает полную передачу ответственности за принятие оперативных решений на подрядную организацию. В то же время подрядчики имеют косвенные экономические стимулы для повышения качества дорожных услуг. В частности, существует потенциал увеличения прибыли за счет более эффективной работы или использования инновационных методов. Экономия, получаемая в результате использования целевого аутсорсинга по сравнению с традиционными сервисными контрактами, в некоторых странах может достигать 40% [22].

Целевой аутсорсинговый подход предлагается специалистами в качестве основы для разработки рекомендаций по совершенствованию существующей контрактной системы в сфере зимнего содержания дорог в Российской Федерации, мотивируя дорожно-эксплуатационные компании использовать лучшие практики в обеспечении надлежащего качества технического обслуживания. «С одной стороны, такая мера потенциально позволит снизить затраты на заключение договоров на содержание автомобильных дорог с подрядчиками и проведение закупочных процедур органами исполнительной власти субъектов Федерации и муниципальными властями. С другой стороны, компании будут заинтересованы в повышении качества выполняемых работ, чтобы

минимизировать риск дополнительных затрат на техническое обслуживание и повысить уровень прибыльности своей основной деятельности» [23].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», необходимость стимулирования технологических инноваций определена в числе приоритетных целей развития страны.

Широко признано, что инновации необходимы в дорожно-строительной отрасли как основа конкурентных преимуществ организаций, работающих в дорожно-строительной отрасли. Однако среди некоторых специалистов бытует мнение, что процесс внедрения инноваций в строительной отрасли является необычным, и что строительная отрасль медленно меняется. Такой тип восприятия иногда возникает из-за контрастов между дорожно-строительной отраслью и медициной, образованием, электроникой и другими отраслями бизнеса в которой внедрение и адаптация новых теорий, продуктов и технологий получили широкое распространение за последние несколько десятилетий [9].

Совершенствование процессов и инноваций в сфере дорожного строительства приносят значительные выгоды обществу и отрасли, внося важный вклад в экономический рост и повышение качества жизни. Однако внедрение более совершенных инновационных методов с целью совершенствования существующих строительных процессов и повышения конкурентоспособности постепенно стало проблемой для дорожной отрасли. Использование инноваций в данном контексте относится к использованию подходящих материалов при строительстве дороги, такие материалы, как экологически чистые дороги, солнечные дороги и переработанные материалы.

В этом отношении интересен опыт государств, использующих новые материалы в дорожном строительстве.

В Германии интересен опыт использования в дорожной промышленности вторичных материалов. В Гамбурге были введены в действие новые правила и процедуры, согласно которым на Гамбургской дороге необходимо использовать только переработанные материалы. Решение по созданию 100% переработанного асфальтобетонного покрытия помогает потреблять меньше энергии и сводит к минимуму вредные выбросы газов, например, углекислого газа. В этом контексте битум является одним из самых дорогих дорожных материалов, который используется для строительства специальных дорог и мостов. Хотя в структуре дорожных материалов битум составляет всего 5%, это может обеспечить 60% дорожного покрытия и затраты на строительство дорог и мостов [27].

Материалы для вторичной переработки были использованы при реконструкции моста Бэй-Бридж в Сан-Франциско, который был разрушен из-за землетрясения в 1989 году. При восстановлении моста были использованы исключительные свойства золы наряду с измельченной золой, образующейся в печах взрывного действия, для повышения прочности (золы-уноса). В этом проекте были применены биохимические свойства золобетона, чтобы выявить нежелательные примеси морского соляного тумана и воды, которые оказывают жесткое

воздействие, что является механическим требованием зоны землетрясения. Процесс изготовления при строительстве моста также использовался шлак, который был измельчен, гранулирован из взрывной печи. Этот шлак был применен в опорной колонне, в результате чего прочность и обрабатываемость моста существенно улучшились [27].

В Австралии была построена первая дорога из пластиковых пакетов и стеклянных бутылок. На основе исследований по строительству дороги из пластиковых пакетов и стекла в дорожное полотно внедряются материалы, которые лучше перерабатываются, обеспечивая при этом меньший объем парниковых газов газовой след, что хорошо помогает стране контролировать отходы, но и помогает развивать дороги, которые подходят для окружающей среды. Для строительства дороги в городе Онкапаринга в Южной Австралии (Южная Каролина) было использовано около 139 000 пластиковых пакетов и 39 750 стеклянных бутылок со свалки [18].

В Сиднее, Австралия, используется скоординированная адаптивная система контроля дорожного движения, известная как SCATS. Эта система получила мировое признание и применяется в более чем 141 городе в разных странах по всему миру, регулируя 32 000 дорожных соединений в мире [14].

В Австралии также с 2012 года проводятся испытания вспененного битума для стабилизированного дорожного покрытия [24]. Целями оценки состояния дорожных покрытий, стабилизированных вспененным битумом, являются: 1) разработка новых материалов для дорог и дорожного полотна для структурной реинтеграции и управления австралийскими дорогами; 2) выявление и изучение аварийных режимов автомобильных дорог FBS; 3) разработка, а также координация разработки общенациональных смесей для стабилизированных вспененным битумом материалов.

В Израиле дороги Хайфы и Раананы являются двумя разными примерами импровизированного использования инноваций в дорожном строительстве для выработки электроэнергии и сбора отходов – кинетической энергии. Частная израильская фирма разработала индивидуальные пьезотехнические генераторы, которые можно было бы использовать для получения растроченной кинетической энергии при строительстве дорог/мостов и преобразования ее в электрическую энергию. Эта технология применяется в дорожном строительстве, поскольку кинетическая энергия, преобразуемая в электрическую, собирается и используется для систем дорожной сигнализации и освещения дорог. Она также применяется для освещения диодов, которые производят свет. Этот метод привел к строительству умных и надежных дорог в регионе, ведущих к самодостаточности мостов и дорог, следовательно, и сохранению энергоснабжения, поскольку движение автомобильного транспорта по магистралям генерирует кинетическую энергию, которая собирается в виде электрической энергии [24].

Многие страны по всему миру используют солнечные панели, которые расположены последовательно и архитектурно спланированы для движения

автомобилей по дороге. Это инновационная и революционная замена инфраструктуре, которая строится из нефтепродуктов и асфальта.

Идея солнечных дорог состоит в том, чтобы накапливать энергию, а затем преобразовывать ее в электрическую энергию. Вырабатываемая энергия может быть использована для освещения дорог и мостов, а также для выработки электроэнергии для местных домов и бизнеса. Ключевым достижением этой разработки является солнечная панель, которая может накапливать энергию.

Так, в Нидерландах была сделана велосипедная дорожка в пригородных зонах Амстердама Вормервеер и Кроммени, основанная на солнечной энергии. Анализ шестимесячного использования дорожки показал, что система «солнечная дорога» (solar road) улучшила характеристики в контексте эксплуатационных расходов и удобства использования дороги. Более того, эта дорожка способна вырабатывать около 3000 кВт*ч электроэнергии, чего достаточно для освещения одного дома по крайней мере в течение года.

Концепция разработки солнечных систем на обочинах дорог получила очень широкое распространение, и теперь Соединенные Штаты Америки планируют установить солнечные панели на всех своих дорогах и магистралях.

В Нидерландах еще одним инновационным внедрением в развитие дорог и мостов стало строительство шоссе, которое светится в темноте, имеет форму трона и считается первым в мире шоссе, которое светится в темноте. Эта дорога будет не только светиться в темноте, но и давать информацию о погоде, получив название «умное шоссе», а концепция, лежащая в основе этого проекта, заключается в строительстве автострад, которые являются устойчивыми по своей природе и интерактивными. Эти автострады будут окрашены таким образом, чтобы они могли светиться без каких-либо помех (краски glow могут светиться в течение восьми часов) [10].

Такие инновационные автострады имеют потенциал к созданию безопасных и ремонтнопригодных дорог, а также послужить улучшенной заменой дорог в зонах, где нет электричества и освещения [10].

В Нидерландах также проводится пилотное исследование по строительству новых типов дорог с использованием переработанного пластика, которые просты в строительстве и намного надежнее [16]. Они должны выдерживать более высокие колебания температуры и требуют сравнительно меньшего технического обслуживания.

В течение последних нескольких лет Министерство транспорта Соединенных Штатов работало над внедрением инновационных подходов и использованием систем дорожного строительства, чтобы не нарушать нормальный транспортный поток. В этом контексте РПСР известен как сборный предварительно напряженный бетон. В ходе исследований Центра транспортных исследований (CTR) Техасского университета был разработан пилотный план РПСР протяженностью 0,7 км. Этот пилотный план был позже реализован неподалеку от Джорджтауна в штате Техас [29]. С помощью формованного бетонного покрытия используются передовые методы дорожного строительства, позволяющие строить

и ремонтировать дороги и мосты за меньший промежуток времени. Модули, которые собираются и изобретаются в другом месте, транспортируются на производственную площадку и подключаются. Этот метод отличается высокой надежностью и может быть эффективно применен для ремонта дорог в более короткие сроки и их восстановления, а также для ситуаций с интенсивным движением. В настоящее время результаты исследований применяются для непрерывного периодического ремонта и реабилитации [30; 17].

Инновационная концепция супермагистралей (Jet Stream Super-Highway) основана на автомобилях, которые извлекают энергию из конструкции моста или дорог [12]. Эти автострады или хайвеи были спроектированы таким образом, чтобы в туннелях не было ветра, который приводит к созданию потока воздушного потока на постоянной основе. Конструкция и форма дорожного полотна этих типов напоминают полупрозрачную трубу, просвечиваемую при осмотре в поперечном сечении. Эти автострады состоят из последовательности турбин, приводимых в движение солнечными батареями и системой «road hover», которые направляют поток воздуха по дорожному полотну. Кроме того, существует циклическое воздействие, создаваемое вентиляционными отверстиями по бокам в результате бесконечного втягивания воздушного потока. Благодаря покрытию солнечными панелями верхней поверхности дороги, создается очень благоприятная атмосфера. Имеются электронные датчики, которые обеспечивают связь с автомобилями, находящимися в движении по дороге, для получения точных настроек. Эта автострада основана на идее о том, что будущее транспорта в городских зонах основано на применении «зеленых» систем энергопотребления наряду с энергосбережением [12].

Дорожно-строительная отрасль сталкивается с проблемами проектирования и поставки высокоэффективного асфальтобетона для того, чтобы выдерживать высокие транспортные нагрузки, включая нагрузку на ось колес. Поскольку плотность дорожного движения в Австралии растет день ото дня, возросла потребность в надежных асфальтобетонных материалах для адаптации к меняющимся погодным условиям. Технология EME расшифровывается как «enrobes à module élevé», и в переводе с французского означает «высокомодульный». Эта технология широко применяется во Франции, где она зародилась. Технология EME делится на два класса, а именно: EME класса 1 и EME класса 2. Разница между этими двумя сортами заключается в том, что класс EME 1 включает в себя более высокое содержание связующего в материале в контексте модуля вязкости; смеси EME2 основаны на модуле вязкости наряду с требованиями к таким характеристикам, как чувствительность к воде, жесткость, отслеживание хода колес и усталость. Класс высокомодульного асфальта EME 2 обычно применяется на дорогах с высокой транспортной нагрузкой. Ключевыми особенностями EME являются умеренная прочность, а также жесткость. Кроме того, уменьшается толщина дорожного покрытия без существенного изменения прочности дорог [20; 21]. Более того, в конструкции смесей, используется мембранный промежуточный слой, снижающий деформацию (SAMI) битум и местные заполнители,

чтобы гарантировать, что предлагаемый состав смеси должен соответствовать требованиям Франции.

Выводы. Одним из факторов формирования успешной государственной политики в области регионального развития является формирование объектов транспортной инфраструктуры на государственном уровне, отвечающих стратегически важным требованиям модернизации экономической системы страны. К таким объектам может относиться качественная транспортная инфраструктура в крупных городских агломерациях, в курортно- рекреационных зонах, на территориях опережающего развития и т.д.

Инновации в данной сфере могут нести как экономические, так и экологические выгоды, поэтому для поддержания конкурентоспособности строительной отрасли необходимо постоянно фокусироваться на совершенствовании своих строительных процессов и инновационных материалах.

Особое значение также приобретает постоянный мониторинг и оценка воздействия опасных природных явлений в регионах России и учет этих обстоятельств для развития транспортной сети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ворошилов Н.В.** Тенденции, проблемы и перспективы реализации национального проекта России «Безопасные качественные дороги» // Вопросы территориального развития. 2022. Том 10. № 2.
2. **Никитин Ю.А., Васильев Н.И., Детков Г.Б.** Особенности контракта жизненного цикла. Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40).
3. Официальный сайт проекта «Безопасные качественные дороги» // <https://bkdrf.ru/about>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023; Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2023.
5. Регионы России. Социально-экономические индикаторы – 2017 г. // https://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm.
6. **Твардовский Д.В.** Развитие автомагистралей и скоростных автомобильных дорог в России // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 6 (61).
7. **Швелидзе Д.** Развитие опорной системы магистралей и скоростных автодорог как фактор экономического развития России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5.
8. **Anshika Singh, Shivangi Singh and Ankur Singh.** ANALYSIS AND EXECUTION OF ROAD WORK CONSTRUCTION ENGINEERING – A REVIEW // International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT). 2022. Volume 10. Issue 4.
9. **Drejer A.J.E.J.O.I.M.** Situations for innovation management: towards a contingency model. 2002. No 5 (1).

10. **Dube D.-E.J.G.N.** Netherlands test-drives world's first glow-in-the-dark highway. 2014 // <http://globalnews.ca/news/1272844/glow-in-the-dark-highwayof-the-future/>.
11. European Countries: The Case of Poland // *European Research Studies Journal*. 2020. No 23 (2).
12. **Huang D.** Jet Stream Super-Highway. 2015 // <http://psipunk.com/jet-streamsuper-highway-by-david-huang/>.
13. **Kassem M., Chavada R., Dawood N., Benghi C., Sanches R.** Road construction projects: an integrated and interactive visual tool for planning earthwork operations. In: N. Dawood and M. Kassem (Eds.), *Proceedings of the 13th International Conference on Construction Applications of Virtual Reality (30-31 October 2013)*. London, UK, 2013.
14. **Kilby P. & Johnson F.** RTA and NICTA: Innovating on Successful Traffic Management. Paper presented at the 17th ITS World Congress ITS Japan ITS America, ERTICO. 2010.
15. **Kirakosjan M.A., Penyugalova A.V., Pysnograï A.P.** The Transport Infrastructure Development Features in Russia: Problems and Ways to Solve // *International Journal of Economics and Business Administration*. 2020. Volume VIII. Special Issue 1.
16. **Koudstaal A., Jorritsma S.** Plastic Road. Retrieved from VolkerWessels. 2015 // <http://en.volkerwessels.com/en/about-us/profile/profile>.
17. **Merritt D.K. & Tayabji S.** Precast Prestressed Concrete Pavement for Reconstruction and Rehabilitation of Existing Pavements. Retrieved from Federal Highway Administration. 2009 // <http://www.fhwa.dot.gov/p...e/pubs/if09008/if09008.pdf>.
18. Onkapinganow. First South Australian road built with plastic bags and glass. 2018 // <https://www.onkapinganow.com/spring-2018/first-south-australian-road-built-with-plasticbags-and-glass/#>.
19. **Petrova E.** Natural hazard impacts on transport infrastructure in Russia // *Natural Hazards and Earth System Sciences*. 2020 // <https://doi.org/10.5194/nhess-20-1969-2020>.
20. **Petho L. & Bryant P.** High modulus asphalt (EME2) pavement design in Queensland. Paper presented at the AAPA International Flexible Pavements Conference, 16th. Gold Coast, Queensland, Australia. 2015.
21. **Petho L., Beecroft A., Griffin J. & Denneman E.** High modulus high fatigue resistance asphalt (EME2) technology transfer (1925037932). 2014 // <https://http://www.onlinepublications.austroads.com.au/items/AP-T283-14>.
22. Policy Paper on Infrastructure // <https://www.ebrd.com/documents/admin/policy-paper-on-infrastructure-making-district-heating-happen-pathways-to-financial-sustainability.pdf>.
23. **Popov N.A., Osokin N.A.** Improving road maintenance management practices in Russia // *Strategic risk and decisions management*. 2020. Vol. 11. № 3.

24. **Probst L., Monfardini E., Frideres L., Demetri D., Schnabel L., Alain K. & Clarke S.** Business Innovation Observatory Environmentally friendly technologies and energy efficiency. In: European Union, 2013.
25. **Rose T.M., Manley K.J.** C.M. & Economics. Adoption of innovative products on Australian road infrastructure projects. 2012. No. 30 (4).
26. **Sadowski A., Wąsowska K., Nowak I.** Logistics Development in Popov N.A. Osokin N.A. Improving road maintenance management practices in Russia // Strategic risk and decisions management. 2020. Vol. 11. № 3.
27. **Schroeder R.** The use of recycled materials in highway construction // Public Road. 2015 // <https://http://www.fhwa.dot.gov/publications/publicroads/94fall/p94au32.cfm>.
28. The UN report «the 2018 Revision of World Urbanization Prospects» // <https://population.un.org/wup/>.
29. The UN report «2019 Revision of World Population Prospects» // <https://population.un.org/wpp/>.
30. U.S. Department of Transportation: Federal Highway Administration. Construction of the California Precast Concrete Pavement Demonstration Project. Washington, D.C. 2015 // <http://www.fhwa.dot.gov/pavement/concrete/pubs/if06010/ch1.cfm>.

SAJJAD ZERAAT PEYMA

Associate Professor at the Department of
of Nanotechnology and Microsystem
Engineering of Peoples' Friendship
University of Russia, Tehran, Iran

THE FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE ROAD TRANSPORT NETWORK IN RUSSIA: PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF INNOVATIONS

The development of the transport network is directly related to the possibility of achieving sustainable socio-economic growth, ensuring the free movement of people and goods, increasing the volume of domestic and foreign trade, reducing transport and transaction costs. Russia's transport system is one of the most developed in the world, including due to its length, multi-tasking and riskiness, therefore, assessing the prospects for its development and improvement remains an important topic, especially in light of the implementation of the national project «Safe high-quality Roads». One of the factors in the formation of a successful state policy in the field of regional development is the formation of transport infrastructure facilities at the state level that meet the strategically important requirements for the modernization of the country's economic system. Innovations in this field can bring both economic and environmental benefits, therefore, in order to maintain the competitiveness of the construction industry, it is necessary to constantly focus on improving its construction processes and innovative materials.

Constant monitoring and assessment of the impact of natural hazards in the regions of Russia and consideration of these circumstances for the development of the transport network are also of particular importance.

Key words: road transport network, transport infrastructure, national project «Safe high-quality roads», innovations, national projects, highways, Russia.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.010

УДК 339.138

О.А. КОЛОСОВА

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры маркетинга ФГБОУ ВО «Государственный университет
управления»; доцент кафедры социологии и рекламных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва
E-mail: olga_kolosova@mail.ru

А.Л. АНДРЕЕВА

кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры маркетинга ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
Россия, г. Москва
E-mail: angeleom@mail.ru

О.Л. БЕГИЧЕВА

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии
и рекламных коммуникаций ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»,
Россия, г. Москва
E-mail: olgalvb@mail.ru

А.А. КОМАРОВА

кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей
с общественностью ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
доцент кафедры социологии и рекламных коммуникаций ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва
E-mail: komarova_a@inbox.ru

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МАРКЕТИНГА

***Введение:** в работе уточнены теоретико-методические аспекты значимости и организационно-управленческой направленности цифровой трансформации маркетинга. Использование современных технологий при текущей конъюнктуре функционирования бизнес-процессов непосредственно связано с вопросами цифровизации.*

Адаптация цифровых решений в различные сферы ведения хозяйственно-экономической деятельности способствует повышению эффективности управления ими и формированию дополнительных горизонтов развития. Цифровая трансформация маркетинга создает условия для расширения возможностей всех связанных бизнес-процессов, что выступает актуальным фактором достижения коммерческого успеха. Роль современных технологий в маркетинговой деятельности многогранна, а ее основной фокус нацелен на повышение эффективности применения маркетинговых инструментов за счет роста устойчивости коммуникаций, оперативности расчетов и масштабируемости тиражируемой информации.

Цель и задачи: цель работы заключается в исследовании теоретико-методических аспектов цифровой трансформации маркетинга. В рамках поставленной цели в работе происходит решение следующих задач:

- сфокусировать актуальность цифровых преобразований в маркетинговом пространстве для расширения возможностей его инструментария;
- выделить основные каналы информационного, коммерческого и логистического продвижения в рамках цифрового маркетинга;
- охарактеризовать базовые векторы цифровой трансформации маркетинга.

Результаты исследования: авторским коллективом уточнены теоретико-методические аспекты цифровой трансформации маркетинга, раскрывающие конкурентную актуальность цифровых преобразований, характеризующие базовые каналы информационного, коммерческого и логистического продвижения цифрового маркетинга, а также фундаментальные направления цифровой трансформации маркетингового пространства.

Ключевые слова: цифровизация, маркетинг, цифровые решения, современные технологии, маркетинговый анализ.

Актуальность. На данном этапе развития социально-экономической формации современные технологии оказывают решающее влияние на развитие маркетинговой деятельности. Ключевой отличительной особенностью экосистемы современного человека выступает активное внедрение цифровых технологий во всех сферы его деятельности [3. С. 167]. В этой связи применение цифровых решений в маркетинговых бизнес-процессах позволяет генерировать совокупность положительных эффектов, к числу которых в первую очередь можно отнести:

- существенно расширяет возможности для рекламной деятельности и снижает ее стоимость для продавца;
- повышает уровень узнаваемости бренда за счет регулярной трансляции информационного контента;
- создает условия для построения устойчивой обратной связи, что выступает основой для роста эффективности продаж за счет применения персонализированного подхода;
- внедряет механизмы для формирования высокого уровня лояльности потребительской массы на основе системных коммуникаций.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением И.А. Наугольной, которая отмечает значимость внедрения современных технологий управления в маркетинговую деятельность предприятия для достижения положительного финансового результата [9. С. 297]. В данном случае основными источниками генерирования коммерческого успеха выступают следующие факторы:

- возможность оперативного выведения на рынок нового продукта;
- снижение расходной части по стоимости рекламы и использовании других средств стимулирования сбыта;
- сокращение себестоимости продаж, так как реализации продукции в цифровой среде намного дешевле использования магазинов прямого общения с покупателями.

Ключевое влияние на трансформацию маркетинга в цифровую среду оказало развитие Интернета. Повсеместное внедрение Интернета в качестве средства коммуникации создало условия для его использования в маркетинговой деятельности с целью повышения эффективности процессов реализации продукции. В данном случае, по мнению А.А. Арлановой, можно говорить о создании так называемого цифрового маркетинга [1. С. 78]. Цифровой маркетинг представляет собой процесс реализации продукции и услуг в цифровой среде за счет использования инструментов электронной коммерции и digital-каналов общения с потребителями. Цифровой маркетинг выступает в качестве подвида маркетинговой деятельности, отличительной особенностью которого является применение интерактивных технологий.

Отдельные особенности использования цифрового маркетинга описывает в своей публикации Г.Б. Бабаева, содержательная сторона которых заключается в следующем:

- увеличивает масштабность применения инструментов стимулирования сбыта. В рамках цифрового маркетинга предоставляется возможность транслировать информационный контент как всю потребительскую аудиторию, так и на отдельный целевой сегмент;
- автоматизация бизнес-процессов. Многие процессы маркетингового комплекса предприятия настолько автоматизированы, что могут существовать практически автономно без постороннего участия. Данное свойство обеспечивает системность и многократность применения тех или иных маркетинговых инструментов;
- позволяет установить устойчивые и продолжительные коммуникации с клиентом в формате 24/7/365. Кроме того, появляется возможность обратной коммуникации, которая крайне актуальна для оперативного реагирования на изменение запросов потенциальных потребителей;
- обеспечивает снижение издержек продавца, что ведет не только к росту его коммерческой выгоды, но в условиях конкурентного рынка способствует уменьшению стоимости товаров для конечного потребителя. Сокращение издержек

достигается за счет уменьшения себестоимости применения средств стимулирования сбыта и снижения расходов на прямые продажи [2. С. 57].

Основная часть. Современные технологии играют существенную роль в маркетинговой деятельности предприятия. Степень значимости внедряемых технологий зависит от специфики хозяйственно-экономической деятельности предпринимательской структуры. Использование современных технологий направлено на расширение конкурентных преимуществ и обеспечение стабильности поступления входящего финансового потока. Обобщая результаты проведенных исследований, на рисунке 1 выделить роль современных технологий в маркетинговой деятельности предприятия.

Рисунок 1. Роль цифровой трансформации маркетинга

Внедрение современных технологий в маркетинговую деятельность породило значительное расширение ее инфраструктуры. К числу относительно новых инструментов цифровой инфраструктуры маркетинговой деятельности можно отнести:

– поисковую оптимизацию: оптимизация времени и очередности отражения сайта компании по итогам запросов в поисковых системах;

– контент-маркетинг: поиск и обращение к целевой группе покупателей с коммерческим или информационным предложением. Цель контент-маркетинга состоит в том, чтобы за счет информационного посыла убедить покупателя и дальше оставаться в коммерческой орбите продавца;

– маркетинг социальных сетей: построение механизма сбыта продукции за счет использования коммуникационного потенциала социальных сетей. Продажа товаров строится с учетом специфики социальной сети и особенностей коммуникаций между ее участниками;

– email-маркетинг: рассылка информационного контента широкой массе потребителей с минимальным уровнем сегментации на регулярной основе за счет автоматизации всего процесса;

– оплата за клик: предоставление рекламного контента при обращении к той или иной электронной странице.

По мнению А.Л. Марухленко, наиболее актуальными технологиями, которые могут быть использованы в современном маркетинговом комплексе хозяйствующего субъекта являются:

– машинное обучение: представляет собой механизм автоматизированных модулей, которые позволяют дублировать заданные алгоритмы. Важным достоинством машинного обучения выступает корректировка заложенного механизма с учетом изменения влияющих факторов без участия человека;

– блокчейн: использование данной технологии генерирует экономию процессов, ускоряя и обеспечивая процессы и записи данных, лежащие в основе взаимодействий и транзакций;

– искусственный интеллект: на данном этапе является максимальной степенью эволюции цифрового маркетинга. Достоинством искусственного интеллекта выступает непрерывно развитие и самообучение, которое позволяет наилучшим способом автоматизировать управленческие механизмы в маркетинговом комплексе [7. С. 6615].

Внедрение современных технологий управления в маркетинговый комплекс предприятия является аспектом его инновационного развития. В этой связи основной тренд инновационного маркетинга связан с цифровизацией. При существующей конъюнктуре ведения предпринимательской деятельности внедрение современных технологий в маркетинговый комплекс предприятия выступает актуальным фактором повышения коммерческой эффективности и достижения успеха в конкурентной борьбе. Использование современных технологий в маркетинговой деятельности носит еще более актуальный характер в условиях глобальной конкуренции. Для крупных компаний выход на международные рынки не представляется возможным без внедрения современных управленческих технологий в маркетинговую деятельность [11. С. 27]. Таким образом, в рамках цифровой конъюнктуры ведения бизнеса использование современных технологий способствует достижению успеха в конкурентной борьбе.

Использование современных технологий управления в маркетинговой деятельности носит многофункциональный и масштабный характер. Как отмечает К.Г. Хазравова трансформация маркетинговой деятельности предприятия при существующей конъюнктуре происходит под влиянием цифровых технологий [15. С. 35]. Таким образом, появление цифровых технологий является предпосылкой к появлению новой концепции маркетинга. К такому выводу приходит в материалах своей научной статьи Н.С. Соменкова [13. С. 417]. В первую очередь необходимо отметить, что основной вектор применения современных технологий в маркетинговой деятельности связан с Интернет-коммерцией. Т.Ю. Маслова выделяет несколько типов организации электронной коммерции:

- онлайн-магазин: продавец осуществляет продажу своей продукции или товаров в цифровом формате. Все сервисные и расчетные коммуникации между продавцом и покупателем происходят в электронной среде;

- дропшип: данный вид электронной коммерции очень похож на онлайн-магазин, а принципиальное отличие состоит в том, что товар поступает не от производителя, а от третьего лица, которое несет ответственность за логистику;

- партнерские программы электронной коммерции: указанные программы позволяют выстроить коммерческие коммуникации с целевой аудиторией потребителей в цифровой среде. Фокус партнерских программ направлен на предоставление коммерческой скидки в виде возврата части стоимости товара через определенное время;

- членство: основой данного вида электронной коммерции является регулярность коммерческих отношений с покупателем при помощи так называемых «подписок». Потребитель оплачивает подписку на ту или иную услугу, что формирует у него определенные возможности и привилегии в рыночной среде;

- маркетплейсы: многопрофильные онлайн-магазины, в которых предоставлены товары и услуги огромного количества продавцов. Маркетплейс функционирует в формате многопрофильной цифровой платформы, которая позволяет осуществлять не только выбор товара, но и его оплату [8. С. 132].

Цифровая трансформация затрагивает все аспекты маркетингового комплекса предприятия. В частности, можно отметить появление такого понятия как цифровой бренд, которое характеризует использование электронных инструментов для повышения узнаваемости бренда компании.

Ф.А. Кодиров в рамках своей научной публикации выделяет приоритетные направления использования современных технологий в маркетинговой деятельности:

- развитие покупок в интернете;
- рост рынка дополненной реальности по сравнению с рынком виртуальной реальности;
- оптимизация опции «Голосового Поиска»;
- персонализация;
- видеомаркетинг;

- искусственный интеллект;
- эмпатия как стратегия взаимодействия [5. С. 220].

Цифровые технологии активно применяются и в рамках проектной маркетинговой деятельности. Внедрение определенных маркетинговых инструментов в коммерческие процессы предприятия происходит на основе использования проектного управления. При этом использование проектного управления в системе цифрового маркетинга имеет определенные особенности, которые заключаются в следующем:

- повышенный уровень неопределенности и отсутствие четкой возможности прогнозирования конечного результата;
- сложность однозначной идентификации конечного потребителя;
- вариативность показателей прибыльности проекта в связи с размытостью затратной базы и неопределенность конечного финансового показателя [6. С. 5115].

Актуальным направлением использования современных технологий в менеджменте и маркетинговой деятельности является построение коммуникативных технологий. Целевой ориентир применения коммуникативных технологий направлен на построение устойчивых связей между продавцом и покупателем. Данная связь выступает базисом для формирования потребительской лояльности, а также создает предпосылки для многократной реализации товаров. Адаптация современных технологий в маркетинговой деятельности носит много векторный характер. В частности, А.Л. Спиридонова отмечает, что внедрение современных технологий значительно расширяет потенциал исследования маркетинговой среды [14. С. 211]. Применение больших данных создает условия для максимально комплексной оценки состояния потребительского рынка, что крайне важно для принятия обоснованных решений в маркетинговой деятельности.

В существующей практике цифрового маркетинга активно применяется широкий набор разнообразных инструментов, которые формируют каналы сбыта, а их группировка представлена на рисунке 2.

Использование цифрового маркетинга расширяет аналитические способности менеджмента, что особенно проявляется при проведении исследований потребительской среды. Результаты маркетингового анализа на основе применения больших данных создают условия для принятия качественных управленческих решений в системе менеджмента экономического субъекта. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н. Нурыева, который делает вывод о том, что большие данные, безусловно, следует рассматривать как мощный инструмент маркетинга, так как они помогают маркетологам

Рисунок 2. Основные каналы цифрового маркетинга

Значимым инструментом цифрового маркетинга является Event-маркетинг, сущность которого заключается в продвижении информационного контента относительно определенного бренда. Продвижение информационного контента может происходить как в целом в рамках общей потребительской совокупности, так и в структуре выделенной целевой аудитории. К числу базовых целей Event-маркетинг можно отнести:

- рост лояльности активных покупателей к бренду;
- повышение совокупной узнаваемости бренда в потребительской среде;
- максимизация числа запросов о бренде в цифровом пространстве. установить прямую связь между компанией и потребителями [12. С. 33].

Рисунок 3. Базовые векторы цифровой трансформации маркетинга

Заключение. По итогам проведенных исследований, можно сделать вывод о том, что использование современных технологий в маркетинговой деятельности предприятия носит крайне актуальный характер и выступает важнейшим инструментом достижения успеха в конкурентной борьбе. Применение современных технологий сфокусировано прежде всего на расширении потенциала маркетинговой деятельности. К числу основных положительных эффектов применения современных технологий управления в маркетинговой деятельности в первую очередь стоит отнести расширение возможностей для рекламной деятельности и снижение ее стоимости, повышение степени узнаваемости бренда за счет регулярной трансляции информационного контента, достижение высокого уровня лояльности потребительской массы на основе системных коммуникаций, генерирование возможностей оперативного выведения на рынок нового продукта, сокращение себестоимости продаж, так как реализации продукции в цифровой среде намного дешевле использования магазинов прямого общения с покупателями, установление устойчивых и продолжительных коммуникации с клиентом в формате 24/7/365, а также построение обратной коммуникации, которая крайне актуальна для оперативного реагирования на изменение запросов потенциальных потребителей. В рамках современного цифрового маркетинга применяется широкий набор инструментов, каждый из которых обладает своими положительными и отрицательными характеристиками. Выбор того

или иного инструмента зависит от целевых ориентиров функционирования маркетингового комплекса предприятия, а также от имеющегося финансового потенциала. В контексте сказанного важно отметить, что развитие цифрового маркетинга не стоит на месте. Следующим этапом эволюции цифрового маркетинга станет внедрение искусственного интеллекта. Использование искусственного интеллекта в цифровом маркетинговом комплексе предприятия будет способствовать сокращению общих маркетинговых расходов, а также уменьшит временные затраты на реализацию оперативных мероприятий. Основные направления применения современных технологий должны быть разработаны в фарватере стратегического развития хозяйствующего субъекта в целом. К числу приоритетных направлений использования современных технологий в маркетинговой деятельности можно отнести проведение углубленного и максимально масштабного анализа потребительской среды на основе больших данных, внедрение цифровых сервисов реализации продукции, которые будут способствовать росту интенсивности бизнес-процессов, создание и продвижение информационного контента относительно определенного бренда, разработка интерактивной системы коммуникационного взаимодействия с покупателями, запуск виртуального магазина, создание корпоративного цифрового приложения, которое будет использовано для построения коммерческих отношений с целевыми группами покупателей, а также построение комплексной системы электронной коммерции, которая будет включать в себя онлайн-магазин, дропшип, партнерские программы электронной коммерции, членство на основе цифровых «подписок», маркетплейсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Арланова А.А.** Как цифровые технологии меняют современный маркетинг / А.А. Арланова, Д. Оразов, Б. Нурмырадов, Г. Нурыгдыева // *Ceteris Paribus*. 2022. № 12.
2. **Бабаева Г.Б.** Современный маркетинг в условиях covid-19. Цифровые технологии // *Белгородский экономический вестник*. 2021. № 1 (101).
3. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022. № 1.
4. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
5. **Кодиров Ф.А.** Конкурентоспособность промышленных предприятий в контексте перехода к цифровой экономике // *Финансово-экономический вестник*. 2022. № 4-2 (34).
6. **Ксенофонтова К.М.** Экономическая оценка политики социально-ответственного поведения корпораций / К.М. Ксенофонтова, А.А. Чунихина, М.В.

- Данилов, Е.Е. Пономарев, С.О. Новосельский // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).
7. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко, А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
 8. **Маслова Т.Ю.** Понятие цифровых технологий в маркетинге // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 6 (45).
 9. **Наугольнова И.А.** Направления повышения конкурентоспособности промышленного предприятия в эпоху цифровой экономики / И.А. Наугольнова, Е.А. Летунов // Информатизация в цифровой экономике. 2023. Т. 4. № 3.
 10. **Новосельский С.О.** Роль оценки активов в процессе обеспечения финансовой устойчивости предприятий агпк / С.О. Новосельский, М. Евдокимова // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного производства. материалы Международной научно-практической конференции. Курская ГСХА, 2014.
 11. **Новосельский С.О.** Управление инвестиционной привлекательностью предприятия пищевой промышленности / Л.В. Бычкова, В.А. Климов, Н.А. Коптева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 8.
 12. **Нурьев Н.** Особенности использования цифровых технологий в маркетинге // Вестник науки. 2022. Т. 3. № 11 (56).
 13. **Соменкова Н.С.** Повышение конкурентоспособности предприятий в условиях цифровой экономики // В сборнике: Актуальные проблемы социально-экономической статистики и цифровизации экономических расчетов. Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024.
 14. **Спиридонова А.Л.** Применение технологий цифрового маркетинга в реализации рыбной продукции / А.Л. Спиридонова, Е.А. Шельчук // В сборнике: Пищевые технологии: исследования, инновации, маркетинг. Сборник трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. Керчь, 2023.
 15. **Хазрадова К.Г.** Применение цифровых технологий в банковском маркетинге // В книге: Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровая трансформация в науке, экономике и образовании». Махачкала, 2023.

O.A. KOLOSOVA

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Marketing Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «State University of Management» Associate Professor, Department of Sociology and Advertising Communications Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)», Moscow, Russia

A.L. ANDREEVA

Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Marketing, State University of Management, Moscow, Russia

O.L. BEGICHEVA

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Advertising Communications, Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)», Moscow, Russia

A.A. KOMAROVA

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «State University of Management» Associate Professor, Department of Sociology and Advertising Communications Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)», Moscow, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia

DIGITAL TRANSFORMATION OF MARKETING

***Introduction:** the work clarifies the theoretical and methodological aspects of the significance and organizational and managerial orientation of the digital transformation of marketing. The use of modern technologies in the current situation in the functioning of business processes is directly related to issues of digitalization. Adaptation of digital solutions to various areas of economic activity helps to increase the efficiency of their management and the formation of additional development horizons. Digital transformation of marketing creates conditions for expanding the capabilities of all related business processes, which is a relevant factor in achieving commercial success. The role of modern technologies in marketing activities is multifaceted, and its main focus is aimed at increasing the efficiency of using marketing tools by*

increasing the sustainability of communications, the efficiency of calculations and the scalability of replicated information.

Purpose and objectives: *the purpose of the work is to study the theoretical and methodological aspects of digital transformation of marketing. Within the framework of the set goal, the following tasks are solved:*

- focus the relevance of digital transformations in the marketing space to expand the capabilities of its tools;*
- highlight the main channels of information, commercial and logistics promotion within the framework of digital marketing;*
- characterize the basic vectors of digital transformation of marketing.*

Research results: *the team of authors clarified the theoretical and methodological aspects of digital transformation of marketing, revealing the competitive relevance of digital transformations, characterizing the basic channels of information, commercial and logistics promotion of digital marketing, as well as the fundamental directions of digital transformation of the marketing space.*

Key words: *digitalization, marketing, digital solutions, modern technologies, marketing analysis.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.011

УДК 32.327

А.Н. ШАРИФУЛЛИН

магистрант ИМЭБ

Российского университета дружбы

народов им. Патриса Лумумбы,

Россия, г. Москва

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ «ОДНА СТРАНА – ДВЕ СИСТЕМЫ» В САР ГОНКОНГ

В данной статье проводится исследование исторического контекста возникновения концепции «Одна страна – две системы» на территории Китайской Народной Республики, а также генезис этой концепции по отношению к современному Специальному автономному району Гонконг. Система «Одна страна – две системы», которая в данной работе рассматривается на примере Гонконга, на самом деле была направлена не только на этот автономный регион, но также на Тайвань и Макао. На данный момент политический курс Си Цзиньпина нацелен на объединение Китая, соответственно, исход актуального вопроса интеграции Тайваня в состав КНР зависит от того, как успешно концепция «Одна страна – две системы» покажет себя в Гонконге, так как это более политически активный регион в сравнении с Макао, который также вошел в состав КНР по аналогичной формуле. Были применены методы исторического анализа, нормативно-правового анализа, ходе анализа, абстрагирование. Был выявлен генезис проблемы, определены хронологические рамки разработки концепции: начиная с начала 1960-х гг. Мао Цзэдуном и заканчивая 1982 г. – официальным ее объявлением Дэн Сяопином. Были выделены идеологические, культурные, экономические и социальные трудности, стоявшие на пути объединения КНР и Гонконга. Автор приходит к выводу, что идея «Одна страна – две системы» была предложена китайским руководством для решения вопросов территориальной принадлежности Гонконга, Тайваня и Макао. Эта концепция развивалась в течение длительного времени и соответствовала политике открытости, провозглашенной Дэн Сяопином в конце 1970-х годов. Официально идея «Одна страна – две системы» была предложена в ходе переговоров с Маргарет Тэтчер в 1982 году как компромисс по вопросу возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР.

Ключевые слова: политический курс Китайской Народной Республики, Специальный автономный район Гонконг, территориальная принадлежность Тайвань, «Одна страна – две системы», экономико-правовые аспекты.

Исследование проблематики концепции «Одна страна – две системы» и ее реализации в САР Гонконг нельзя провести без разбора исторического и теоретического аспектов данного вопроса. Начав с рассмотрения проблемы в разрезе

истории Китая, можно будет перейти к выявлению причин внедрения данной концепции и проследить процесс разработки этой теории.

Истоки проблемы суверенитета над территорией Гонконга берут свое начало в XVI веке [4. С. 400]. В этот период португальские купцы получили возможность использования места Макао, которое находится в достаточной близости к Гонконгу, в качестве складов. Вслед за португальцами Великобритания стала также претендовать на использование прибрежных территорий Китая в виде Гонконга в своих целях для осуществления торговли с Китаем. Однако в тот исторический период Китай придерживался политики «закрытия» и протекционизма, соответственно, экспорт продукции из Китая преобладал над импортом. Из Великобритании начался денежный отток в сторону Китая в виде серебра. Альтернативой такому способу торговли, которая исключала вышеописанные негативные последствия для Англии, стал бартер опиума на чай, шелк, китайский фарфор, которые пользовались высоким спросом на Западе. Начавшаяся из-за насыщения китайского рынка опиумом, массовая опиумная зависимость населения, была на время приостановлена полным запретом на торговлю опиумом цинским правительством, что вызвало остановку торговли с Великобританией.

Так, начинается первая опиумная война 1841 года между Китаем и Великобританией, итогом которой является поражение китайской стороны. Согласно договору 1842 года [7. С. 176]. Китай выплатил контрибуцию Великобритании. Примечательно, что ее часть была выплачена землями – Шанхаем и Гонконгом. Вскоре в 1856 году китайская сторона терпит поражение во второй опиумной войне с Англией и Францией. После проигрыша Китая в Японо-китайской войне 1894-1895 гг. западные страны приступили к его окончательному разделу. По подписанной в 1898 г. конвенции о расширении Гонконга Лондон получил район, включавший в себя Гонконг и 255 близлежащих мелких островов, в аренду на 99 лет до 1997 года [3. С. 17].

В то время, как Гонконг находился под протекторатом Великобритании, Китай не раз прилагал усилия расторгнуть соглашения по конвенции 1898 г. В 1919 г. в ходе Парижской конференции, посвященной обсуждению вопросов окончания Первой мировой войны, Китай выдвинул требование отказа европейских государств от своих привилегий на китайские территории, завоеванные в XIX в. Однако, сославшись на выход этой проблемы за рамки конференции, западные державы отказались выполнять требование Китая [6. С. 218]. В ходе Второй мировой войны в 1941 г. Япония взяла контроль над территорией Гонконга и овладела им вплоть до 1945 г. После капитуляции Японии в 1945 г. на Ялтинской конференции был решен вопрос о судьбе Гонконга: главами СССР, США и Великобритании было принято решение о переходе Гонконга обратно Китаю. Но этому не суждено было сбыться, поскольку гражданская война 1945-1949 гг. помешала реализации этого плана, и Гонконг остался под юрисдикцией Великобритании до 1997 г., как и гласила конвенция 1898 г.

Такие серьезные политические проблемы на «материке» в виде развернувшейся гражданской войны спровоцировали массовый отток

населения из центрального Китая в Гонконг, находившийся под протекторатом Великобритании. Более 100 000 человек смогли эмигрировать в Гонконг, и к началу 1950-х гг. данный процесс продолжался, а население достигало почти 2 млн человек. В связи с такой массовой эмиграцией власти центрального Китая наложили запрет на выезд граждан. Эти обстоятельства побудили местную власть начать массовое жилищное строительство, и, в целом, Гонконг встал на путь развития, который больше был похож на капиталистический, нежели социалистический. Массовый приток рабочей силы, упомянутый выше, возможности иностранного сотрудничества, иностранный капитал дали толчок бурному развитию Гонконга, который и продолжался следующие годы, а взаимодействие с Пекином началось только тогда, когда встал вопрос о деколонизации [3. С. 14].

В данный период в Китае происходят совершенно иные процессы. Мао Цзэдун, находящийся у власти, по итогам гражданской войны обозначил главную цель китайского общества – борьба с классами. Однако к началу 1960-х гг. политическое руководство КНР осознало, что эта самая классовая борьба теряет темпы, зреет раскол внутри КПК, начался процесс потери позиций самого Мао Цзэдуна как внутри государства, так и за его пределами. Также примечательно то, что лидера КНР критиковали и в литературе, прессе. Поэтому необходимо было предпринимать кардинальные меры. Такой мерой стала «культурная революция» – политика, инициированная Маэ Цзэдуном в 1966 г. и проводимая специальной группой по делам «культурной революции» при ЦК КПК. С помощью отрядов «хунвейбинов» (红卫兵, буквально: «красногвардейцы») захватывали образовательные учреждения, смещали с руководящих постов в Пекине политический деятелей, не поддерживающих курс Мао Цзэдуна. С 1969 г. «культурная революция» перешла в «бескровную» стадию и продолжалась до смерти Мао Цзэдуна – до 1976 г.

Впоследствии этот десятилетний период и политика «большого скачка» в экономике привели КНР к глубокому социально-экономическому кризису, а в периодической печати Китая это время обрело название «потерянное десятилетие» [5. С. 45].

Таким образом, можно увидеть, насколько значимым для Гонконга оказался период с начала XX в. по конец 1970-х гг.: его не затронули серьезные политические и социально-экономические проблемы, кризисы и смена режимов, которые практически разрушили материковый Китай. Наоборот, Гонконг встал на капиталистический путь развития и постепенно выходил на лидирующие позиции в Азии по инфраструктурному, экономическому и другим аспектам.

Так, еще на рубеже 1950-х и 1960-х гг. власти КНР осознали необходимость объединения Китая с Гонконгом, Макао и Тайванем, представляющих собой относительно развитые экономические регионы с капиталистическим укладом экономики с условием его сохранения, несмотря на различия в принципиальных вопросах устройства общества. Если проблема Гонконга и Макао заключалась в их колониальном статусе, то самостоятельность Тайваня – результат

внутренних конфликтов Китая (в 1949 г. оппозиционная партия Гоминьдан возглавила правление на о. Тайвань в результате гражданской войны), с которого Мао Цзэдун еще в 1960 г. предложил политику мирного присоединения. В этот год руководитель КНР выдвинул идею о том, что проблема Тайваня необязательно может и должна быть решена при нем. Было выдвинуто предположение о том, что его поколению необходимо создать нужные условия для присоединения Тайваня, а в будущем следующие поколения закончат этот процесс.

В сочинении «о понимании одной страны и двух систем» [9] рассказывается о разговоре Мао Цзэдуна с иностранными гостями в июне 1961 г., где он говорит о возможности Тайваня сохранить свою исходную систему в случае его возвращения Китаю. Позже, в 1963 г. Чжоу Эньлай – председатель Госсовета КНР – впервые выдвинул концепцию «Одно основное звено, четыре вспомогательных», которая, по сути, и является прообразом «Одна страна – две системы». Именно эти идеи Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая заложили основу к построению концепции «Одна страна – две системы», но уже применимую не только к Тайваню, но и к Гонконгу и Макао.

Первое и основное «звено» – возвращение Тайваня под юрисдикцию центрального правительства КНР. Оставшиеся четыре вспомогательных – это: 1) все управленческие и кадровые полномочия, оборонные полномочия остаются в ведении правительства Тайваня, кроме представления себя на международной арене; 2) правительство КНР предоставляет помощь Тайваню при необходимости в сфере финансирования экономики, управленческого аппарата и обороны; 3) реформирование политической системы Тайваня будет происходить только тогда, когда для этого сформируются необходимые условия на острове и после совместного обсуждения с главой тайваньского правительства; 4) обе стороны не совершают действия, направленные против объединения [8. С. 21].

Следующим шагом по возвращению Гонконга в состав КНР была подача меморандума по деколонизации в ООН, где китайская сторона заявляла о том, что Великобритания и Португалия оккупировали китайские территории в виде Гонконга и Макао соответственно. Также в содержании меморандума был поднят вопрос о том, что суверенитет Китая распространяется на эти регионы, что в корне отличает их от иных колоний Великобритании. Уже 8 ноября 1972 г. Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой рекомендовал исключить Гонконг и Макао из списка колониальных территорий [1. С. 11].

С приходом Дэн Сяопина к власти (1976 г.) на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в КНР была провозглашена политика открытости и воссоединения страны, призванная вывести государство из состояния кризиса и изоляции от мира. Целью реформ открытости миру и построения социализма с китайской спецификой ставилось развитие социально-экономической базы, не затрагивающей идеологические столпы китайского общества. Основной упор был сделан на развитие экономики и народного хозяйства. Следующим шагом к объединению Китая с его утраченными территориями была замена риторики в отношении Тайваня «освобождение Тайваня» на «возвращение Тайваня в объятия

Родины и реализация великого дела воссоединения» [2. С. 95]. Из этого можно сделать вывод о начале новой политики объединения страны на принципах сохранения сложившегося уклада на новых территориях. Более того, во время встречи с премьер-министром Японии в 1979 г. Дэн Сяопин отметил, что при следовании требованиям Китая ни образ жизни, ни международные отношения Тайваня, ни иностранный капитал не будут тронуты, и гражданскому обществу, сложившемуся на территории Тайваня, не будет причинен вред. Так, мы видим, как Дэн Сяопин стремится реформировать сложившуюся в КНР систему и все более продвигает и распространяет идею, которая будет названа «Одна страна – две системы» [2. С. 97].

В соответствии с провозглашенной политикой открытости и вывода страны из состояния изоляции в 1980 г. правительство КНР основывает несколько свободных экономических зон на прибрежных восточных территориях: Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу и Сямынь, число которых с течением времени увеличилось до четырнадцати. Данный проект выступал в качестве внедрения нового опыта для КНР по преодолению неразвитой социально-экономической базы страны, расширению экономического, научного и культурного взаимодействия с внешним миром, а также привлечению иностранного капиталовложения в китайскую экономику. В то же время Дэн Сяопин надеялся, что Гонконг с его развитой экономикой, хорошо управляемой муниципальной администрацией и прочными связями с западным миром сможет стать образцом для подражания для экономических и социальных преобразований на материке. Действительно, в 1980-х годах Дэн стремился построить больше «гонконгов» на материке, о которых была сказано выше. Город стал символом современности, ценимым как драгоценный камень в короне. На пике своего развития в 1993 году ВВП Гонконга (120,354 миллиарда долларов США) составлял более четверти (27,1%) ВВП материкового Китая (444,731 миллиарда долларов США) (данные Всемирного банка).

Более того, у этого нововведения были и политические цели показать всему миру и, в первую очередь, Гонконгу, Макао и Тайваню смену курса Китая на открытость мировому сообществу, территориальную открытость, заслужить доверие в международных отношениях и доказать готовность руководства КНР реализовать свои обещания стать процветающим и сильным государством не на словах, а на деле [2. С. 111].

В 1982 г. Дэн Сяопин на встрече с Маргарет Тэтчер, занимающей пост премьер-министра Великобритании, высказал намерение решить вопрос Гонконга с помощью концепции «Одна страна-две системы». После этого Дэн Сяопин сформулировал идею данной концепции и подтвердил ее принципы, которые «являются двумя системами одной страны», а «объединение страны – волеизъявление китайской нации, и это не только полезно для будущего страны, но и является серьезным достижением в пятидесятилетней истории Китая». В период переговоров о деколонизации территории Гонконга (1982-1984 гг.) в 1984 г. Дэн Сяопин в ходе официальной встречи с делегацией Джорджтаунского университета по теме Тайваня сказал: «То, каким образом предлагаем воссоединить материк

и Тайвань правильно. После объединения Тайвань останется капиталистическим, а материк – социалистическим, однако они составляют единый Китай. Одна страна – две системы. Аналогичный подход предлагаем и к Гонконгу» [2. С. 59].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что проблема изначально заключалась в принадлежности территории Гонконга. До первой опиумной войны 1841 г. он был частью Китая, однако по итогу двух опиумных войн Гонконг оказался в долгосрочной аренде Великобритании на 99 лет до 1997 г. Соответственно, возник вопрос о возвращении. Однако в Гонконге под покровительством Великобритании в течение XX века была развита капиталистическая модель общества, что противоречило социалистической модели материкового Китая. В связи с этими обстоятельствами Дэн Сяопином в начале 1980-х гг. была выдвинута концепция «Одна страна – две системы», образ которой предлагался еще Мао Цзэдуном в 1960-х гг. для возвращения Тайваня, провозгласившего собственную независимость в ходе революции. Идеи «Одной страны – двух систем» также соответствовала духу политики открытости, провозглашенной Дэн Сяопином в конце 1970 гг. Официально концепция «Одна страна – две системы» была предложена Дэн Сяопином в ходе переговоров с Маргарет Тэтчер в 1982 г. в качестве компромисса по вопросу возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Цяолун. Сянган 1997 года – история и решение. М.: Межконтинентальное изд-во Китая, 1995.
2. Дэн Сяопин. Третий том избранных произведений Дэн Сяопина. В 3 т. Ч. 3. Пекин: Народный издательский дом, 1993.
3. Куколевский А.Г. Гонконг – в системе мировых экономических связей. М.: Междунар. отношения, 1972.
4. Меликсетов А.В. и др. История Китая: учеб. / под ред. А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ: Высш. шк., 2002.
5. Никольский А.В. КНР. Краткий исторический очерк (1949-1979 гг.). М.: Издательство политической литературы, 1980.
6. Сладковский М.И. Новейшая история Китая. 1917-1927. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1983.
7. Филатова М.В. Как опиум открыл Китай всему миру: причины и последствия опиумных войн // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2020.
8. Чудодеев Ю. Китай: проблема мирного воссоединения Тайваня // Азия и Африка сегодня. 2008. № 12.
9. 毛泽东. 关于一国两制的了解 (на китайском языке) 关于一国两制的了解 - 百度文库 (baidu.com) [Мао Цзэдун. О понимании «Одна страна – две системы»].

A.N. SHARIFULLIN

Master's Degree student, IMEB
Student, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

THE REASONS FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «ONE COUNTRY – TWO SYSTEMS» IN THE HONG KONG SAR

This article examines the historical background of the emergence of the «One country – two systems» concept in the People's Republic of China and its development in relation to Hong Kong's Special Autonomous Region. It discusses the origins of this system and its relevance to Taiwan and Macau, as well as its current status in Hong Kong. The «One country – two systems» approach, which is explored in this paper through the lens of Hong Kong's experience, was originally designed not only for this autonomous region but also for Taiwan and Macau. Currently, Xi Jinping's leadership aims to unite China, and the outcome of Taiwan's potential integration into the People's Republic depends on how successful the «One Country – Two Systems» model proves to be in Hong Kong, given that it is a more active political region compared to Macau, which joined the PRC under a similar arrangement. This analysis draws on historical, regulatory, and abstract methods to explore the development of this concept and its implications for China's future. The origin of the problem has been revealed, and the chronological frame for the development of the idea has been determined: it began in the early 1960s under Mao Zedong and ended in 1982 with the official announcement by Deng Xiaoping. Ideological, cultural, economic, and social challenges that stood in the way of the unification of China and Hong Kong have been highlighted. The author concludes that the concept of «One Country – Two Systems» was proposed by Chinese leadership in order to solve the issue of territorial affiliation between Hong Kong, Taiwan, and Macau. This idea has been evolving for a long time and corresponds to the policy of openness declared by Deng Xiaoping in the late 1970s. Officially, the concept of «One Country, Two Systems» was introduced during negotiations with Margaret Thatcher in 1982 as a compromise on the return of Hong Kong to Chinese jurisdiction.

Key words: *The political course of the People's Republic of China, the Hong Kong Special Autonomous Region, the territorial affiliation of Taiwan, «One country – two systems», economic and legal aspects.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.012

УДК 327.7

А.О. ХЕН

студентка кафедры Международных отношений и таможенного дела Байкальского государственного университета (БГУ), Россия, г. Иркутск
E-mail: alexandrahyeon@bk.ru

Ю.А. ШИТИКОВА

старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Байкальского государственного университета (БГУ), Россия, г. Иркутск
E-mail: shitikovayuliya@mail.ru

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И АСЕАН В РАМКАХ ЗСТ АСЕАН- КНР НА ПРИМЕРЕ ВЬЕТНАМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современные дипломатические отношения являются сложной системой, которая состоит из огромного количества взаимодействий международных акторов друг с другом. В настоящее время показательным примером можно считать взаимодействие Китая со странами региона Юго-Восточной Азии, с которыми КНР выстраивал вековые дипломатические связи с периодическим успехом. В конечном итоге, Китай проделал долгий путь к взаимовыгодному сотрудничеству и сейчас выбрал направление в данном регионе – экономическая дипломатия. Подробно рассмотреть дипломатические взаимодействия Китая в данной сфере можно на примере отношений с одной из стран интеграционной группировки АСЕАН – Вьетнамом.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, ЗСТ, Вьетнам, сотрудничество, проблематика, перспективы.

На сегодняшний день КНР встраивает для себя довольно выгодное не только двустороннее сотрудничество со многими странами, но и содействует развитию многосторонних отношений и с интеграционными объединениями, например, с Ассоциацией Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В рамках дипломатических отношений Китайская Народная Республика (КНР) имеет достаточно тесные исторические связи с АСЕАН, в том числе и с Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ), являющейся страной буддо-конфуцианской направленности. Стоит отметить, что историческая часть взаимодействия этих стран свидетельствует в большинстве случаев о негативном опыте для Вьетнама [10].

Результатом же всех негативных воздействий Китайской Народной Республики в XX в. на страны ЮВА стало создание интеграционной группировки АСЕАН, которая задумывалась как антикоммунистический блок.

Хотя Пекин и пытался выстроить двусторонние отношения с участниками АСЕАН, но оставались неразрешенные ситуации. В частности, достаточно напряженная ситуация была в отношении Вьетнама, породившая китайско-вьетнамские конфликты с 1979 по 1991 гг. Но несмотря на различные конфликты Вьетнам все равно является одним из ведущих торгово-экономических партнеров Поднебесной среди стран АСЕАН [1].

Контуры новой политики КНР были очерчены в Юго-Восточной Азии только в 1997 г., когда Пекин создал комитет по сотрудничеству для координации взаимодействия в сфере экономики между Китаем и странами АСЕАН. Нужно отметить тот факт, что страны-участницы интеграции согласились на подобный союз из-за финансово-экономического кризиса, который в конце XX в. быстро охватил страны АСЕАН [17].

Начиная уже с 2000 г., дипломатическая повестка КНР и Вьетнама строится на экономическом взаимодействии государств через призму образования различных соглашений, входящих, на данный момент, в зону свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН-КНР, которая была предложена Пекином и создавалась на протяжении 10 лет.

Само образование зоны свободной торговли сопровождалось долгим переговорным процессом на протяжении 10 лет. Было зафиксировано, что двусторонняя торговля между государствами группировки АСЕАН и КНР демонстрировала быстрые темпы роста. По данным Главного таможенного управления Китайской Народной Республики (ГТУ КНР) и статистике АСЕАН за 2022 г., объем товарооборота с января по декабрь 2010 г. показал цифру в 292,7 млрд долл США, увеличившись по сравнению с 2009 г. на 37,5%. Китайский же импорт из стран Ассоциации увеличился до 154,5 млрд долл США и достиг в 2010 г. 44,8%, экспорт же в АСЕАН вырос до 138,22 млрд долл США [15. С. 11].

В наше время фундаментом ЗСТ АСЕАН-КНР является три торговых соглашения: 1) «соглашение о торговле товарами» 2005 г., являющееся дополнением к «программе о раннем сборе урожая»; 2) «соглашение о торговле услугами» 2008 г.; 3) «соглашение об инвестициях» 2010 г. [3].

На данный момент Поднебесная считается главным партнером АСЕАН по товарообороту, а Ассоциация занимает лидирующие позиции по торговле с КНР, опередив даже Европейский союз (ЕС). В 2022 г. торговля ЕС и КНР составила 847,3 млрд долл США, а товарооборот между АСЕАН и КНР 975,3 млрд долл США [14].

Помимо положительных аспектов партнерства по зоне свободной торговли между АСЕАН и КНР существует также и проблематика данного дипломатического сотрудничества. Некоторые исследователи затрагивают увеличение долговой зависимости стран АСЕАН, в том числе и Вьетнама и у множества стран-участниц АСЕАН, из-за участия Китая в инвестировании экономик [16].

Говоря именно о торговле с Социалистической Республикой Вьетнам, нужно отметить, что с момента образования ЗСТ объем китайского экспорта во Вьетнам только растет. На данный момент товарооборот между странами составляет 23,4 млрд долл США за один 2022 г., а китайские товары во Вьетнаме составляют примерно 30% от общего объема продукции на рынках страны [13; 14].

Если же рассмотреть перспективы сотрудничества Вьетнама с Китаем в рамках группировки АСЕАН, то дипломатические связи в проекте ЗСТ АСЕАН-КНР создают общую экономическую политику со странами-участницами. Можно предположить, что, несмотря на негативный отклик Вьетнамских специалистов, существует перспектива преимуществ для региона ЮВА через реализации соглашений по ЗСТ АСЕАН-КНР. Продолжение экономического сотрудничества поможет создать единый рынок и единую производственную базу, что значит экономическое сотрудничество стран АСЕАН и КНР может обеспечить совместное процветание в регионе [2. С. 45].

Дипломатическое сотрудничество по ЗСТ АСЕАН-КНР не ограничиваются только внешним товарооборотом между странами, но и способствует развитию инициатив по региональной интеграции в промышленном сотрудничестве [3; 14].

Кроме того, в рамках ЗСТ присутствуют трансграничные зоны экономического сотрудничества. К концу 2010 г. была построена безналоговая зона в городе Пинсян Гуанси-Чжуанского автономного района (КНР) и начала функционировать в 2011 г.

Вдобавок к экономическим достижениям и производным проблемам в сотрудничестве Вьетнама и КНР существуют территориальные возражения. Притязания стран Ассоциации в Южно-Китайском море (ЮКМ) начались после поражения Японии во Второй мировой войне и ее отказа «от всех прав, правооснований и претензий на остров Спратли и острова Парасельские» без уточнения, в пользу какого государства [3; 6]. Китай же в доказательство своих притязаний на суверенитет над островами ЮКМ использует карты династии Цин (1636-1912 гг.), где изображены острова ЮКМ. Кроме того, есть и другие доказательства в различных китайских летописях и трактатах эпохи Хань (206 г. до н.э. по 220 г. н.э.), где излагается жизнь китайцев на островах ЮКМ, описываются их географические и геоморфологические особенности, а также гидрологические и метеорологические характеристики вод [4. С. 142-150]. ЮКМ – важная точка логистических маршрутов, которая связывает Индийский и Тихий океан, где проходит около 50% мирового торгового трафика и примерно 80% транспортировок сырой нефти в Японию, Южную Корею и Тайвань [5]. Кроме того, ЮКМ обладает богатыми запасами природных ископаемых (нефть и газ), но мощностями их добычи обладает только Китай [8]. На Парасельских островах, которые являются спорной территорией Вьетнама и Китая, находятся нефтяные залежи, а на островах Спратли присутствуют не только нефтяные, но газовые месторождения, на которые претендуют уже не только СРВ и КНР, но Филиппины, Бруней и Малайзия [12. С. 42].

Говорить о ближайших направлениях полного закрытия данного конфликта не представляется возможным в современном мире, но одной из перспектив нахождения компромисса для данного спора и укрепления дипломатических отношений могло бы стать совместное сотрудничество Ассоциации и КНР на территории Южно-Китайского моря в рамках ЗСТ АСЕАН-КНР по добыче полезных ископаемых [4. С. 140].

Сейчас между странами отмечается важность вопросов изменения международного сотрудничества между участниками ЗСТ, подчеркивая, что международное сотрудничество должно учитывать местные условия и ориентироваться на реальные потребности развивающихся стран, входящих в ЗСТ АСЕАН-КНР, а отдается приоритет наращиванию потенциала посредством обмена передовым опытом и технической помощи, в том числе через механизмы под руководством АСЕАН.

В данном случае еще одной важной дипломатической повесткой для Китая во взаимодействии с Ассоциацией стал вопрос развития и перехода на цифровую экономику в регионе. Уже в 2021 г. был принят Генеральный план АСЕАН в цифровой сфере до 2025 г., суть которого заключается в сотрудничестве как между странами, входящими в Ассоциацию, так и в плане двусторонних взаимодействий с КНР [15]. Но сейчас говорить о проблематике данного вопроса еще рано, так как это достаточно новый проект для стран-участниц Ассоциации в сотрудничестве с Китаем. Можно только предположить, что в данном вопросе Пекин оставит за собой право ведущей стороны в сфере цифровизации и будет пытаться распространять свои технологии в странах ЮВА, особенно в страны с общей границей, в том числе и Вьетнама, для создания более цифровой логистики, тем самым распространяя китайское влияние на Ассоциацию.

На сегодняшний день совместная работа Китая и АСЕАН для содействия здорового развития глобальной и региональной среды, поддержания регионального мира, стабильности и спокойствия, а также обмена возможностями и опытом перед лицом серьезных вызовов в ЮВА будет способствовать достижению целей устойчивого развития на региональном и глобальном уровнях [9].

Следующая тема, охватывающая дипломатические отношения Китая и интеграционной группировки АСЕАН, заключается в продолжении сотрудничества в период концепции Четвертой промышленной революции и цифровой трансформации, включая «умное» производство и «зеленую» индустриализацию. АСЕАН и КНР начали совместное изучение строительства экономических коридоров и демонстрационных зон для международного сотрудничества в области производственных мощностей. Данный проект должен демонстрировать стратегическую соединяемость по пути Китай-Сингапур (Чунцин) с целью совместного улучшения сотрудничества и устойчивости цепей поставок в регионе ЮВА.

Хотя, необходимо признать, что со стороны АСЕАН прослеживается непропорциональная заинтересованность в вопросах взаимодействия с КНР. И, так как ЗСТ АСЕАН-КНР является первой ЗСТ для Пекина, через которую государство успешно совершает сотрудничество со странами ЮВА, в этой сфере энтузиазм

Китай вполне понятен [11. С. 330]. Правительство и предприятия КНР ищут лучшие деловые и дипломатические возможности в партнерстве со странами Юго-Восточной Азии. В свою очередь страны АСЕАН, имеющие более длительный опыт работы с ЗСТ, предвидят не только возможности соглашения, но и потенциальные проблемы взаимодействия.

Однако, можно заметить на примере Вьетнама, что стороны АСЕАН в последнее время начинают делать шаг навстречу КНР. Недавний визит в СРВ Ван И, являющегося Министром иностранных дел Китая, наглядно показывает нам возможность углубления двустороннего сотрудничества. Обе стороны обсудили такие вопросы, как укрепление торговых отношений и развитие железнодорожного сообщения. Кроме того, есть новости о том, что Китай и Вьетнам также обсудили вопросы, связанные с визитом китайских лидеров во Вьетнам. Это означает, что делегация КНР вновь сможет посетить Вьетнам впервые за шесть лет для обсуждения двустороннего экономического и инфраструктурного развития по ЗСТ АСЕАН-КНР.

Подводя итоги, стоит сказать, что в публичных заявлениях участников ЗСТ присутствуют: обязательства о постоянном содействии региональной экономической интеграции; поддержке полной и эффективной реализации Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) для углубления сотрудничества в таможенной сфере; устранение различных барьеров в торговле; углубление сотрудничества по взаимодействию санитарной и фитосанитарной обстановке; содействие упрощению процедур торговли.

Хотя для Пекина построение сотрудничества в рамках ЗСТ АСЕАН-КНР является сейчас лучшим вариантом развития дипломатической политики, так как ЗСТ АСЕАН-КНР должна развиваться, но для этого нужно находить консенсус в перечисленных выше проблемах [6]. В таком случае Пекину необходимо продолжать политику добрососедства с ЮВА, если в его планы входит устранение опасений у стран-участниц АСЕАН, которые до сих пор думают о китайской либерализации торговли как о жесткой экономической политике в регионе. Ассоциации следует в свою очередь продолжать изменять пассивное и недоверчивое отношение к КНР, найдя золотую середину в двустороннем и многостороннем сотрудничестве. Такой исход событий помог бы привлечь новые инвестиции и проекты для развития региона ЮВА, а также укрепить партнерские взаимоотношения с Китаем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абраменко А.Г.** Становление китайской теории международных отношений: обзор научного дискурса // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 2. DOI:10.17150/2587-7445.2023.7(2).221-231. EDN YMKPQR.
2. **Белых А.Г.** Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции / А.Г. Белых, А.О. Иншакова // Legal Concept. 2005. № 7.

3. **Королев А.С.** АСЕАН-Китай: соглашение о ЗСТ // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12.
4. **Линь Ч.** Сотрудничество Китая и АСЕАН: перспективы и дилеммы // Свободная мысль. 2022. № 1 (1691).
5. **Локшин Г.М.** Кодекс поведения в Южно-Китайском море (сос) – иллюзия или отвлекающий маневр? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34.
6. **Мартынова Е.С.** Глобальные трансрегиональные инициативы в современной мировой политике: эволюция внешнеполитических стратегий ведущих держав в Азии и позиция АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 2. № 2 (51).
7. **Мосяков Д.В.** Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. Москва: Институт востоковедения РАН, 2012.
8. **Саркисян Л.Ю.** Проблемы рынка труда КНР / Л.Ю. Саркисян, Т.А. Шаренкова // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 2.
9. **Сизых Е.Ю.** Экспорт прямых иностранных инвестиций из КНР: глобальные тренды и новая старая нормальность // Российско-китайские исследования. 2020. Т. 4. № 4. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(4).288-298.
10. **Ходова С.С.** История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388.
11. **Ши Ю.** Национальные интересы КНР в отношениях с АСЕАН // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2.
12. **Шляпина А.О.** Китай – страны АСЕАН: территориальные споры в Южно-Китайском море // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2 (25).
13. ASEAN statistical yearbook 2021 // ASEAN stats: офиц. сайт // <https://www.aseanstats.org/publication/asyb-2021/>.
14. ASEAN statistical yearbook 2022 // ASEAN stats: офиц. сайт // <https://www.aseanstats.org/publication/asyb2022/>.
15. ASEAN-China Free Trade Area / ed. by K.E. Flick, K.M. Kemburi. S. Rajaratnam School of International Studies. 2012.
16. Regional Cooperation in Asia / ed. by R. Hirono. Singapore: Utopia Press, 2004.
17. The Founding of ASEAN // ASEAN: офиц. сайт // <https://asean.org/the-founding-of-asean/>.

A.O. HYEON

Student of the Department of International Relations
and Customs Affairs, Baikal State University (BSU)
Irkutsk, Russia

Y.A. SHITIKOVA

Senior lecturer of the Department of Russian
and Intercultural Communication,
Baikal State University (BSU),
Irkutsk, Russia

CHINA-ASEAN DIPLOMATIC RELATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ASEAN-CHINA FTA IN VIETNAM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Modern diplomatic relations are a complex system, which consists of a huge number of interactions of international actors with each other. China's interaction with the countries of the Southeast Asian region, with which China has been building centuries-long diplomatic ties with periodic success, is an illustrative example. Ultimately, China has come a long way towards mutually beneficial co-operation and has now chosen to pursue economic diplomacy in the region. China's diplomatic interactions in this sphere can be examined in detail on the example of relations with one of the countries of the ASEAN integration grouping, it's Vietnam.

Key words: China, ASEAN, Southeast Asia, FTA, Vietnam, cooperation, problems, prospects.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.013

УДК 32

М.А. ШИТОВА

магистрант социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
<https://orcid.org/0009-0000-2536-2823>
E-mail: margomorga@gmail.com

А.В. БРЕДИХИН

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии Российской
академии наук, Россия, г. Москва
<https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>
E-mail: bredikhin90@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ФОНДОВЫХ РЫНКОВ СТРАН-УЧАСТНИЦ БРИКС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА 2022-2024 ГГ. ЧАСТЬ 2¹

Статья посвящена анализу динамики развития фондовых рынков стран-участниц БРИКС: Китая, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии, Эфиопии. Авторы приходят к выводу, что БРИКС трансформируется в наиболее успешный и эффективный глобальный проект, конкурентоспособный основным наднациональным интеграционным образованиям.

Ключевые слова: БРИКС, фондовый рынок, экономика, финансы, финансовый рынок, рынок ценных бумаг, инвестиции, акции, геополитика.

1. Китай. Фондовый рынок Китая является одним из крупнейших в мире финансовых рынков, занимая второе место в мире по капитализации. Китайский фондовый рынок представлен двумя основными биржами – Шанхайской биржей и Шэньчжэньской биржей. Но помимо них, существуют и другие более мелкие биржи, расположенные в мегаполисах Китая. Основным и самым популярным индексом считается Shanghai Composite – индекс Шанхайской биржи, в который на данный момент входит более 1500 акций различных компаний. А в фондовый индекс SZSE Component Шэньчжэньской биржи входит 500 наиболее капитализированных китайских компаний. Всего на китайском фондовом рынке более 300 различных индексов.

¹ Часть 1 статьи читайте в журнале Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 2 (55). С. 321-329.

Фондовый рынок Китая представлен различными секторами экономики, которые включают в себя 121 отрасль. Большая часть китайских компаний торгуется в секторе промышленного производства, электронных технологий, обрабатывающей промышленности и финансов, но именно последний сектор считается наиболее капитализированным.

У китайского фондового рынка существует несколько особенностей и уникальных черт. Первая – запрет на внутрисуточный торговлю, т.е. инвесторы не могут покупать и продавать ценные бумаги в один день, только на второй день после покупки. Данная мера призвана уменьшить количество спекуляций на рынке и сохранить вложения мелких инвесторов. Вторая – отсутствие буквенных тиккеров, т.е. китайские ценные бумаги торгуются по уникальным шестизначным цифровым кодам. Третья – несколько типов ценных бумаг, одни предназначены для внутренних инвесторов и котируются в юанях, а другие торгуются за рубежом для внешних инвесторов и котируются в американских долларах. Но большую часть составляет первый тип, предназначенный для внутренних инвесторов, поэтому китайский рынок незначительно подвержен влиянию иностранного капитала, но значительное влияние на него оказывает рост экономики страны.

Фондовый рынок Китая, в отличие от рынков Бразилии и Южной Африки, не является интернационализированным – экономика страны довольно сбалансирована и диверсифицирована, но наблюдается значительное преобладание компаний телекоммуникационного сектора и обрабатывающей промышленности [5. С. 81-87].

По мнению аналитиков, китайский фондовый рынок является быстрорастущим и динамично развивающимся. К тому же, он единственный среди стран БРИКС, на котором основная часть ценных бумаг принадлежит акционерным обществам, контрольный пакет акций которых принадлежит государству во всех отраслях экономики КНР [5. С. 81-87].

Но в последние несколько лет в Китае наблюдается падение фондового рынка, в особенности акций компаний интернет-технологий: Alibaba Group, JD.com, оператора онлайн-игр NetEase, оператора платформы доставки еды Meituan и др. Падение стоимости этих компаний вызывает опасения, так как на них базируется вся экономика Китая. На данный момент на фондовом рынке Китая наблюдается инвестиционный пузырь, вызванный масштабными инвестициями в строительство новой недвижимости, которая до сих пор не распродана, и в строительство объектов транспортной инфраструктуры – аэропорты и вокзалы. На рынок также повлиял рост потребительских расходов, показатели безработицы среди молодежи и негативные финансовые новости по прибылям компаний из голубых фишек. Поэтому, по мнению экспертов, экономика Китая переходит на новый этап развития – период стагнации. Но ситуацию может изменить использование юаня в международных расчетах и торговле [3. С. 155-174].

2. ЮАР. Фондовый рынок Южно-Африканской Республики представлен двумя биржами – JSE и BESA.

Йоханнесбургская биржа (JSE) была зарегистрирована в 1887 г. в качестве торговой площадки акций южноафриканских финансовых и горнодобывающих компаний. На данный момент по размеру капитализации и обороту она входит в двадцатку крупнейших мировых бирж, на ней котируется более 400 активов компаний. К тому же JSE является членом глобальной торговой ассоциации Мировой Федерации Бирж и считается крупнейшей биржей в Африке.

Помимо JSE, фондовый рынок ЮАР представлен Биржей облигаций ЮАР (BESA), зарегистрированной в 1996 г. Обе биржи дополняют деятельность друг друга, каждая отвечая за свой сектор фондового рынка.

Основная часть ценных бумаг на фондовом рынке ЮАР представлена золотодобывающими компаниями и горнорудной промышленностью. Лидирующее положение этих компаний вызвано наличием в ЮАР огромных территорий неразведанных месторождений [5. С. 81-87]. Поэтому «голубые фишки» Йоханнесбургской фондовой биржи представлены компаниями, которые занимаются добычей и переработкой полезных ископаемых, а однозначным лидером по рыночной капитализации является сырьевая отрасль. Помимо сырьевых компаний, значимое место на фондовом рынке ЮАР занимают банки, среди которых инвестиционных холдинг Naspers. В 2023 г. вследствие рекордного роста потребления электроэнергии значительный прирост показали акции компании ARHARB Holdings, которая занимается поставками и монтажными работами электросетей и коммуникаций.

Вследствие высоких показателей инфляции в Южной Африке, сокращения продаж и роста производственных расходов стоимость ценных бумаг растет, но наиболее капитализированные компании фиксируют убытки, свидетельствуя о необходимости создания новой стратегии развития экономики ЮАР, не только как сырьевого государства.

По мнению отечественных экспертов, фондовый рынок ЮАР является динамично развивающимся и выгодным для инвестирования [5. С. 81-87]. В 1996 г. биржи ЮАР внедрили использование высокотехнологичной компьютерной системы, что способствовало привлечению инвесторов из других стран. Так как более 70% капитализации фондового рынка ЮАР представлены корпоративными ценными бумагами, то наблюдается рост числа нерезидентов, большую часть которых составляют англичане.

Включение Южной Африки в БРИКС является стратегически важной задачей для экономики, в том числе фондового рынка, ЮАР. Ведь интеграция с фондовыми рынками других стран позволит JSE и BESA повысить экономические показатели и финансовый потенциал.

3. Египет. Египетская фондовая биржа состоит из двух торговых площадок – Каирской и Александрийской бирж, которые были открыты в 1903 г. и 1888 г., а в начале 1920-х гг. объединены. В XX в. из 650 компаний, которые существовали в стране, 200 были представлены на Каирской и Александрийской биржах [6. Р. 21]. В то время биржевая торговля была частью жизни египтян, но с переходом

страны к централизованной экономике начался процесс национализации компаний, чьи ценные бумаги торговались на бирже.

На данный момент фондовый рынок Египта подвержен влиянию макроэкономической обстановки. Базовый индекс Египетской биржи находится на рекордном уровне, благодаря инвестированию египтян, стремящихся застраховаться от быстро растущей инфляции и девальвации валюты. На фоне решения о вступлении Египта в состав БРИКС индекс национальной валюты EGX 30 отметил оптимизм инвесторов по поводу экономических перспектив Египта. После вступления Египта в БРИКС была введена политика, направленная на интеграцию египетского фондового рынка к международным стандартам, финансовым рынкам других стран-участниц, тем самым способствуя приватизации государственных предприятий. Также египетская фондовая биржа планирует запуск индекса шариата для исламских инструментов финансирования.

4. Иран. Фондовый рынок Ирана представлен одной торговой площадкой – Тегеранской фондовой биржей (TSE), созданной в 1967 г. А с 1995 г. она стала членом Всемирной федерации бирж. На данный момент на бирже торгуют более 300 эмитентов. Уникальная черта иранского фондового рынка заключается в широкой отраслевой диверсификации в 37 отраслей [4. С. 64-67].

С 2006 г. бедные слои населения получили возможность бесплатно или на льготных условиях получать акции приватизируемых компаний – акции справедливости. На данный момент акциями справедливости владеют более половины иранцев (около 50 млн. человек) [1].

Иранский фондовый рынок долгое время развивался под санкционным давлением со стороны запада. Первые санкции вступили в силу в 1950-е гг., начавшись с британского бойкота на иранские нефтепродукты и дойдя до запрета американским компаниям покупать иранскую нефть и отключения ЦБ Ирана от международной межбанковской системы SWIFT. Но, не смотря на это, фондовый рынок Ирана продолжает расти, благодаря внутренним инвестициям и мерам правительства по стимулированию эмитентов и граждан торговать на бирже. По мнению экспертов, иранцы массово инвестируют собственные сбережения в ценные бумаги, чтобы спастись от высокой инфляции и девальвации.

Стоит отметить, что хоть фондовый рынок Ирана зависит от экспорта нефти и санкции направлены на нефтяные компании, но и значительное падение акций наблюдается у металлургических, горнодобывающих и нефтехимических компаний. К тому же ситуацию ухудшает тот факт, что Иран является наиболее пострадавшей страной в регионе Ближнего Востока после COVID-19. В 2022 г. Иран объявил о создании международной фондовой биржи для зарубежных и отечественных акционерных компаний, но проект до сих пор не был реализован.

Вступление в БРИКС повлияло на фондовый рынок Ирана, но интеграция с рынками других стран протекает довольно медленно вследствие политических и религиозных разногласий между Ираном и другой страной-участницей – Саудовской Аравией. К тому же, они конкурируют друг с другом за нефтяные ресурсы Персидского залива.

5. Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Фондовый рынок ОАЭ представлен тремя фондовыми биржами – Dubai Financial Market (DFM), nasdaq Dubai и Abu Dhabi Securities Exchange (ADX), а также индексами DFMGI (Dubai Financial Market General Index) и MSCI United Arab Emirates Index. В 2022 г. в состав индекса DFMGI входило 35 крупнейших компаний, акции которых торгуются на Дубайской фондовой бирже [2]. Основную часть индекса занимает сектор финансов, сектор промышленности и сектор недвижимости.

Несмотря на высокую волатильность в 2022 г., индекс ОАЭ показывает лучшую доходность относительно акций развивающихся стран и мирового рынка. Основная компания, которая приносит фондовому рынку рост, является Международная холдинговая компания и ее подразделения Multiply Group и Alpha Dhabi.

После вступления в БРИКС фондовый рынок ОАЭ показывает положительную динамику, но зависимость акций от присоединения к БРИКС не наблюдается, ведь рынок остается взаимосвязанным с фондовым рынком США.

6. Саудовская Аравия. В Саудовской Аравии находится одна, но самая крупная во всем ближневосточном регионе, фондовая биржа, которая входит во второй эшелон мировых фондовых бирж. Tadawul – единственная фондовая биржа в Саудовской Аравии, она расположена в г. Эр-Рияде. Биржа была основана в 2001 г., но долгое время торговать на ней разрешалось только инвесторам из нескольких арабских стран. В настоящее время правительство постепенно снимает запреты, чтобы привлечь иностранные инвестиции. С 2019 г. Саудовская фондовая биржа была включена в индексы развивающихся рынков FTSE Russell Emerging Markets и S&P Dow Jones Emerging Market.

Несмотря на высокую капитализацию биржи, купить и продать можно только 200 акций дорогих компаний-гигантов энергетического сектора. Так как Саудовская Аравия является мировым лидером по добыче и экспорту нефти, то на фондовом рынке торгуются небольшое количество дорогих ценных бумаг компаний энергетического сектора. Но государство стремится к независимости от нефтедолларов, поэтому развивает и другие секторы экономики, такие как высокие технологии, туризм и др.

Государственная нефтекомпания Aramco является гигантом энергетического сектора, IPO-рекордсменом и лидером фондового рынка. На данный момент американский и лондонский фондовые рынки ведут переговоры с Aramco для ее присоединения к мировым биржам.

Эксперты отмечают, что фондовый рынок Саудовской Аравии показывает зависимость от вступления в БРИКС. Уже за первую неделю августа до саммита БРИКС возросло количество иностранных инвесторов, и увеличились инвестиции физических и юридических лиц. А после саммита БРИКС в августе 2023 г. крупная торговая площадка – Шанхайская фондовая биржа заключила с владельцем саудовской биржи (Saudi Tadawul Group) соглашение о сотрудничестве в финансах и создании общих биржевых фондов. На данный момент именно Китай является крупнейшим торговым партнером арабского мира, на одну

только Саудовскую Аравию приходится четверть торговли между Китаем и арабскими странами.

7. Эфиопия. Что касается Эфиопии, то на данный момент здесь нет фондового рынка. В 2023 г. Эфиопия объявила о предстоящем запуске биржи. В 2024 г. запланировано открытие Эфиопской фондовой биржи (ESX), которая станет первой биржей ценных бумаг в стране. Ожидается, что при запуске биржи на листинг выйдут более 50 компаний. Открытие ESX является инициативой правительства Эфиопии, стремящегося к укреплению финансовой инфраструктуры, диверсификации финансового сектора и привлечению как внутренних, так и внешних иностранных инвесторов, поэтому запуск биржи поможет привлечь инвестиции в частный сектор.

Таким образом, сотрудничество в рамках БРИКС позволяет предоставлять доступ к фондовым рынкам каждой страны-участницы, создавать единое экономическое поле на основе взаимовыгодных финансовых отношений, улучшая внешнюю торговлю ценными бумагами и привлекая иностранных (внешних) инвесторов. К тому же, в 2024 г. с присоединением новых участников у БРИКС возрастает количество энергоресурсов, позволяя конкурировать и превосходить западные страны, нейтрализуя санкционное влияние на фондовые рынки. Так с принятием новых стран БРИКС теперь будет контролировать более 70% мировой добычи нефти, более 60% природного газа и более 80% добычи угля, тем самым зависимость западных стран от ресурсов БРИКС будет только возрастать. Подводя итоги, стоит сказать, что сотрудничество стран-участниц БРИКС позволяет сообща развивать и интегрировать экономику каждой страны, расширяя возможности и реализовывая скрытый потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Акции справедливости» – новая социальная инициатива М. Ахмадинежада // Iran.ru // https://www.iran.ru/news/analytics/43763/Akciispravedlivosti_novaya_socialnaya_iniciativa_M_Ahmadinezhada?ysclid=ltae1f1cxs454785268.
2. Как устроена экономика Объединенных Арабских Эмиратов // FinEx // https://finexetf.ru/university/news/kak_ustroena_ekonomika_obedinennykh_arabskikh_emiratov/?sphrase_id=142544&ysclid=ltahz17xhc959866394.
3. Молчанов А.В., Смирнов Ф.А. Формирование валюты БРИКС – проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. 2024. Том 7. № 1.
4. Обухова А.Н. Фондовый рынок Ирана: возможности для иностранных портфельных инвесторов // Восточная аналитика. 2017. № 4.
5. Ткачев А.В. Современные тенденции развития отраслевой структуры фондовых рынков стран БРИКС // Финансовые исследования. 2013. № 1 (38).
6. Brindle Simon. Marketing the Market // Business Monthly. June 1993.

M.A. SHITOVA

Master's student at the Faculty of Sociology
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0000-2536-2823>

A.V. BREDIKHIN

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
Center «Russia, China, World» of the Institute of China and
Modern Asia of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

TRENDS IN STOCK MARKETS OF BRICS COUNTRIES DURING THE GLOBAL CRISIS OF 2022-2024 PART 2

The article is devoted to the analysis of the dynamics of development of stock markets of the BRICS member countries: China, South Africa, Egypt, Iran, UAE, Saudi Arabia, Ethiopia. The authors come to the conclusion that BRICS is transforming into the most successful and effective global project, competitive with the main supranational integration entities.

Key words: BRICS, stock market, economics, finance, financial market, securities market, investments, shares, geopolitics.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.014

УДК 339.543

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

А.А. СОКЛАКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры
«Внешнеэкономических связей, таможенного дела и таможенного права»,
ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной
и муниципальной службы», Россия, г. Курск
E-mail: soklackovandrei@yandex.ru

Л.А. ЧЕРНЫШЕВА

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений и государственного
управления ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Россия, г. Курск
E-mail: tscherl@rambler.ru

А.Б. УРУСОВА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Финансы и кредит»,
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия»,
Россия, г. Черкесск
E-mail: abu-77@list.ru

А.П. ФИЛИПОВА

студент кафедры международных отношений и
государственного управления ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
Россия, г. Курск
E-mail: annafilippova2017@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Введение: в работе актуализируется проблематика применения современных технологий уплаты таможенных платежей для повышения оперативности и комплексности функционирования механизма таможенного администрирования. Использование современных технологий в деятельности таможенных органов выступает ключевым

направлением повышения эффективности их функционирования. Вектор развития конъюнктурных изменений большинства бизнес-процессов направлен на автоматизацию и повышение уровня деловой активности. В этой связи эволюция таможенных органов должна происходить в фарватере общего тренда отмеченных изменений, что требует адаптации цифровых технологий в максимально большое число административных механизмов, среди которых в первую очередь стоит выделить процесс выполнения платежных обязательств участниками внешнеэкономической деятельности.

Цель и задачи: цель работы заключается в уточнении теоретико-методических аспектов использования современных технологий уплаты таможенных платежей. В рамках поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- обосновать актуальность цифровой трансформации платежных механизмов таможенного администрирования;
- выделить достоинства применения механизма единого лицевого счета для администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности;
- сгруппировать факторы и направления оптимизации интеграции современных технологий уплаты таможенных платежей.

Результаты исследования: авторским коллективом уточнены отдельные теоретико-методические аспекты применения современных технологий уплаты таможенных платежей, включающие в себе обоснование актуальности цифровой трансформации механизма платежного таможенного администрирования, конкретизацию положительных характеристик использования единого лицевого счета в качестве инструмента платежного администрирования, группировку методических, правовых и технических факторов влияния, а также выделение перспективных направлений оптимизации с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: таможенные платежи, таможенное администрирование, цифровые технологи, субъекты внешнеэкономической деятельности, платежные обязательства.

Актуальность. Использование современных технологий уплаты таможенных платежей направлено на решение широкого спектра проблем, нивелирование которых значительно повышает эффективность функционирования таможенных органов в целом. В первую очередь адаптация цифровых платформенных решений при осуществлении платежных транзакций многократно повышает оперативность выполнения платежных обязательств участниками внешнеэкономической деятельности. Кроме того, нельзя не отметить такой фактор, как прозрачностью. Достижение прозрачности движения финансовых потоков в рамках механизма осуществления таможенных платежей является актуальным направлением снижения коррупционной составляющей таможенного администрирования. Дополнительным положительным фактором применения современных технологий в рассматриваемом аспекте функционирования таможенных органов выступает оперативность и емкость мониторинга за выполнением своих платежных обязательств участниками внешнеэкономической деятельности.

Интенсивность научно-технического прогресса требует постоянного исследования лучших практик применения цифровых технологий в деятельности таможенных органов с целью оценки потенциала их внедрения в отечественную систему уплаты таможенных платежей [7. С. 6615]. Внедрение передового опыта в данном контексте на начальном этапе должно носить локальный характер, а затем, в случае достижения положительного результата, тиражироваться на всю систему таможенных органов государства. Таким образом, можно сделать однозначный вывод относительно актуальности использования современных технологий для уплаты таможенных платежей, которые обеспечивают рост эффективности, оперативности и прозрачности функционирования таможенных органов в целом и формируют фундамент для дальнейшего развития.

Основная часть. В существующих условиях функционирования коммерческих бизнес-процессов и административных механизмов ключевым трендом повышения их эффективности выступает внедрение цифровых технологий [10. С. 180]. Не исключением является и процессе исполнения платежных обязательств субъектами внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами в рамках действующего правового поля. На основе обобщения результатов анализа научного пространства в исследуемой области можно сделать следующие выводы относительно актуальности адаптации цифровых технологий для уплаты таможенных платежей:

- применение современных технологий позволяет многократно повысить скорость исполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами. Решение данной задачи служит основой для общего роста деловой активности в государстве и расширения масштабов внешнеторгового оборота;

- важным направлением использования цифровых технологий выступает уменьшение транзакционных издержек субъектов внешнеэкономической деятельности в процессе выполнения ими платежных обязательств перед таможенными органами. В данном случае применение цифровых сервисов позволяет сократить набор комиссионных расходов плательщиков при осуществлении таможенных платежей;

- максимальное упрощение организационных аспектов взаимодействия субъектов внешнеэкономической деятельности и таможенных органов в плане осуществление таможенных платежей. Минимальный объем документального оборота, который возникает при организации платежных транзакций является актуальным преимуществом использования современных технологий;

- адаптация элементов цифровых платформенных решений существенно снижает риск возникновения ошибок при оформлении платежных транзакций субъектами внешнеэкономической деятельности в пользу таможенных органов. При использовании интерактивных технологий большая часть реквизитов платежных транзакций заполняется автоматически, что способствует минимизации риска ошибок. Кроме того, в случае отражения неправильных реквизитов

или проведения ошибочной транзакции появляется оперативная возможность вернуть обратно платеж на исходящий счет;

– использование современных технологий создает комплекс объективных условий для максимальной конфиденциальности выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами. Присутствие данного факта имеет колоссальное значение для обеспечения необходимого уровня экономической безопасности хозяйствующего субъекта, что требует сокрытия для посторонних не только юридических параметров платежа, но и также объема платежных транзакций и источника перечислений. В данном аспекте применение современных инструментов шифрования позволяет сформировать объективный контур защиты информации относительно платежных транзакций субъектов внешнеэкономической деятельности.

Как отмечает В.С. Барановский применение современных технологий способствует росту качества и оперативности выполнения своих наиболее актуальных функций таможенными органами [3. С. 18]. В этой связи необходимо сделать вывод, что важнейшей функцией таможенных органов является администрирование таможенных платежей. Качественное выполнение данной функции способствует формированию доходной части бюджета Российской Федерации и обеспечению необходимого уровня национальной экономической безопасности. Основываясь на материалах научной статьи И.А. Аксенова, можно сделать вывод о том, что в современных условиях наиболее актуальным инструментом внедрения современных технологий уплаты таможенных платежей выступает использование единого лицевого счета [1. С. 5]. Основные достоинства применения механизма единого лицевого счета для администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами представлены на рисунке 1.

Еще одно важное достоинство использования механизма единого лицевого счета для администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности считает целесообразным выделить О.Ю. Бакаева [2. С. 7]. По мнению данного автора, использование единого лицевого счета создает условия для применения принципа доступного остатка. В рамках данного принципа таможенные органы, основываясь на кодах бюджетной классификации, проводят безакцептное списание денежных средств со счетов субъектов внешнеэкономической деятельности по итогам выполнения тех или иных таможенных операций. Использование возможностей принципа доступного остатка в значительной мере ускоряет процедуры администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности со стороны таможенных органов. Адаптация цифровых технологий и передового опыта в данной области способствуют росту оперативности администрирования исполнения платежных обязательств субъектами внешнеэкономической деятельности и максимизации скорости перечисления данных потоков финансовых ресурсов в бюджетную систему государства [5. С. 37].

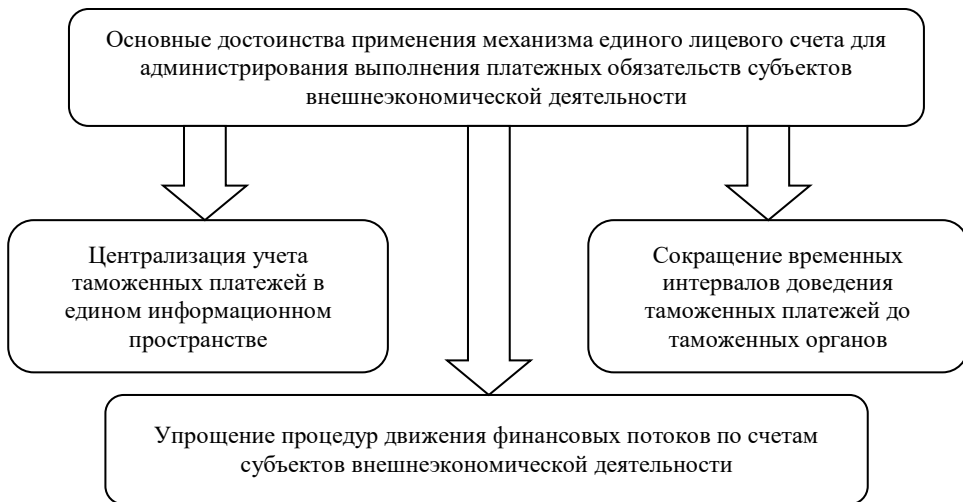

Рисунок 1. Основные достоинства применения механизма единого лицевого счета для администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности.

На рисунке 2 сгруппируем совокупность факторов, оказывающих влияние на механизм использования современных технологий уплаты таможенных платежей.

Рисунок 2. Совокупность факторов, оказывающих влияние на механизм использования современных технологий уплаты таможенных платежей

С точки зрения обеспечения необходимого уровня экономической безопасности Российской Федерации считает целесообразным рассматривать значимость применения современных технологий уплаты таможенных платежей Е.Е. Прушковская [14. С. 137]. Актуальность данного вопроса высказывается отмеченным автором в двух основных ракурсах:

- таможенные платежи служат важным источником формирования доходной части бюджета государства, а использование современных технологий создает максимально оперативные и конфиденциальные условия для поступления подобного рода транзакций в бюджетную систему РФ;

- выполнение платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности выступает следствием оказания соответствующих услуг таможенными органами, что требует создания максимально комфортных платежных условий в данной области таможенного администрирования.

Базовым вектором использования современных технологий уплаты таможенных платежей выступает применение такого инструмента как удаленная оплата. Данный вывод также находит свое подтверждение в материалах научных статей Л.И. Кулешовой [6. С. 110] и Р.П. Мешечкиной [8. С. 25]. Применение удаленной оплаты таможенных платежей нацелено в первую очередь на создание комфортных условий для субъектов внешнеэкономической деятельности при выполнении ими своих платежных обязательств. В этой связи необходимо отметить, что сущностная составляющая термина «удаленная оплата» заключается в предоставлении субъекту внешнеэкономической деятельности технических и правовых возможностей выполнить свои платежные обязательства перед таможенными органами в установленном размере и порядке на основе использования электронного терминала непосредственно со своего рабочего места. Таким образом, к числу ключевых характеристик применения современных технологий уплаты таможенных платежей можно отнести следующие обстоятельства:

- наличие легитимной установленной в действующем правовом поле возможности применения той или иной технологии для исполнения платежных обязательств субъектами внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами;

- присутствие технических возможностей как у субъектов внешнеэкономической деятельности, так и у таможенных органов для использования механизма удаленной оплаты таможенных платежей. Решение данной задачи происходит за счет постоянной модернизации технических возможностей таможенных органов в соответствии с темпами развития цифровых технологий;

- основным средством выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами выступает платежный терминал, который имеет удаленное расположение. Для большей комфортности администрирования таможенных платежей чаще всего терминал расположен на рабочем месте субъекта внешнеэкономической деятельности [12. С. 60].

Применение современных технологий уплаты таможенных платежей оказывает бесспорно положительное влияние на эффективность деятельности таможенных органов. В этой связи можно сделать однозначный вывод относительно актуальности использования современных технологий для уплаты таможенных платежей, которые обеспечивают рост эффективности, оперативности и прозрачности функционирования таможенных органов в целом и формируют фундамент для дальнейшего развития. В тоже время несмотря на положительные тенденции развития присутствуют и ряд проблемных аспектов, которые обобщены на рисунке 3.

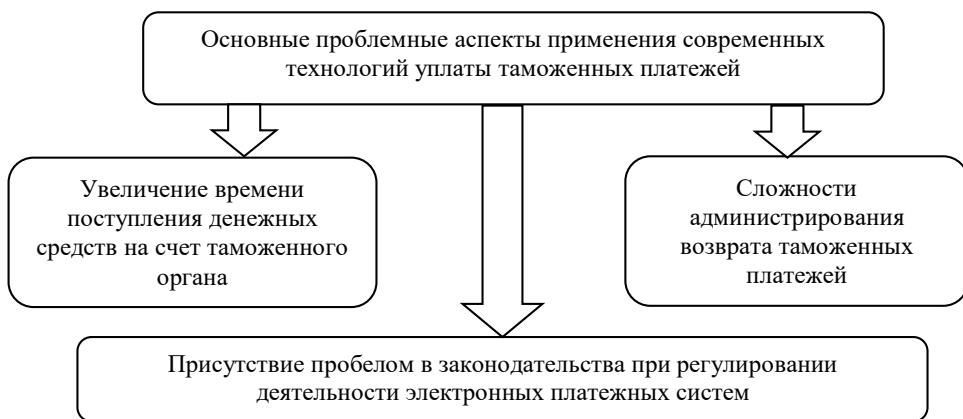

Рисунок 3. Основные проблемные аспекты применения современных технологий уплаты таможенных платежей

В целом несмотря на присутствие отмеченных проблемных аспектов применение цифровых технологий уплаты таможенных платежей способствует повышению эффективности функционирования таможенного механизма, особенно в вектора ускорения оперативности таможенного администрирования и повышения прозрачности деятельности таможенных органов. На рисунке 4 представим основные направления использования зарубежного опыта в вопросах совершенствования применения современных технологий в деятельности таможенных органов России [9. С. 1355].

Адаптация зарубежного опыта должна стать важным направлением совершенствования применения современных технологий в деятельности органов Федеральной Таможенной службы РФ. Представленные векторы внедрения зарубежного опыта способны в отдельных направлениях повысить результативность использования цифровых технологий осуществления платежей в деятельности отечественных таможенных органов.

На рисунке 5 обобщим перспективные направления совершенствования применения современных технологий уплаты таможенных платежей в деятельности таможенных органов РФ.

Рисунок 4. Основные направления использования зарубежного опыта в вопросах совершенствования применения современных технологий в деятельности таможенных органов РФ

Рисунок 5. Перспективные направления совершенствования применения современных технологий уплаты таможенных платежей

Внедрение обозначенных мероприятий в краткосрочной перспективе повысит эффективность применения современных технологий уплаты таможенных платежей в деятельности таможенных органов РФ. Актуальность данного вопроса состоит в том, что применение современных технологий позволяет многократно повысить скорость исполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами. Решение данной задачи служит основой для общего роста деловой активности в государстве и расширения масштабов внешнеторгового оборота. Использование современных технологий создает комплекс объективных условий для максимальной конфиденциальности выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности перед таможенными органами. Присутствие данного факта имеет колоссальное значение для обеспечения необходимого уровня экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующие условия организации эффективного механизма таможенного декларирования требуют глобального использования современных технологий. Базисом применения современных технологий уплаты таможенных платежей является создание электронной таможни. Определяющим вектором использования современных технологий уплаты таможенных платежей выступает применение такого инструмента как удаленная оплата. В наиболее общем виде сущность механизма удаленной оплаты заключается в предоставлении субъекту внешнеэкономической деятельности технических и правовых возможностей выполнить свои платежные обязательства перед таможенными органами в установленном размере и порядке на основе использования электронного терминала непосредственно со своего рабочего места. Существующее в стране нормативно-правовое поле создает весь необходимый законодательный фундамент для применения современных технологий уплаты таможенных платежей на легитимной основе. Кроме того, важным направлением использования цифровых платформенных решений в данной области выступает рост эффективности взаимодействия субъектов внешнеэкономической деятельности и таможенных органов. К числу ключевых достоинств применения механизма единого лицевого счета для администрирования выполнения платежных обязательств субъектов внешнеэкономической деятельности можно отнести централизацию учета таможенных платежей в едином информационном пространстве, сокращение временных интервалов доведения таможенных платежей до таможенных органов, упрощение процедур движения финансовых потоков по счетам субъектов внешнеэкономической деятельности. Интенсивность научно-технического прогресса требует постоянного исследования лучших практик применения цифровых технологий в деятельности таможенных органов. В целом применение современных технологий имеет крайне важное значение для оптимизации механизмов уплаты таможенных платежей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аксенов И.А.** Использование цифровых технологий при оказании государственных таможенных услуг // Таможенное дело. 2022. № 1.
2. **Бакаева О.Ю.** Вопросы стимулирования плательщиков таможенных платежей к соблюдению финансовой дисциплины в условиях цифровой экономики // В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции. Минск, 2020.
3. **Барановский В.С.** Развитие системы цифровых таможен в Российской Федерации / В.С. Барановский, И.П. Килина // В сборнике: Проблемы экономической безопасности и таможенного регулирования: поиск эффективных решений. 2021.
4. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1.
5. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
6. **Кулешова Л.И.** Цифровизация таможенного администрирования // В сборнике: Научные исследования и инновации. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Саратов, 2021.
7. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко, А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
8. **Мешечкина Р.П.** Цифровые технологии: результаты и перспективы использования для совершенствования таможенных процессов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 3 (82).
9. **Муратов Р.А.** Электронные таможи и центры электронного декларирования: технологии и организация управления / Р.А. Муратов, Р.А. Зверев, Н.Н. Виноградов // Экономика и предпринимательство. 2021. № 9 (134).
10. **Новосельский С.О.** Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности / С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, О.А. Грунина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49).
11. **Новосельский С.О.** Роль оценки активов в процессе обеспечения финансовой устойчивости предприятий агп / С.О. Новосельский, М. Евдокимова // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного производства. Материалы Международной научно-практической конференции. Курская ГСХА. 2014.
12. **Новосельский С.О.** Российский рынок банковского кредитования: современное состояние и перспективы развития / С.О. Новосельский, Э.Р. Шамилова,

Е.А. Ашуркова, О.М. Рождественская // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 5-6 (48).

13. **Петрушина О.В.** Кредитная политика коммерческого банка и ее формирование / О.В. Петрушина, С.А. Фатеева // В сборнике: Инновационная деятельность в модернизации АПК. Материалы Международной научно-практической конференции. 2017.
14. **Прушковская Е.Е.** Развитие таможенного контроля после выпуска товаров в условиях цифровизации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 1 (92).
15. **Рудецкая А.В.** Перспективы развития технологий удаленной уплаты таможенных платежей / А.В. Рудецкая, Е.А. Титов // В сборнике: Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения. Уфа, 2022.

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Economics, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia

A.A. SOKLAKOV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Economic Relations, Customs Affairs and Customs Law, State Autonomous Institution of Higher Education of the Kursk Region «Kursk Academy of State and Municipal Service», Kursk, Russia

L.A. CHERNYSHEVA

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of International Relations and Public Administration, Southwestern State University, Kursk, Russia

A.B. URUSOVA

Department «Finance and Credit», North Caucasus State Academy, Cherkessk, Russia

A.P. FILIPPOVA

Student of the Department of International Relations and Public Administration FSBEI HE «Southwestern State University», Kursk, Russia

MODERN TECHNOLOGIES FOR PAYMENT OF CUSTOMS PAYMENTS

Introduction: the work updates the problems of using modern technologies for paying customs duties to increase the efficiency and complexity of the functioning of the customs administration mechanism. The use of modern technologies in the activities of customs authorities is a key area for increasing the efficiency of their functioning. The vector of development of market changes in most business processes is aimed at automation and increasing the level of business activity. In this regard, the evolution of customs authorities should occur in the wake of the general trend of the noted changes, which requires the adaptation of digital technologies to the largest possible number of administrative mechanisms, among which, first of all, it is worth highlighting the process of fulfilling payment obligations by participants in foreign economic activity.

Purpose and objectives: the purpose of the work is to clarify the theoretical and methodological aspects of the use of modern technologies for paying customs duties. Within the framework of this goal, the following tasks are solved:

- justify the relevance of the digital transformation of payment mechanisms of customs administration;
- highlight the advantages of using the single personal account mechanism for administering the fulfillment of payment obligations of subjects of foreign economic activity;
- group factors and directions for optimizing the integration of modern technologies for paying customs duties.

Research results: the team of authors clarified certain theoretical and methodological aspects of the use of modern technologies for paying customs duties, including substantiation of the relevance of the digital transformation of the payment customs administration mechanism, specification of the positive characteristics of using a single personal account as a payment administration tool, grouping of methodological, legal and technical factors influence, as well as highlighting promising areas of optimization taking into account foreign experience.

Key words: customs payments, customs administration, digital technologies, subjects of foreign economic activity, payment obligations.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.015

УДК 32

Ш.С. СУЛЕЙМАНОВА

доктор политических наук,
профессор кафедры общественных связей и медиаполитики
факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС
при Президенте РФ, Россия, г. Москва
E-mail: sher2016@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В настоящей статье автор исследует вопросы, связанные с миграционной политикой России в отношении стран Центральной Азии. Отмечается необходимость уделяния особого внимания информационной составляющей при реализации миграционной политики.

Автор делает акцент и на том, что миграционные процессы не могут находиться вне политических международных рамок. В анализе государственной информационной политики в освещении миграционных процессов в первую очередь необходимо уделить внимание роли государства в управлении миграцией. В статье рассматриваются вопросы связанные и с незаконным переходом границы, а нелегальные мигранты являются потенциально криминогенной средой.

Ключевые слова: миграционная политика, Россия, страны Центральной Азии, информационная политика, политический аспект.

Глобальная миграция не может находиться вне политических международных рамок, поэтому глобальные, региональные и локальные проблемы и вызовы оказывают свое влияние на характер и масштабы миграции [2. С. 324].

Миграция, как процесс, является важным в социально-экономической истории. Многие люди находят в этом спасение от политических и других преследований, другие видят возможность избежать нищеты. Миграционный кризис, с которым столкнулся Европейский союз, вынуждает его принимать более серьезные меры и проводить реформы в миграционной политике. Однако принятые меры не должны ограничивать положительное влияние миграции, в котором заинтересованы страны Центральной Азии. Миграция вот уже долгие годы считается механизмом, который может дать толчок экономическому росту [2. С. 323].

Обратим внимание на исходный момент миграции и миграционной политики и рассмотрим организующую роль государства в миграционном процессе. Можно выделить миграцию населения добровольную и вынужденную.

Последняя происходит в силу не зависящих от мигранта обстоятельств: войны, политической нестабильности, политических репрессий, бедности, безработицы, голода и тому подобных факторов.

Если рассматривать структуру международной миграции, то нетрудно заметить тенденцию, что миграционный поток идет из бедных и беднейших стран в развитые страны, а также имеется значительный поток мигрантов из средне-развитых стран в страны с высоким уровнем экономического развития. В Россию въезжают мигранты из менее развитых стран, но в то же время из России выезжают эмигранты в более развитые страны. Иногда Россия становится промежуточным пунктом миграции, в котором мигранты зарабатывают средства на выезд в какую-либо более развитую страну, получают дополнительное образование или профессию, опыт работы. Это в полной мере касается и стран – бывших союзных республик, граждане которых мигрируют в Россию как в страну с гораздо более высоким уровнем экономического развития.

В трудовой миграции велика роль государства, которое фактически организует ее. Организующая роль государства в первую очередь проявляется в разрешении на въезд мигрантов и предоставлении права на занятие трудовой деятельностью, в определении правил пересечения границы, временного пребывания и получения различных разрешительных документов. Без этого разрешения миграции, в особенности массовой трудовой миграции, быть не может.

Незаконное пересечение границы не формирует условия для миграции, поскольку в любом случае правительство определяет статус и права незаконно прибывших на территорию государства иностранных граждан.

Миграция, связанная с попыткой незаконного перехода границы ничтожна на фоне общего миграционного потока, а пограничные службы направляют пытавшихся перейти границу в пункты пропуска для прохождения положенных процедур. Мигранты, находящиеся на территории России нелегально, первоначально въезжают на законных основаниях, но затем, по разным причинам, нарушают миграционное законодательство. Таким образом, разрешение на въезд с нашей точки зрения есть основа государственной миграционной политики и главная регулирующая мера в миграционной политике. Государство вправе в любой момент запретить или ограничить въезд иностранных граждан на свою территорию, что отразится на миграционных процессах в целом.

Необходимо отметить, что государство в своем законодательстве устанавливает правила пребывания иностранных граждан на своей территории, правила получения разрешения на длительное проживание и на трудовую деятельность, которые регулируют миграцию и определяют ее характер, в частности, определяют роль и место трудовой миграции в экономике страны. Установление этих правил носит в России плановый характер, осуществляется в рамках государственной миграционной политики и связано с общим планированием трудовых ресурсов, их развития и использования.

В миграционной политике России учитывается и культурный фактор. Наиболее желательны мигранты из стран – бывших союзных республик СССР,

поскольку они хорошо или удовлетворительно владеют русским языком, имеют представление о русской культуре и истории, бытовых нормах и правилах, и потому в наибольшей степени поддаются адаптации и интеграции, вплоть до принятия российского гражданства.

Мигранты из стран Центральной Азии вносят существенный вклад в социально-демографическое развитие России: во-первых, миграция частично сокращает дефицит трудовых ресурсов, обеспечивает рабочей силой многие отрасли экономики и регионы; во-вторых, миграция пополняет население регионов и населенных пунктов, где происходит депопуляция; в-третьих, мигранты частично компенсируют сокращение рождаемости и численности детского населения в некоторых регионах и населенных пунктах страны. В российской миграционной политике на официальном уровне не обозначаются приоритеты по приглашению мигрантов из Центральной Азии на постоянное место жительства в страну. Однако на практике мигранты из стран Центральной Азии официально рассматриваются российскими властями как временная рабочая сила [3. С. 16-20].

Таким образом, миграция, в первую очередь трудовая миграция, не является хаотическим, неуправляемым процессом. Несмотря на то, что в публикациях в СМИ, в различных аналитических докладах и других документах часто высказывалась мысль о «наплыве» и даже «засилье мигрантов», то есть о неуправляемых миграционных процессах, государство не только обладает необходимым инструментарием для управления этим процессом, но и осуществляет планомерную, целенаправленную миграционную политику. Эффективность миграционной политики может быть невысокой, но в основе своей эта политика именно планомерная.

Миграционные процессы, социально-экономические результаты миграционных процессов (здесь имеется в виду широкий круг последствий миграции), государственная миграционная политика по управлению миграцией, а также государственная информационная политика как инструмент управления миграцией представляют собой единую систему с тесно взаимосвязанными элементами. Связи между этими элементами тесные и многообразные, что изучение их чисто эмпирическими методами затруднительно, и потому приходится использовать теоретический анализ. Этот анализ проводится индуктивно, то есть от общего к частному; в данном случае от государственной миграционной политики к ее информационному обеспечению.

Государственная информационная политика в сфере миграции, представляющая собой один из инструментов управления государством поведением мигрантов, наряду с законодательным регулированием миграционных процессов, разумеется, не существует отдельно от миграционных процессов и их экономических результатов.

Отметим, что экономический результат трудовой миграции имеет, большое политическое значение и он непосредственно влияет на отношения в сфере миграции. Трудовая миграция не может рассматриваться исключительно

как средство обогащения граждан, прибывающих из отправляющей страны; она должна рассматриваться и как средство экономического развития принимающей страны. Формулировка влияет на многое в отношении к миграции и на отношения в рамках миграционных процессов.

Если трудовая миграция воспринимается как средство заработка иностранных граждан и как утечка средств из страны, то формируется негативное отношение к мигрантам и представление о трудовой миграции как о нежелательной. Таким образом, государственная миграционная политика будет неизбежно иметь ограничительный и запретительный характер, а государственная информационная политика в сфере миграции будет развита слабо, поскольку коммуникация с иностранными гражданами, отнимающими рабочие места у местного населения и вывозящими средства из страны, определено воспринимается как нежелательная и нецелесообразная.

Если же трудовая миграция воспринимается как средство экономического развития принимающей страны, то государственная миграционная политика становится более расчетливой, не допускающей излишних ограничений и стеснения трудовых мигрантов, чтобы достичь максимальной эффективности в использовании их труда. Становится актуальным и вопрос государственной информационной политики в сфере миграции и представление о ее значимости.

Необходимо отметить и то, что нелегальные мигранты являются потенциально криминогенной средой, с трудом контролируемой правоохранительными органами, потому проблемы нелегальной миграции предопределяли жесткую позицию в отношении мигрантов со стороны российских государственных органов, в частности стремление к ограничению въезда мигрантов в Россию, усиление миграционного контроля и выработку механизмов депортации мигрантов. Эта позиция остается характерной для государственных органов, регулирующих миграцию, и в настоящее время.

В этой связи отметим и то, что Правительство России утвердило план концепции миграционной политики с 2024 по 2025 год. Систему цифрового профиля планируют внедрить до конца 2024 года. Профиль должен объединить данные миграционного учета, содержащиеся в различных ведомственных системах по каждому иностранному гражданину. Для создания такой системы потребуется совместная работа МВД, ФСБ, Минэкономики, Минобрнауки и Минцифры. Разработка системы должна завершиться к 10 декабря. К этому же моменту планируется завершить тестовый сбор биометрии иностранцев в аэропортах Москвы. По мнению правительства, подобное решение позволит обеспечить достоверное подтверждение личности иностранцев, прибывающих в страну. Также с помощью системы иностранцы смогут уведомлять о намерении приехать в Россию и пользоваться «Госуслугами» (2).

Обсуждение миграционных вопросов в ключе угрозы со стороны трудовых мигрантов оказали ощутимое влияние на общественное восприятие миграции как негативного, криминогенного процесса; в особенности повлияло обилие публикаций и материалов в СМИ (печатных и электронных; контент этих разных

видов СМИ различался), о преступности в среде мигрантов, особенно из дальнего зарубежья, а также об акциях, проводимых МВД РФ против нелегальных мигрантов [1. С. 160].

Возникшие вследствие нелегального статуса мигрантов проблемы стали восприниматься в качестве серьезной угрозы национальной безопасности страны и это стало основанием для требований ужесточения контроля и ограничения миграции.

Теоретически государственная информационная политика распространяется на всех людей, находящихся, постоянно или временно, на территории государства. Иностранцы в широком смысле (в них входят как граждане иностранных государства, так и лица без гражданства, а также лица с двойным гражданством) являются структурным элементом общества, выполняющим определенные функции. Государство также должно управлять их поведением, используя для этого различные инструменты, в том числе и информационную политику.

Государственная информационная политика в отношении иностранцев является частью и структурным элементом всей государственной информационной политики, поскольку отличается своеобразием и особыми требованиями, в частности, учета языковых и культурных отличий. Этот элемент государственной информационной политики можно теоретически подразделить на государственную информационную политику в отношении иностранцев, находящихся на территории государства, и на государственную информационную политику в отношении граждан иностранных государств. Эти разновидности государственной информационной политики близки между собой, но не тождественны.

Необходимо отметить, что достижение с помощью миграции стабилизации и роста численности населения (это тоже одна из основных задач обеспечения национальной безопасности России; предотвращение ослабления страны в силу сокращения населения) все же достигается довольно высокой ценой изменения этнокультурной ситуации. Культура коренного населения (1) размывается, и в нее проникают элементы культуры мигрантских сообществ, сформировавшихся за пределами России. Соответственно было принято решение переместить трудовую иммиграцию в Россию на второстепенное место в политике развития трудовых ресурсов; строже ее регулировать в направлении адаптации и интеграции, и при первой же возможности от нее отказаться, либо свести до незначительных величин.

Законодательно-административный способ управления миграционными процессами негибкий и медленный. Миграционное законодательство, как было отмечено выше, неоднократно менялось, и по эмпирическим наблюдениям, требовалось около года, чтобы новое законодательство стало соблюдаться в полной мере. Помимо этого, законодательство, в силу положений Конституции РФ, не может охватывать все без исключения моменты миграционных процессов и не может брать на себя предписывающие функции, ущемляя таким образом права трудовых мигрантов. Законодательство формулирует, скорее, общие

рамки и условия, в которых может развиваться миграционный процесс, в частности процесс трудовой миграции.

Поскольку распространение и оборот информации оказывает значительное влияние на миграционные процессы как в целом, так и в отдельных моментах (например, миграция в определенные регионы с лучшими условиями; миграция для поиска работы в определенных секторах экономики другой страны; миграция с целью обосноваться на постоянное место жительства и т.д.), то открывается возможность с помощью информационного оборота регулировать и сами миграционные процессы. Этот способ представляется менее затратным, более быстрым и более эффективным, чем административно-законодательные методы регулирования миграционных процессов, и по этой причине он привлекает внимание государственных органов многих стран.

Миграционная политика и ее информационное обеспечение в различных сферах, в силу большой значимости этих процессов и их сильного влияния на общество и экономику, всегда являются актуальными вопросами. Однако, в этом вопросе само понятие актуальности оказывается различным у исследователей и у государственных органов, ответственных за миграционные вопросы.

Вместе с массовой трудовой миграцией стали возникать многочисленные проблемы и задачи, связанные с адаптацией и интеграцией трудовых мигрантов в российское общество, в котором они живут и работают продолжительное время. Эти проблемы также должны разрешаться государственной информационной политикой в сфере миграции.

Миграционная политика не является ни хаотической, ни неуправляемой, хотя бы потому что основные условия для нее определяются нормативно-правовыми актами. Отправным пунктом этой политики является решение о необходимости миграции, из которого следует разрешение на пересечение границ для иностранных граждан и на временное пребывание на территории страны с целью трудовой деятельности. Безусловно должен быть контроль со стороны государства за мигрантами, особенно учитывая те обстоятельства, с которыми мы столкнулись в последнее время.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Коренное население в данном случае понимается как население, предки которого в течение двух и более поколений проживали в стране или в определенном регионе.
- (2) Россия планирует внедрить цифровые профили мигрантов в 2024 году.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Витковская Г.** Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

2. **Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.** Миграционные потоки из центральной Азии в страны европейского союза // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Vol. 18. No. 2 // <http://journals.rudn.ru/internationalrelations>.
3. **Рязанцев С.В., Касымов О.К.** Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. 2021. № 2 // <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9618&ysclid=luzkk2vnir209790250><https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9618&ysclid=luzkk2vnir209790250>.

SH.S. SULEIMANOVA

Doctor of Political Sciences,

Professor of the Department of Public Relations and Media Policy

Faculty of Journalism IGSU RANEPА under the President

of the Russian Federation, Moscow, Russia

MIGRATION POLICY OF RUSSIA IN RELATION TO THE CENTRAL ASIA COUNTRIES

In this article, the author explores issues related to Russia's migration policy towards the countries of Central Asia. The need to pay special attention to the information component when implementing migration policy is noted.

The author also emphasizes that migration processes cannot be outside the political international framework. In the analysis of state information policy in covering migration processes, it is first necessary to pay attention to the role of the state in migration management. The article discusses issues related to illegal border crossing, and illegal migrants are a potentially criminogenic environment.

Key words: migration policy, Russia, Central Asian countries, information policy, political aspect.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.016

УДК 32.327

ДЖАВАД ЗЕРААТ ПЕЙМА

аспирант кафедры политологии
Института истории и политики
Московского педагогического государственного
университета, Иран, г. Тегеран

ФАРАМАРЗ ЗЕРААТ ПЕЙМА

преподаватель факультета дорожного
движения и транспорта Тегеранского
университета полиции, Иран, г. Тегеран

ИРАН И РОССИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

С 1990-х годов Иран ориентируется на восточную политику, важной частью которой являются отношения с Россией, что подтверждается в его официальных документах и текущей политике, особенно после 2006 года. Однако главная проблема в этих отношениях заключается в том, что, несмотря на восточный настрой во внешней политике Ирана в тот период, политические отношения на практике были ограничены, а в дальнейшем сократились и экономические обмены между двумя сторонами. В связи с этим огромное значение получило действие международных санкций, одобренных Советом Безопасности ООН, с участием западных и восточных стран.

В статье анализируется вопрос о том, как и в какой степени международные санкции повлияли на ухудшение отношений Ирана и России в эпоху восточной политики. Авторы пришли к выводу, что международные санкции являются значительным фактором ухудшения отношений между двумя странами, и обусловлены приверженностью России международной безопасности и правовым режимам, вытекающим из международных соглашений, а также поддержанием резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях в отношении Ирана. С одной стороны, они имеют обязательный характер, с другой стороны, они серьезно ухудшили отношения между двумя сторонами и бросили вызов восточной политике Ирана. Для исследования взаимосвязи между санкциями и отношениями двух стран, авторами используется метод корреляции переменных, а также метод качественного анализа научных данных и экспертного мнения для анализа причин присоединения России к резолюциям ООН о санкциях против Ирана.

Ключевые слова: международные санкции, Иран, Россия, экономические отношения, Совет Безопасности.

Введение. Прошло тридцать лет с момента упрочнения отношений между Ираном и Россией, и за этот период сотрудничество между двумя странами претерпело взлеты и падения на двустороннем, региональном и международном уровнях.

С 1992 года, когда была сформирована современная Россия, и до 2022 года, когда заканчивается правление двенадцатого по счету правительства, дискурс деэскалации, цивилизованного диалога, восточного подхода и конструктивного взаимодействия доминировал во внешней политике Ирана.

По мнению специалистов в России существует два основных дискурса: западной интеграции и независимости от мощных действий во внешней политике этой страны. Если проанализировать политическую стратегию Д.А. Медведева за четырехлетний срок президентства, то необходимо также упомянуть концепцию восстановления отношений с Западом [12. С. 23]. Но главная проблема в отношениях России и Ирана восходит к периоду с 2006 по 2021 год, когда, несмотря на приоритет восточного подхода во внешней политике Ирана, отношения между Тегераном и Москвой столкнулись с напряженностью и упадком. В этой связи объяснение факторов такого упадка очень важно для исследователей политики.

Концепция международных санкций непосредственно применяется к обязательным санкциям, вытекающим из резолюций, одобренных Советом Безопасности ООН в соответствии с седьмой главой Устава ООН, и включает односторонние санкции США или многосторонние санкции Европейского Союза. Вопрос санкций и его взаимосвязь с отношениями двух государств (Ирана и России) – это тема, которая обладает концептуальной способностью быть наиболее эффективной переменной среди других факторов, влияющих на взаимоотношения.

Понимание причин и процесса ухудшения отношений, выявление основной переменной в качестве ключевого фактора, позволяют спрогнозировать дальнейшую перспективу развития ирано-российских отношений.

Гипотеза исследования заключается в том, что на ухудшение отношений в большей степени влияют международные санкции, и эти санкции обусловлены приверженностью России международной безопасности и правовым режимам, с одной стороны, и характером их обязательности, с другой стороны, что значительно ухудшило отношения между двумя сторонами в ходе конфликта в период ориенталистской политики Ирана.

Хотя подчеркивание этого фактора не означает игнорирования внешней политики периода Д.А. Медведева и особенно плана «Перезагрузки» США, основное внимание уделяется фактору санкций и их роли и значению в отношениях между двумя странами.

Сфера исследования данной работы в большей степени сосредоточена на экономических отношениях, хотя не следует игнорировать и другие аспекты, которые берутся во внимание. Но с точки зрения временного отрезка, основное внимание сосредоточено на периоде международных санкций с 2006 года. После 9 марта 2006 года, когда в Совет Безопасности ООН была направлена ядерная программа Ирана, последовала череда резолюций, и Иран подвергся широкой волне новых санкций со стороны США, Европы и самого Совета Безопасности ООН. Так, из шести резолюций, одобренных Советом Безопасности ООН, пять были

приняты в рамках положений седьмой главы устава ООН и на основании одобрительного голосования всех постоянных членов. В итоге к Ирану были применены санкции в технической, финансовой, банковской и энергетической областях.

В настоящем исследовании был использован метод корреляции переменных, чтобы показать взаимосвязь между санкциями и отношениями двух стран, а также метод вторичного анализа имеющихся данных для качественного анализа причин присоединения России к санкционным резолюциям Совета Безопасности ООН.

Так, благодаря методу корреляционного анализа с двумя переменными, была изучена взаимосвязь между переменной «санкции» и переменной «отношения между двумя правительствами Ирана и России». Для анализа этих взаимосвязей использовались в основном качественные методы, а также статистические данные. Количественные и качественные данные были собраны в основном из библиотечных источников и информационных электронных ресурсов. В ходе исследования была предпринята попытка изучить концептуальные рамки санкций и их последствия для отношений между Ираном и Россией, оценить состояние отношений между государствами в различных измерениях, а также определить влияние санкций, введенных против Ирана.

Концептуальная основа. С точки зрения концепции реализма в международных отношениях фактор силы является одним из центральных требований для любой страны, и отношения между правительствами регулируются исключительно на основе силы в соответствии с их национальными интересами, а международная политика, по своей сути, есть не что иное, как политика силы, и это тоже не великие державы. Обычно власть имеет жесткие и мягкие изменения, которые можно рассматривать главным образом в политическом, военном, экономическом, культурном и нормативном аспектах. Одним из важных инструментов в области экономической власти является использование поощрения и наказания, поэтому санкции стали заметной формой наказания в международной политике с XIX века.

Одно или несколько государств используют санкции против другого как нарушителя международного права в качестве карательных инструментов экономической власти по контролю и наказанию, чтобы достичь своей национальной цели и заставить нарушителя изменить свое поведение или свергнуть свое правительство. Следовательно, речь идет о выборе инструмента, позволяющего заставить страну или целевую группу изменить ряд действий или воздержаться от определенных действий в будущем, рассчитав соотношение затрат и выгод и приняв во внимание санкции [14. С. 45].

Санкции можно разделить на два типа: классические и разумные, которые в классическом варианте обычно являются санкциями против государств. В общей форме они включают в себя экономические отношения страны, которые регулируются нормативными актами и соглашениями, и действуют в течение определенного периода времени. Специальный орган также следит за их исполнением, формируя отчет о соблюдении требований. Но разумная санкция – это,

как правило, санкция, в рамках которой вводятся конкретные наказания для оказания давления на определенные группы и предотвращения нежелательной жестокости, вызванной общими санкциями. Однако на практике данная задача была не полностью достигнута [2. С. 14].

В то же время, независимо от того, являются ли санкции классическими или разумными, степень их успеха зависит от сотрудничества и степени участия стран, вводящих санкции. В связи с этим экономические санкции делятся на три группы: односторонние, многосторонние и всеобъемлющие.

Односторонние санкции – это карательные меры, которые одна страна вводит против другой страны, исходя из своей внешней политики и безопасности. Данные санкции ввели США против Ирана и их несоблюдение ведет к уголовным и гражданско-правовым мерам [8. С. 45]. Такие санкции применяющее их государство вводит в одностороннем порядке [4. С. 12]. Такие санкции применяются после создания напряженности в отношениях между двумя странами и ведут к сокращению дипломатических, политических, коммерческих и финансовых отношений или даже их прекращению. Эффективность этого вида санкций зависит от зависимости страны, на которую распространяются санкции и от страны, их вводящей.

Односторонние санкции делятся на два типа: первичные территориальные и вторичные экстерриториальные. При односторонних территориальных санкциях страна, их вводящая, использует на своей территории экономические рычаги в соответствии со своими политическими целями, к которым, в частности, относятся сокращение или прекращение коммерческих и финансовых отношений, осуществляя давление на страну-мишень. При этом другие страны могут продолжать свои торговые и экономические отношения со страной, в отношении которой введены санкции, что снижает воздействие традиционных односторонних санкций. Но при односторонних вторичных экстерриториальных санкциях страна, их вводящая, использует свои экономические рычаги для оказания давления на другую страну с целью применения санкций против страны-объекта. Такие санкции выходят за пределы территории страны, применяющей санкции, что влечет их экстерриториальность [16. С. 906]. Экстерриториальные санкции были впервые введены США в 1990-х годах в рамках санкционных законов Хелмса-Бертон против Кубы, а также Ирана и Ливии.

Генеральная Ассамблея ООН является органом по применению многосторонних санкций посредством резолюций, которые сосредоточены на правах человека и борьбе с терроризмом и его поддержкой. Они не несут юридического бремени или обязательств для стран, однако создают для них политические издержки на международной арене. С 2006 по 2015 гг., по информации официального сайта ООН, Генеральная Ассамблея ежегодно принимала резолюции против Ирана [13. С. 24].

Международные санкции ООН применяются и Советом Безопасности. Санкция Совета Безопасности ООН является всеобъемлющей, действительна для членов ООН и имеет юридические последствия. Совет Безопасности вводит

санкции в соответствии со статьей 41 Устава ООН, которая не содержит слова «санкции», а включает фразу «действия, которые не предполагают применения военной силы» и продолжается перечнем, включающим такие важные пункты, как «прекращение экономических отношений, коммуникаций и дипломатических каналов» [1].

Таким образом, международные санкции, в отличие от первых двух категорий, являются обязательными и получают свою международную легитимность на основе Устава ООН, который предоставляет право членам Совета Безопасности вводить санкции и право вето его постоянным членам [11. С. 32].

Отношения между правительствами государств в различных областях, как правило, можно рассматривать в широком спектре, включая состояние враждебности и войны как наихудшее состояние на одном конце спектра, до единства и коалиции как наивысшего уровня отношений на другом конце спектра. Как правило большинство отношений находятся в середине этого спектра и включают в себя холодные отношения, нормальные отношения, хорошие отношения и важное сотрудничество.

Обычно отношения на двух концах спектра, то есть враждебность и союзничество, находятся в основном в области вопросов безопасности и проявляются в ситуациях в области безопасности. Общая угроза является основным фактором единства, а общий конфликт интересов является основным фактором вражды и войны. Но другие точки спектра имеют смысл в контексте экономических вопросов и основаны на конкуренции и сотрудничестве. Однако под влиянием каких компонентов возникают такие отношения – это один из важных вопросов международных отношений и внешней политики стран.

Обычно при обсуждении внешнеполитических ориентиров внимание уделяется влиянию таких факторов, как идеология, география, угрозы и экономические потребности. Но важным фактором в этом вопросе, который менее заметен, является фактор международного институционализма, и обычно государства-члены региональных или международных институтов, помимо упомянутых четырех факторов, неизбежно соблюдают международные обязательства, вытекающие из международных режимов в структуре институтов, и одним из наиболее важных из них являются международные санкции, которые, если они установлены и одобрены должным образом, создают требования, которым необходимо следовать и это вопрос, который очень важен для исследования в настоящей статье.

Влияние санкций на отношения между правительствами. Когда вопрос о санкциях утверждается обязательными институтами, это обычно затрагивает различные экономические, социальные, культурные и политические структуры. Как правило, санкции используются в целях изменения поведения правительства, его послушания, а также наказания народа страны. В некоторых случаях целью санкций является усиление экономического давления на население и, как следствие, создание беспорядков, протестов, нанесение вреда правительству и увеличение дистанции между народом и правительством. В целом, рост

инфляции, сопровождаемый повышением цен на товары, закрытием фабрик и производств и, как следствие, ростом безработицы, контролем над импортом и экспортом, ростом монополий, формированием бизнес-мафии и т.п., могут рассматриваться как последствия санкций. Но санкции оказывают ряд более важных воздействий на международные отношения правительств, которые могут косвенно влиять на национальную жизнь и внутренние условия. В этом плане международные санкции обычно более эффективны, поскольку все правительства обязаны соблюдать их в соответствии с Уставом ООН, а Генеральный секретарь ООН должен отчитываться через свой подкомитет и комитет по обзору осуществления санкций о степени соблюдения положений применимой резолюции. Доклад направляется членам Совета Безопасности ООН периодически или в определенное время. Обычно влияние этих обязательных международных санкций на внешние отношения стран варьируется в зависимости от положений санкций и различных положений седьмой главы, то есть от ограничения отношений до серьезного сокращения или даже прекращения отношений в условиях блокады.

Отношения между Ираном и Россией. После окончания войны между Ираком и Ираном подготовка к отношениям между Ираном и Россией началась в 1989 году в рамках десятилетнего соглашения о всеобъемлющем сотрудничестве между правительствами двух стран, а с 1991 года эти отношения были продолжены с новой Россией после распада Советской империи и удаления России от сухопутных границ Ирана. Создание буферной зоны, которая теперь обеспечивала общие интересы, увеличило взаимную потребность в сотрудничестве, которое продолжалось в двустороннем, региональном и международном измерениях.

Региональное сотрудничество между правительствами двух стран в установлении региональной стабильности и безопасности в Центральной Азии, Афганистане, а затем и в Сирии было одной из важнейших областей взаимодействия между Ираном и Россией. Грубо говоря, тенденция в отношениях, которая началась в 1992 году, в первый год после распада Советского Союза, с приблизительной цифры в 400 млн.дол. к 2012 году возросла примерно до трех млрд.дол. Однако в последующие годы эта цифра снизилась примерно до одного млрд.дол. и вновь начала увеличиваться с 2016 года [17].

Одной из важных сфер сотрудничества между двумя странами является область технологий, особенно военных, где Россия стала основным экспортером военных технологий и оборудования в Иран в 90-е годы. Эти отношения продолжались до принятия резолюций Совета Безопасности ООН, а с 2008 года военное сотрудничество двух стран постепенно прекратилось [18]. Кроме того, у обеих сторон было хорошее сотрудничество в гражданских технических областях, таких как производство электростанций. Отношения, которые сформировались со времен правления президента Хашеми Рафсанджани и укрепились при правительстве президента Мохаммада Хатами, и эта тенденция сохранялась в первые годы правления Махмуда Ахмадинежада. Но в 2008 году постепенно стала

нарастать напряженность между государствами, которая усилилась в последующие годы. В 2010 году это привело к изданию президентом России указа об аннулировании контракта на поставку зенитных ракетных комплексов С-300. 2009 и 2013 годы следует считать самым мрачным периодом взаимодействия между Тегераном и Москвой. Интересно то, что этот период совпадал с президентством Дмитрия Медведева.

После событий, известных как Арабская весна (1), 2010 году региональные и глобальные условия для отношений между Ираном и Россией постепенно менялись. С 2012 года в Сирии интересам обеих сторон стали серьезно угрожать радикальные течения, коалиция Турции, Саудовской Аравии и Катара, а также поддержка со стороны правительств США и Европы. В результате не было другого выбора, кроме сотрудничества Ирана и России в области безопасности, и на первом этапе – политической, технической и военной поддержки Россией присутствия Ирана в Сирии, а затем, с 2015 года, оперативного вступления России в борьбу с терроризмом в составе военного альянса США. Данное сотрудничество продолжалось более или менее до 2021 года. Таким образом, в свете мощной внешней политики России и независимой политики Ирана сотрудничество между двумя странами в международных вопросах расширилось.

С середины 1990-х годов и с началом работы в министерстве иностранных дел Е.М. Примакова (2), в условиях доминирования США и претензий на одностороннюю и однополярную международную систему Россия и Иран делали упор на многополярную и многостороннюю систему [3]. Кроме того, президент России Владимир Путин в интервью американскому репортеру в феврале 2024 года заявил, что Россия и Иран обеспокоены Вестфальской международной системой (3) в области международного права, поддержания общего суверенитета стран и предотвращения вмешательства Запада во внутригосударственные дела [15]. Противодействие расширению НАТО и западных институтов следует добавить к списку общих черт между правительствами России и Ирана в области международных вопросов. Однако эти опасения не всегда были фактором улучшения отношений между двумя странами. Также мы не можем игнорировать различия между двумя правительствами в области международных режимов, особенно в области ядерных технологий. Как партнер по глобальной стратегической стабильности, согласно стратегическим документам и стратегической согласованности с США, Россия поддерживает режим контроля за ядерными технологиями в мире, установленный такими договорами, как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и этот вопрос является одним из принципов политики. В этом плане по ядерному вопросу у России были разные позиции. С точки зрения Москвы, Запад не должен использовать режим ядерных технологий в качестве инструмента для угрозы странам, но в то же время возможно ограничение стран в рамках правил международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и самого ДНЯО [19]. В итоге в разное время Запад пытался приблизиться к иранской ядерной проблеме или отойти от нее. Таким образом,

вопрос о международных санкциях против Ирана был решен с согласия Москвы, и Россия сочла себя обязанной их ввести.

Международные санкции против Ирана. С начала революции Иран столкнулся с проблемой односторонних санкций США и многосторонних европейских санкций. Однако после утверждения международных санкций Советом Безопасности ООН он подвергся большему давлению.

4 февраля 2006 года Совет управляющих МАГАТЭ созвал экстренное заседание и принял политическую резолюцию, направив ядерную программу Ирана на рассмотрение Совета Безопасности ООН. 31 июля этот Совет одобрил резолюцию 1696, основанную на Договоре о нераспространении ядерного оружия, докладах Генерального директора МАГАТЭ, резолюциях Совета управляющих и заявлении Председателя Совета Безопасности. В этой резолюции Ирану было предложено приостановить всю ядерную деятельность, включая исследования и разработки, под контролем МАГАТЭ [20]. Ни одна страна, кроме США, не вводила торговый запрет против Ирана до 2006 года, и эти запреты не сопровождались санкциями Совета Безопасности против Ирана. Но санкции, одобренные Советом Безопасности ООН, сильно отличаются от односторонних или многосторонних санкций.

Согласно статье 25 Устава ООН, резолюции, утвержденные Советом Безопасности на основе седьмой главы Устава, являются обязательными для исполнения всеми правительствами [1]. Требуемый механизм оплаты обычно упоминается в самой резолюции или осуществляется через генерального секретаря организации и подконтрольные ему организации и доводится до сведения совета. Так, с 2006 года было одобрено шесть международных резолюций против Ирана, каждая из которых вводила санкции в порядке возрастания, включая резолюцию 1696, резолюцию 1737, резолюцию 1747, резолюцию 1803, резолюцию 1835 и резолюцию 1929 [21].

С 2006 года многие компании и частные лица стали мишенями экономических санкций США за якобы несоблюдение торговых запретов против Ирана [10]. В этот период основное внимание уделялось неправительственным организациям и основным вкладчикам в экономику Ирана. Этот поворот вызвал разницу между санкциями и запретами до 2006 года и санкциями после этого года. Санкции, введенные против Ирана, в основном охватывают экономический, военный секторы и сектор ядерных технологий, в отношении которых были нецелевые, традиционные, а также целенаправленные меры. Эти санкции снизили экономический и промышленный рост, сократили добычу и экспорт нефти и газа, ограничили иностранные инвестиции и увеличили инфляцию. Но наиболее важное влияние был оказано на экономические отношения Ирана с другими странами, и среди них большое значение имеют отношения с Россией.

Последствия международных санкций. Как уже упоминалось выше, с 2006 года, после реализации резолюций Совета Безопасности ООН о санкциях, в каждой из двух стран – Иране и России – у власти находятся правительства с различной ориентацией. Следовательно, другие переменные, такие

как характер и позиция правительств, а также тип отношений с Западом и особенно с США, могут учитываться при любой дискуссии об отношениях между Тегераном и Москвой. Таким образом, существование политиков с разным отношением к сотрудничеству с Востоком или Западом, несомненно, окажет влияние на отношения между двумя правительствами. Но действительно ли это можно использовать для нейтрализации переменной санкций? Выводы показывают, что такое утверждение не соответствует действительности. В случае второго срока правления президента Махмуда Ахмадинежада и при приоритете восточной внешней политики, отношения с Россией ухудшились, а в период правления президента Хасана Рухани, при более благоприятном подходе к отношениям с Западом, сотрудничество с ним постепенно ухудшалось. Таким образом, этот вопрос показывает, что для анализа отношений между двумя странами переменную отношения политиков и западного агента на иранской стороне следует считать менее важной.

Учитывая вариативность санкций, можно выделить три важных периода в отношениях между двумя странами:

1) Период до введения санкций, который в основном распространяется на годы после распада СССР, т.е. с 1991 по 2006 год. В течение этого периода отношения между двумя странами постепенно развивались, и, основываясь на первом десятилетнем контракте, они укрепились в политическом и экономическом плане. В период с 1993 по 1998 год продолжилось сотрудничество в области мира в Таджикистане, особенно в области политики и безопасности, в региональном измерении, а также в противостоянии движению «Талибан» в Афганистане.

2) Период санкций, который продолжается с 2006 по 2015 год. В течение этого периода, сначала с политической точки зрения, а затем в конце периода, наблюдалось серьезное ухудшение отношений.

3) Период после введения санкций, который начался в 2015 году. В течение этого периода мы вновь стали свидетелями постепенного укрепления отношений и создания правовой и институциональной инфраструктуры для продолжения и процветания сотрудничества на различных уровнях между Россией и Ираном.

Одной из важнейших целей санкций является сокращение военной мощи Ирана, и этот вопрос особенно важен, учитывая размер и размах угроз безопасности Ирана.

В годы после распада СССР с российским правительством у Ирана были в основном оборонные и военные отношения. В военной области в период санкций наиболее важное сотрудничество между этими двумя странами было связано с контрактом на С-300. В 2007 году между Ираном и Россией был подписан контракт, в рамках которого Россия обязалась поставить Ирану 5 систем С-300 [9]. Этот вопрос был отложен на три года, пока в 2010 году, после одобрения резолюции 1929 Совета Безопасности ООН, запрещающей продажу любых ракет и другого оружия, президент России Дмитрий Медведев не поставил Ирану зенитные комплексы С-300, бронетехнику, самолеты и вертолеты и не запретил военные

корабли [7]. Наконец, в 2015 году, в последние месяцы ядерных переговоров, президент Владимир Путин отменил запрет на продажу системы С-300 Ирану, заявив, что поставка системы ПВО С-300 Ирану не является нарушением санкций Совета Безопасности ООН [5]. На встрече министров обороны двух стран было объявлено, что система С-300 будет поставлена Ирану к концу 2015 года, но завершилась в ноябре 2016 года [12].

В экономической сфере с 1997 года был период постепенного расширения сотрудничества. Участие российских компаний в крупных нефтегазовых проектах Ирана показывало повышенное внимание российского капитала к иранскому рынку. В октябре 2009 года министерства нефти Ирана, Катара и глава «Газпрома» России подписали соглашение о создании Высшего газового совета или, в некотором роде, газовой ОПЕК [6]. Однако с ужесточением международных санкций против Ирана к 2011 году отношения между двумя странами ухудшились и достигли менее одного млрд.дол. в последние годы президентства Махмуда Ахмадинежада и в начале президентства Хасана Рухани.

В 2015 году с отменой санкций юридические торговые ограничения Ирана с другими странами были частично сняты, но это не означало, что системные проблемы в сфере торговли внутри Ирана были устранены. Согласно статистике за 2017 год, Иран занял 43-е место среди российских торговых бирж [21].

Анализ динамики отношений между двумя странами в эпоху санкций, и сравнение с периодами до и после санкций, показывает взаимосвязь между переменной санкций и переменной экономических отношений между двумя странами, что дает возможность рассматривать этот тип корреляции как имеющий отрицательный коэффициент. Так, с введением и усилением международных санкций в течение исследуемого периода отношения между двумя странами постепенно ухудшались, а после подписания соглашения по СВПД (4) и после принятия резолюции Совета Безопасности об отмене санкций экономические отношения между двумя странами двинулись в сторону постепенного укрепления.

Отношения между Ираном и Россией характеризуются двумя разными подходами к взаимодействию с Востоком и Западом, даже несмотря на то, что в Иране президент Махмуд Ахмадинежад проводит внешнюю политику, отличную от эпохи Мохаммада Хатами во взаимодействии с миром, и ее важной чертой является ориентализм, а Хасан Рухани придавал большое значение конструктивному взаимодействию с миром, проводя политику сбалансированных отношений, которые отличались от ориентализма предыдущего периода.

В Российской Федерации мы в большей или меньшей степени стали свидетелями того, что за четырехлетний период президентства Д.Медведева отношение к взаимодействию с Западом стало более позитивным, что также привело к одобрению резолюции о санкциях против Ирана. Но гипотеза исследования заключается в том, что переменная санкций может показать взлеты и падения отношений больше, чем любой другой фактор, и поэтому основное внимание в работе уделяется переменной санкций. Другие переменные начинают учитываться

после изучения степени и типа воздействия санкций в течение определенного периода времени.

Выводы. Результаты исследования показывают, что в связи с приоритетами внешней политики России в отношении важности поддержания международных институциональных режимов, режимов безопасности и нормативных актов, как в рамках режима нераспространения ядерного оружия, включенного в ДНЯО, так и гарантий поддержания консенсуса в МАГАТЭ и Совете Безопасности ООН, важным является поддержание отношений с Ираном в экономической и торговой областях, выходящих за рамки требований резолюций Совета Безопасности ООН.

Таким образом, продолжение отношений между Ираном и Россией в последние годы и после выхода США из СВПД при президентстве Дональда Трампа можно проанализировать с учетом логики, согласно которой санкции являются односторонними и не обязательными для этой страны. Акцент российских политиков на поддержании и удержании Ирана в этом соглашении делается для поддержания отношений между странами и предотвращения повторения ситуации периода международных санкций. Ведь в случае возвращения резолюций Совета Безопасности о санкциях против Ирана Россия будет вынуждена их выполнить и сократить отношения, несмотря на их важность для российской оборонной промышленности. В этом плане показательна отмена эмбарго на поставки оружия Ирану с ноября 2020 года и ряд соглашений об оружии и военных технологиях между Тегераном и Москвой. В годы, предшествовавшие международным санкциям, Иран был третьим военно-техническим партнером России после Китая и Индии, но из-за санкций эти отношения были прерваны, и с отменой ограничений, содержащихся в тексте СВПД в отношении военных обменов, расширение взаимодействия между двумя странами прекратилось.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Арабская весна или Первая арабская весна была серией антиправительственных протестов, восстаний и вооруженных мятежей, которые распространились на большую часть арабского мира в начале 2010-х годов. Началась в Тунисе в ответ на коррупцию и экономическую стагнацию.
- (2) Евгений Максимович Примаков был российским политиком и дипломатом, занимавшим пост премьер-министра России с 1998 по 1999 год. За свою долгую карьеру он также занимал посты министра иностранных дел, спикера Верховного Совета Советского Союза и начальника разведывательной службы.
- (3) Вестфальская система, также известная как вестфальский суверенитет, является принципом международного права, согласно которому каждое государство обладает исключительным суверенитетом над своей территорией. Этот принцип развился в Европе после Вестфальского мира 1648

года, основываясь на теории государства Жана Бодена и учении Гуго Гроция о естественном праве.

- (4) Совместный всеобъемлющий план действий, широко известный как Иранская ядерная сделка или иранское соглашение по иранской ядерной программе, достигнутое в Вене 14 июля 2015 года между Ираном и «Шестеркой+1» совместно с Европейским союзом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Устав ООН // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
2. **Cortright D., Lopes G.** Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft, New York: Rowman and Littlefield Press, 2002.
3. **Freedman R.O.** Russian-Iranian Relations in the 1990s // Meria Journal. 2000. Vol. 4 (2).
4. **Hafbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B.** Economic Sanctions Reconsidered, Washington, DC, 3rd Edition. Peterson Institute for International Economics. 2007.
5. **Katz M.N.** Assessing the Putin-Rouhani Summit. Lobe Log, 2017 // <https://lobelog.com/assessing-the-putin-rouhani-summit/>.
6. **Katz M.** Elusive as Ever: The State of Iranian-Russian Cooperation. Middle East Program. 2015 // www.wilsoncenter.org/.../elusive-ever-the-state-iranian-russian.
7. **Khajepour B.** The Role of Economic & Energy Relations with Turkey and Russia in Iran's National Strategy. Center for Strategic & International Studies, Ankara, 2012 // <http://csis.org/program/turkey-russia-iran-nexus>.
8. **Khoshzamid N.M., Veena Dubal.** Impact of U.S. Sanctions against Iran on You. Asian Law Caucus Publication, Asian Law Caucus, 2011.
9. **Kozhanov N.** Russia's Relations with Iran Dialogue without Commitments. 2012 // www.washingtoninstitute.org/policyanalysis/view/Russian.
10. **Kozhanov N.** Understanding the Revitalization of Russian-Iranian Relations. 2015 // <http://carnegieendowment.org/files>.
11. **Kurtov A.** Iran v Sovremennom Mire. Iran I problema Kaspiyain. Moscow: RISS, 2003.
12. **Lander M.** Trump Abandons Iran Pact He Long Scorned. New York Times. 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/05/08/world/middleeast/trump-iran-nucleardeal.html>.
13. **Larsson K.** United States Extraterritorial Application of Economic Sanctions and the New International Sanctions against Iran. Lund University, FACULTY OF LAW, Master thesis. 2011.
14. **Lektzian D.** Making Sanctions Smarter. Oslo: International Peace Research Institute (PRIO). 2003.
15. **Manar al-Freih/Ghossoun.** President al-Assad: Enhancing Economic Cooperation with Iran and Countries Defending Their Sovereignty to Resist Western Projects. SANA. 2018 // <https://sana.sy/en/?p=138062>.

16. **Meyer J.A.** Second Thoughts on Secondary Sanctions // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2009. Vol. 30. Issue 3.
17. **O'Connor, Edward A.** Russian-Iranian Relations: Outlook for Cooperation with the «Axis of Evil», Strategic Insights. 2005. Volume IV, Issue 8 // <https://calhoun.nps.edu/handle/10945/11178>.
18. **Parker J.** Persian Dreams: Moscow and Tehran since the fall of the Shah. University of Nebraska Press. 2011.
19. **Parker J.W.** Between Russia and Iran: Room to Pursue American Interests in Syria«. Strategic Perspectives. 2019 // <https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/inss/Strategic-Perspectives-27.pdf>.
20. **Prawdzik M.** The Iran – Russia Nexus; Development of Bilateral Relations (2012-2017). German Orient-Foundation. 2017.
21. World Economic Outlook. Washington, DC: International Monetary. 2019.

JAVAD ZERAAT PEYMA

PhD student at the Department of Political Science of Institute of history and policy of Moscow State Pedagogical University, Tehran, Iran

FARAMARZ ZERAAT PEYMA

Associate Professor at the Department of Traffic and Transportation, Tehran Police University, Tehran, Iran

IRAN AND RUSSIA: RELATIONS IN CONDICIONS OF INTERNATIONAL SANCTIONS

Since the 1990s, Iran has emphasized an eastern policy, of which relations with Russia are an important part, and this issue has been pursued more seriously in its declaration and operational policies, especially after 2006. But the main problem in these relations is that despite the oriental attitude in Iran's foreign policy during that period, political relations were limited in practice and then the economic exchanges between the two sides decreased and in this regard the effect of international sanctions, sanctions approved by the Council Security of the United Nations with the participation of Western and Eastern countries was of great importance. The question is, how and to what extent have international sanctions affected the decline of Tehran-Moscow relations in the era of Eastern politics? The main idea of this article is that «the decrease in the relations between the two countries is more affected by international sanctions and these sanctions are due to Russia's adherence to international security and normative regimes arising from international agreements and also the positive vote for the resolution the United Nations Security Council sanctions on Iran on the one hand and their binding nature on the other hand have severely reduced the relations between the two sides and have challenged Iran's eastern policy. In this article, to show the relationship between the sanctions and the relations between the two countries, the method of correlation of variables is used, and to analyze the reasons for Russia joining the United Nations sanctions resolutions against Iran, using the method of qualitative analysis of the data available in libraries, websites and also the views of we used some experts.

Key words: international sanctions, Iran, Russia, economic relations and the Security Council.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.017

УДК 32.327, 94

ОГУЗ ШАХБАЗ

аспирант Дипломатической академии МИД РФ,

Россия, г. Москва

E-mail: oguz.ilber.sahbaz@gmail.com

ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИЙ НАРРАТИВ ТУРЕЦКИХ СМИ: ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНОЙ МОЩИ РОССИИ

В статье анализируется возникновение и эволюция восприятия России как глобальной державы в турецких СМИ с 2003 по 2023 год, а также прогнозируется его актуальность в будущем. Выделяются три ключевых компонента, формирующих этот образ: антиамериканизм, подчеркивающий недовольство внешней политикой США; концепция «Евразии», подчеркивающая стратегическое значение России, связывающей Европу и Азию; и образ сильного лидера, особенно ассоциирующийся с президентом Путиным. В статье рассматриваются исторические события и политическая динамика, которые привели к возникновению антиамериканских настроений, в том числе инцидент 2003 года с задержанием турецких солдат американскими войсками. В статье также отмечается сдвиг в турецком стратегическом мышлении и подчеркивается сохраняющееся значение России в геополитических расчетах Турции.

Ключевые слова: *восприятие России, антиамериканизм в Турции, политический дискурс.*

OGUZ SAHBAZ

PhD Candidate, Diplomatic Academy
of Russian Ministry of Foreign Affairs
Moscow, Russia

TURKISH MEDIA'S EVOLVING NARRATIVE: ALIGNING WITH RUSSIA'S GLOBAL POWER

The article analyses the emergence and evolution of the perception of Russia as a global power in Turkish media from 2003 to 2023, and predicts its future relevance. It identifies three key components that shape this image: anti-Americanism, which emphasises dissatisfaction with US foreign policy; the concept of 'Eurasia', which highlights the strategic importance of Russia connecting Europe and Asia; and the image of strong leadership, particularly associated with President Putin. The article examines the historical events and political dynamics that led to anti-American sentiment, including the 2003 incident of Turkish soldiers detained by U.S. troops. Article also highlights a shift in Turkish strategic thinking and emphasises the ongoing significance of Russia in Turkey's geopolitical calculations.

Key words: *perceptions of Russia, anti-Americanism in Turkey, political discourse.*

The emergence of the image of «Russia as a global power» in Turkish media sphere between 2003 and 2023 has been significant and is expected to remain relevant in the coming years. This image was shaped by various political, diplomatic and military developments, particularly by Kemalist intellectuals. The discourse and narratives that emerged in the early 2000s have spread over time to other media with different ideological orientations. The image of «Russia as a global power» includes three main components:

1. **Anti-Americanism:** One integral aspect of this image is the presence of anti-American sentiments. These sentiments were formed and intensified under the influence of the perception of unilateral US actions, military interventions in Afghanistan and Iraq in violation of international law, as well as the «Greater Middle East Project» that envisaged regime change in Middle Eastern countries. These events, along with the «colour revolutions» in the former Soviet republics, have caused concern in Kemalist Turkish bureaucratic and intellectual circles. The prevailing view in these circles is that the unipolar world order is characterised by American dominance and interventionism, which has led to a sense of disillusionment with US foreign policy.

2. **Eurasia:** The concept of «Eurasia» has played a central role in shaping Russia's image as a global power. It emphasises the idea of Russia's key position as a link between Europe and Asia, denoting its geopolitical significance. This notion has contributed to the image of Russia as a major player in international affairs, not limited to regional interests, but reaching out to a more global arena.

3. **Strong leader – strong country:** The image of Russia as a global power is often associated with strong and charismatic leadership, which is seen as a prerequisite for the country's ascension to a global role. Russia's political leaders, particularly figures

such as V.V. Putin, project a strong and assertive image in international relations. This strong leadership is seen as a key element of Russia's resurgence on the world stage.

In light of these components, it is important to realise that Turkey's changing strategic importance after the end of the Cold War and its shift from the Western sphere to the periphery has played a significant role in shaping this image. Concerns raised by US foreign policy, the Greater Middle East project and geopolitical changes in the former Soviet republics contributed to the perception of Russia as a counterweight to the US-centric world order. This perception formed the basis for the understanding of Russia as a global power and remains an important theme in the discourse of Kemalist Turkish circles.

The pronounced anti-Americanism in Turkey's nationalist circles was particularly intensified on 4 July 2003, when a significant incident occurred. On that day, 11 members of the Turkish Special Forces who were in the Iraqi city of Sulaymaniyah were detained by American occupation troops. The treatment of the detained servicemen was the subject of outrage. In particular, the US troops put bags over the heads of the Turkish soldiers and then published photos and videos of this detention in the media.

The next day, on 5 July, headlines appeared in the Turkish print media about the incident, which caused a strong emotional reaction. The incident involving the detention of Turkish special forces and the way it was publicised in the media catalysed a surge of anti-American sentiment in Turkey's nationalist circles. This episode became a symbol of the aggravation of U.S.-Turkish relations and prompted a strengthening of the anti-American discourse in the country.

«**US raid on Turkish task force.** About 100 American soldiers raided the office of the Turkish Special Operations Group in Sulaymaniyah, confiscated 11 of our soldiers and took them to Kirkuk» [1].

«**Great tension:** 11 members of the Turkish Armed Forces arrested in Sulaymaniyah and taken to Baghdad, the government remains on the sidelines Military conflict with the US» [6].

«**Rambo crisis.** The US has detained 11 of our soldiers in northern Iraq and imprisoned them in Baghdad. The two countries are in the most serious crisis in their history» [14].

«**They drew their weapons while drinking tea.** It turned out that American soldiers entered the office saying they were here on a courtesy visit and arrested the Turkish soldiers while they were having tea» [17].

To be sure, Turkish-American relations were not a rose garden without thorns both during and after the Cold War. In the 1970s, President Nixon called Turkey a «guilty country» for the rise of drug use in the United States. He called for a ban on opium and hemp grown for medical and industrial purposes. Although this ban began in 1971, it was lifted in 1974. Following Turkey's operation in Cyprus in 1974, the U.S. imposed an arms embargo that lasted until 1980. In response, Turkey closed all U.S. bases in the country and expelled U.S. military personnel.

In the 1990s, it became clear that there were problems in Turkish-American relations, especially in the military sphere. Some of the equipment (including night-vision binoculars), helicopters, and other military vehicles Turkey needed to fight the PKK were blocked by the U.S. Congress, much to the displeasure of nationalist sections of the military bureaucracy. Turkey became the first NATO country to purchase these needs from the Russian Federation.

The invasion of Iraq and its de facto partition into three parts, as well as the creation of a Kurdish state in the north of the country, raised fears in Turkey about the dismemberment of the country. In 2001, General Tuncer Kılınç, appointed secretary-general of the National Security Council, expressed at the highest level the military and civilian elites' concerns about national security and their search for alternatives to the EU and the US:

«Turkey has not received the slightest help from the EU in any matter concerning its national interests. It is clear and obvious that the EU has a completely negative attitude towards issues affecting Turkey's interests. Therefore, it is absolutely necessary for Turkey to look for a new approach. Russia, which against all odds is trying to portray itself as close to the United States, is in great isolation. If possible, without ignoring the United States, it would be beneficial for Turkey to seek a new approach that includes Iran» [5].

The National Security Council was established after the 1980 coup d'état and until 2007 played an important role as a body to ensure that the military bureaucracy controlled the civilian government. The Council's secretaries-general were military officers until General Tuncer Kılınç, and this Council set Turkey's security agenda at monthly meetings. The statements of a general holding such an important post became a sensation in the print and visual media, even though he stated in his speech that it was his personal opinion.

On 4 December 2004, at the «Eurasian Symposium», a speech by General Sener Eryugur, Commander-in-Chief of the Gendarmerie, who resigned on 30 August of the same year, caused a great resonance in public opinion. The day before Putin's visit, General Eryugur spoke at length about the US' destructive military and civilian interventionist plans, including in Turkey [15]. Eryugur, who gave prominence to the Russian Federation in his speech, defined it not as a rival/opponent but as a power that intends to defend its spheres of influence against the US, contrary to how it has been accepted in the past. He stated that the US was behind the «colour revolutions» and that the Russian Federation was developing policies against it [16].

Especially the «new quest», led by retired military and civilian bureaucrats, was anti-American and anti-European in nature. The natural consequence of this was that the Russian Federation, China and Iran came to be seen as the new allies of a «fully independent Turkey» rather than the US and the EU who were «trying to divide it». The Kemalist elite began to use the term «Eurasia» more frequently. The newspaper Cumhuriyet's weekly supplement «Strategy», published between 2006 and 2009, created content that formed sets of anti-American discourse that became used in Kemalist, nationalist, and even Islamist circles in the following years. Materials published on the

Strategy pages of Cumhuriyet, such as commentaries, analyses and interviews, are presented under the following headings: «Turkey's Disintegration Scenarios» [21], «The US-China-Russia Equation in Eurasia» [22], «Putin's speech: the final curtain for a monopolar world» [12], «Ukraine's Election: U.S. or Russia?» [23], «Putin's Playing for Eurasian Leadership» [10], «2007: the year of tension. Russia revolts, the EU closes its doors, War escalates in the Middle East» [26], «Globalisation has besieged Turkey» [18].

The colourful revolutions, the 2008 crisis in Georgia, the reunification of Crimea with Russia in 2014 and the Special Military Operation of Russia in Ukraine in 2022 were discussed in the context of the images of «Russia's global power» and «strong leader Putin» created in Turkish public opinion. Russian President Putin was symbolised as a head of state who is hailed and admired for «standing up to the US and not making concessions to the West» while defending the interests of his country. There are two reasons for this. Firstly, the Kemalist elites in the early 2000s and the conservatives after 2016 realised that Turkey's military, economic and diplomatic potential as a participant in global power conflicts was insufficient. They prioritised their own security as a regional power. However, as discussed in the introduction to this chapter, the crisis and discord among the bureaucracy and the bourgeoisie led the conservative-Islamist elite to abandon the Kemalists altogether. After the collapse of the liberal-conservative coalition in 2016, the above-mentioned headlines became mainstream in all media outlets.

Secondly, the image of «strong leader Putin» became a mediator in defining Russia's growing regional and global influence. Moreover, it gained validity and pervasiveness, especially in the AKP media, to the extent that it contributed to the image of Erdoğan. As a result of the intensification of relations between the two countries, photographs taken during the increased contacts reinforced the «world leader» discourse used by Erdoğan in domestic politics. In conclusion, while a strong and influential USSR was perceived negatively, a strong Russian Federation and its leader Putin are seen as positive and even enviable elements as long as they do not come into conflict with Turkey. Diplomatic and military developments in Russia's natural spheres of influence are also seen as facts that Turkey should perceive as a balancing policy.

In 2014, the reunification of Crimea with Russia was portrayed within the aforementioned discourse: «Russian roulette without bullets. Crimea to unificate with Russia» [13], «First sanctions against the Kremlin. Crimea started immediately after 97% voted in favour of independence in the referendum and knocked on Moscow's door after the decision to unificate with Russia. Sanctions from the EU and the US didn't take long to come» [4], «Like the Tsar. Crimea made the decision to unificate with Russia. Putin approved it with his decree, and today he will announce it to the whole world in the Kremlin, in the triumphant Hall of the Tsars» [7], «Crimea on the verge of rupture. The Autonomous Republic of Crimea, which unilaterally declared independence from Ukraine and flies the Russian flag on its prime minister and parliament buildings, voted 96.7 per cent in favour of Russia in a referendum held at the point of Russian guns. The referendum, which seemingly should be part of the democratic order, took place under the shadow of Russian soldiers» [2].

As can be seen, the referendum, which is the most important event in the process of Crimea's accession to the Russian Federation, was presented by Turkish newspapers as an account of the event. The terms «illegal referendum» and «annexation», which have negative connotations, were not used in the first stages of the event. In the subsequent periods, although the politicians' emphasis on «annexation» appeared in the newspapers, the negative reaction shown by the US, UK and EU press did not appear in the Turkish print media. The main reason for this is that during this period, the Turkish media was mainly preoccupied with domestic political developments and focused on the March 2014 local elections. During this period, when the struggle between the Gülenists and the AKP was at its peak, the national press prioritised domestic politics and the issue of Crimea's annexation to the Russian Federation was nothing more than an action of an admired global power.

However, a similar situation is not seen in the coverage of the Special Military Operation (SMO) of Russia in Ukraine in 2022. For the first time, the SMO led to two different positions of Turkish visual and printed media in the context of commenting on the current conflict. Two main approaches were observed on covers. On the one hand, main discourses of the media were the narratives around 'occupation', 'imperialism' and 'pan-Slavism'. On the other hand, commentators, basically military experts, preferred to explain ongoing crises by understanding of «Russian intervention to Ukraine as a result of US provocation». The newspaper headlines on 25th February were as follows:

«War in Europe. Russia attacked Ukraine» [24];

«Russia is in its own backyard. The world divided into two blocks» [19];

«Putin hit Kiev» [11];

«No to war» [8];

«Putin strikes, the world watches. Europe's blackest day» [3];

«The US, EU, NATO and the UN watched. Russia started the occupation in front of the eyes of the world. The West cannot be a friend» [9].

«You succeeded with your own co-operation. Russia took its fight with the US and NATO to Ukraine. The US and the UK fuelled the fire. What happened, happened to Ukraine!» [25].

«They threw Ukraine in front of the lion and left it in the middle. For weeks, the US, the EU and NATO have supported and promised Ukraine, which has been wrestling with Russia. In the end, it was the Ukrainian people who suffered» [20].

After these first headlines, the topic of the SMO and related events was the main topic on the front pages of all newspapers until 15 March 2022. On the television channels, from 22 February until 8-10 March, as if the military clashes were taking place in Turkey, live coverage of the events from cities in Western Ukraine and Kyiv was broadcasted. These live broadcasts usually took the form of opinion programmes with three or four military experts. The entire 20:00 to 3:00 p.m. slot on news channels was devoted to the Russia's SMO. The basic point of view is that it is neither on the side of Ukraine nor on the side of Russia. The reasons for this are: a) as stated above, the commentators who influence the Turkish public opinion do not see Russia as an adversary

but as a superpower due to their ideological positions, b) they think that the Ukrainian regime is provoked as a result of anti-US and American interventionism, c) they are concerned that if Russia weakens in this crisis, Turkey will be next in line after Russia. In this context, Turkey's policy of maintaining dialogue with both sides without being a party to the conflict has gained widespread public support.

To sum up, despite initial violent reactions on the first days of SMO, Turkey's position of not abandoning either Ukraine or Russia eventually became widely recognised across all sectors of Turkish society. During the Ukrainian crisis, Erdoğan's government played a mediating role on various important issues, such as facilitating the prisoner exchange between Russia and Ukraine and the Grain Deal of global significance. This approach received broad public support. Moreover, Turkey's refusal to participate in the sanctions imposed by the US and the EU has received public approval.

This approval is not so much due to the Erdogan administration's propaganda or the anti-American sentiments of minorities such as the Motherland Party. Rather, it is due to the widespread perception of «Russia as a global power.» As noted earlier, long-standing anti-American and anti-Western sentiments deeply rooted in Kemalist military, civilian, and intellectual circles have provided a platform of support for those who make policy decisions that prioritise Turkey's national interests. Therefore, the image of «Russia as a global power» can maintain the approval of the Turkish public for the foreseeable future as long as relations between the two countries are not deeply conflicted as they were during the plane crisis.

REFERENCES:

1. «American raid on Turkish special team» // Hürriyet. 6 July 2003.
2. «Crimea declares independence for Russia» // Star. 18 March 2014.
3. «Europe's blackest day» // Karar. 25 February 2022.
4. «First sanctions on Kremlin» // Akşam. 18 March 2014.
5. Full speech of General Tuncer Kılıç from 08.03.2002 // <https://www.youtube.com/watch?v=knHLCwyvA-I>.
6. «Great tension» // Cumhuriyet. 6 July 2003.
7. «Like the Tsar» // Hürriyet. 18 March 2014.
8. «No to war» // Birgün. 25 February 2022.
9. «No friend from the West» // Diriliş Postası. 25 February 2022.
10. «Putin plays for Eurasian leadership» // Cumhuriyet Strateji. 07.05.2007.
11. «Putin hit Kiev» // Anayurt. 25 February 2022.
12. «Putin's Exit: The Last Act in the Unipole» // Cumhuriyet Strateji. 26.02.2007.
13. «Russian roulette without bullets» // Radikal. 18 March 2014.
14. «Rambo crisis» // Vatan. 6 July 2003.
15. Speech of General Şener Eruygur dated 04.12.2004 // <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=uRz2DTdxTuU>.
16. Speech of General Şener Eruygur dated 04.12.2004 // https://www.youtube.com/watch?v=hg_kUIGnDj8.

17. «They pulled a gun while drinking tea» // Milliyet. 8 July 2003.
18. «Turkey'ye globalisation siege» // Cumhuriyet Strateji. 06.10.2008.
19. «The world divided in two» // Cumhuriyet. 25 February 2022.
20. «They threw Ukraine in front of the lion» // Sözcü. 25 February 2022.
21. «Türkiye'yi Parçalama Senaryoları» // Cumhuriyet Strateji. 24.07.2006.
22. «The US-China-Russia Equation in Eurasia» // Cumhuriyet Strateji. 02.10.2006.
23. «Ukraine's choice: USA or Russia?» // Cumhuriyet Strateji. 16.04.2007.
24. «War in Europe» // Yeni Safak. 24 February 2022.
25. «You succeeded with your cooperation» // Akşam. 25 February 2022.
26. «2007, the year of tensions» // Cumhuriyet Strateji. 31.12.2007.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.018

УДК 32

М.В. БЫЧКОВ

аспирант Дипломатической академии

МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: mihail.bychkov@gmail.com

ЗЛОНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Глубокие фейки (дипфейки) являются новой цифровой технологией создания медиа-контента путем наложения изображения одного лица на визуальный контент (фото, видео) другого лица. Алгоритмы работы этой технологии основываются на инновационных разработках в области искусственного интеллекта, которые находятся в поле общественной дискуссии последние несколько лет и пока что не получили должной регламентации ни на международном, ни на национальном уровне. Статья рассматривает угрозу дипфейков для политической стабильности в мире и способы борьбы с ней. Определяется, какие предпосылки на текущем этапе общественного развития существуют для того, чтобы дипфейки могли стать широкомасштабным когнитивным оружием. Рассматривается опыт стран ЕС, США, Китая, РФ по правовому регулированию дипфейков и противодействию их злонамеренному использованию. Методология работы над указанной проблемой включает в себя анализ популярных случаев использования дипфейков в политической сфере, с прогнозированием потенциальных последствий такого использования. Проанализированы перспективы масштабного роста злонамеренного использования дипфейков и предложены возможные превентивные и ответные меры. Сделан вывод о том, что глубокие фейки могут использоваться недобросовестными политическими акторами для манипулирования общественным мнением и воздействия на массы в периоды общественной нестабильности для усугубления кризисных тенденций. Предлагается разрабатывать и продолжать финансирование технологических стартапов, направленных на распознавание дипфейков, повышать осведомленность населения о возможности применения этой технологии. Комплексный подход к профилактике угроз глубоких фейков должен основываться на специальном правовом регулировании.

Ключевые слова: дипфейки, глубокие фейки, искусственный интеллект, машинное обучение, манипуляция общественным мнением, международные организации, психологическое манипулирование, когнитивное оружие.

Введение. Современный мир стал свидетелем нового явления – дипфейков (deepfakes) или, что равнозначно, глубоких фейков. Исследователи на протяжении последних 10-15 лет фиксируют рост злонамеренного использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) для создания и распространения

медиаконтента в целях манипулирования политическими процессами во всех регионах мира. Эти технологии, использующие ИИ, позволяют создавать видео, аудио и тексты, которые кажутся настоящими, но на самом деле являются поддельными, сгенерированными машинно. Злонамеренное использование дипфейков представляют серьезную угрозу для политической стабильности в мире, с чем согласны многие экспертные группы и международные организации. Растущее число исследований, как в России, так и за рубежом, посвящено этой проблеме [4; 18; 22; 23; 24].

В данной статье мы рассмотрим, как дипфейки могут воздействовать на мировую политику, какой была реакция мирового сообщества и отдельно взятых государств на угрозу злонамеренного использования дипфейков, и как различные политико-правовые образования и международные организации планируют, а также могут бороться с этой угрозой.

Понятие дипфейков, случаи злонамеренного использования. Важной характеристикой воздействия технологий ИИ на политические процессы является степень прозрачности и предсказуемости этого воздействия. Ряд исследователей верно отмечает, что злонамеренное использование искусственного интеллекта (ЗИИИ) – это реальный вызов демократическим институтам, безопасности как индивида, так и международного сообщества, социальной стабильности в мире в целом [21. С. 101]. Несмотря на то, что многие государства начали постепенно внедрять меры и законодательные рамки для регулирования технологий ИИ в целом и дипфейков, в частности [13], какого-либо консолидированного и эффективного ответа на общемировую угрозу, которую представляют дипфейки, человечество до сих пор не разработало и не представило.

В самом узком смысле слова глубокий фейк – это способ наложения цифрового изображения или видео на другое изображение, или видео так, чтобы оно казалось частью оригинала. Термин дипфейк обычно используется для обозначения видео, которое было отредактировано с помощью алгоритма, чтобы заменить человека на оригинальном видео другим человеком (обычно публичной фигурой) таким образом, чтобы видео выглядело подлинным. Один фрагмент накладывается поверх другого с поразительной точностью и очень часто различить «на глаз», где подделка, а где оригинал, становится невозможно. При этом сама программа основывается на принципах глубокого обучения (deep learning) – системы автономного машинного обучения на основе запросов от пользователей.

Опасность злонамеренного использования дипфейков подчеркивается с 2019 года (когда контент, производимый при помощи дипфейков, только начал широко распространяться), и указанная проблема признана многочисленными международными институтами, в том числе ООН [26].

Вполне очевидно, что указанная технология в основном, при условии доступности и открытости, будет использоваться рядовыми интернет-пользователями для целей развлечения, а также на более профессиональном уровне, например, для создания произведений искусства, дизайна, для выполнения

производственных задач и т.д. В 2020 году специалистами Университета Китайской Академии Наук, например, была разработана программа, использующая технологии создания дипфейков для того, чтобы превратить карандашную зарисовку портрета в детализированные и реалистичные фотографии [20]. В 2021 году китайская корпорация ByteDance, правообладатель социальной сети Tik-Tok, начало разработку сервиса, позволяющего в прямом эфире менять голос («накладывать фильтр»), делая его идентичным голосу другого человека [32] из подборки голосов, курируемой разработчиками приложения. Указанная технология, основанная на принципах работы дипфейков, активно используется пользователями социальной сети.

Отечественные разработчики также не отстают – проект Vera Voice, над которым началась работа в декабре 2019 года, также посвящен машинной имитации голосов знаменитостей [3]. Технологии глубоких фейков активно используются в рекламе (например, компания KFC активно использует в рекламе искусственно сгенерированный образ своего основателя), а также могут быть использованы в индустрии видеоигр для создания виртуального образа игрока. Правомерным и этичным это можно признать, если компания, использующая дипфейк, является правообладателем «накладываемого» образа.

Это лишь немногочисленные примеры того, насколько технологии дипфейк могут внести разнообразие и новизну в нашу жизнь, делая ее ярче, интереснее и даже проще. Однако более яркими и запоминающимися являются примеры именно злонамеренного использования дипфейков для целей дестабилизации политической и социальной ситуации в разных странах, которые появляются в современном информационно поле все чаще и чаще.

Рассмотрим ранний этап становления широкомасштабного использования дипфейков. В июне 2019 года разразился политический скандал вокруг дипфейкового порнографического видео гомосексуального характера, на котором, предположительно, присутствовал министр экономики Малайзии [15]. В 2019 г. жертвой дипфейков стала глава Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси, когда в сети появилось фейковое видео, где она якобы находится в состоянии опьянения [25]. В феврале 2020 г. дипфейки были использованы в Индии во время предвыборной гонки в Законодательное собрание Дели, когда один кандидат распространил свое видеообращение на разных языках [17]. Американская общественность была серьезно обеспокоена потенциальной возможностью использования дипфейков в ходе президентских выборов 2020 г. [34], однако широкомасштабное использование глубоких фейков в политической конкуренции происходит на фоне грядущих выборов президента 2024 года. Касаемо европейских стран, в 2022 году телефонный разговор мэра Берлина Франциске Гиффай с дипфейком мэра Киева Виталия Кличко был в центре внимания немецкой общественности [6].

Существуют и другие примеры использования злонамеренного использования данной технологии в политической жизни. Наибольший общественный резонанс вызывают дипфейки, создаваемые в период социальных потрясений.

Очевидно, что антисоциальные элементы и злоумышленники будут использовать периоды наибольшей волатильности устоявшихся социальных институтов, то есть периоды пандемий, войн, гражданских потрясений, с целью создания контента, распространение которого будет иметь следствием еще больший хаос. В качестве примера – дипфейк, показанный на взломанных региональных телеканалах 5 июня 2023 года, являлся видеоизображением президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина [5], объявляющего военное положение и всеобщую мобилизацию в связи с конфликтом на Украине.

Полагаем, излишним было бы акцентировать внимание на том, какой общественный резонанс могла бы вызвать подобная трансляция, если бы взлом произошел не на местном телеканале в Белгородской Области, а на федеральных телеканалах и радиостанциях. Очевидно, и указанные выше примеры это иллюстрируют, что в руках технически подкованных злоумышленников дипфейки могут оказаться инструментом широкомасштабного психологического воздействия на массы с непредсказуемыми и необратимыми последствиями. Сочетание технической подкованности хакерских групп и доступностью технологий глубоких фейков делает проблему ЗИИИ особенно актуальной.

Предпосылки эффективности дипфейков. Все чаще в современной политологической литературе встречается понятие «политический дипфейк» [1], «государственный дипфейк» [10] – исследователями подчеркивается публичный, политический характер последствий применения этой технологии в СМИ отдельно взятого государства.

Предпосылки и суть указанного явления анализируются как отечественными, так и зарубежными исследователями. На фоне трансформации политических процессов, их цифровизации, все большую роль начинает играть ИИ как интегральная часть общественной и политической жизни. Неоспоримый факт структурной перестройки мировой экономики, ее перевод на новую технологическую основу заложен в современную концепцию внешней политики Российской Федерации [12. С. 97]; Европейский Союз разрабатывает и утверждает на межгосударственном уровне посредством работы Еврокомиссии и Европарламента политические стратегии в отношении ИИ и этические предписания по внедрению технологий ИИ в жизнь [14]; КНР закладывает бюджетирование национальных и b2b/b2c проектов по развитию ИИ в размере 600 миллиардов долларов на период 2023 года [31]; в 2022 г. Исследовательской службой Конгресса США был опубликован отчет «Глубокие фейки и национальная безопасность», в котором выражалось опасение, что дипфейки являются потенциальной угрозой национальной безопасности и могут использоваться в целях радикализации населения, вербовки террористов или подстрекательства насилия с учетом национального контекста, подрыва демократических институтов и политической стабильности [19] – эти факты свидетельствуют о том, что ключевые акторы на международной арене осознают, что человечество находится в состоянии перехода в новую эру высоких технологий, а значит и конкуренция в этой сфере неизбежна. Бурное развитие индустрии, наряду с цифровизацией общества,

является одним из факторов, делающих технологию дипфейков особенно опасной в современном мире.

Другой важной предпосылкой для активизации злонамеренного использования дипфейков является стремительный научно-технологический прогресс [7]. Повышение производственных мощностей электронно-вычислительных машин в купе с резким увеличением количества сайтов, сервисов и разработок в области ИИ и дипфейков, является экономическим подспорьем для того, чтобы дипфейки стабильно производились и распространялись быстрее и масштабнее. Следовательно, для борьбы с ЗИИИ нужно в первую очередь развивать информационно-технологические ресурсы и контрмеры. Наряду с этим, невозможно не констатировать тот факт, что разные регионы земного шара имеют неравномерное технологическое развитие, следовательно – развивающиеся страны будут находиться в уязвимом положении перед «технологическими гигантами».

Еще одной предпосылкой для масштабного использования политических дипфейков является неразработанность международно-правового регулирования в данной области. Следует констатировать отсутствие каких-либо коллективных действий и соглашений, направленных на борьбу со злонамеренным использованием глубоких фейков на межгосударственном уровне.

В целом, на данном этапе политическая система любого государства, а также международные отношения в целом, подвержены воздействию ИИ и дипфейков из-за повсеместной цифровизации политических и социальных процессов, наличия, соответствующих экономических и материально-технических факторов и отсутствия универсального правового регулирования в данной области.

Возможные последствия злонамеренного использования дипфейков. Современными исследователями выделяется ряд серьезных долгосрочных последствий социально-политического, экономического, психогенного и техногенного характера, которые могут быть вызваны не только распространением политических дипфейков, но и ЗИИИ в целом:

1. Необратимая деформация информационного пространства. Доступность применения дипфейков чревата искажениями медийного поля, а также исторических фактов. Под результатом раскрытия какой-либо раскритикованной информации, или же информации, добытой в результате взлома каких-либо государственных архивов или ресурсов, может на самом деле скрываться дипфейк, который невозможно отличить от реальности из-за высокоразвитых технологий ИИ. Последствия подобных деяний в перспективе крупномасштабны – народные волнения, революции, войны, иные агрессивные действия государств могут быть результатом вредоносного использования дипфейков. Даже если технологии по распознаванию дипфейков достигнут такого же уровня развития и доступности, что и технологии их производства, одно последствие все же необратимо – невозможно будет определить, какая аудиовизуальная информация настоящая, а какая – поддельная, на глаз. Как следствие – потеря доверия населения к СМИ и иным источникам информации, политический и правовой нигилизм [10]. Подобная социальная конъюнктура может в конечном

итоге привести к стагнации в политической среде и формированию однополярного миропорядка ввиду отсутствия противодействия зловредным тенденциям в мировой политике.

2. Технологическое неравенство в мире и как следствие гегемония стран с наиболее развитой сферой информационных технологий. Отдельно взятое государство или тесный политический альянс, при условии стабильного финансирования программ по развитию дипфейков, может в конечном итоге обладать мощным информационным оружием и иметь возможность тайно оказывать информационно-психологическое воздействие на массы. Не секрет, что в рамках военно-политического альянса НАТО на протяжении последних десятилетий информационное поле воспринимается как поле битвы. Попытки руководимого США альянса утвердить и сохранить однополярность мира выливаются в разработку новых методов когнитивной войны. Технологии ИИ и, в частности, дипфейки, уже выступают как информационно-психологическое оружие и необходимо принимать меры по ограничению гонки ИИ-вооружений [8. С. 102]. Следовательно, необходима разработка комплекса мер по идентификации актов ЗИИИ, ограничению гонки информационных вооружений, иначе в долгосрочной перспективе возможно формирование миропорядка с гегемонией тех политических акторов, которые сейчас активно вкладываются в разработку информационного оружия.

3. Расцвет кибермошенничества и общественного манипулирования. Злоумышленники могут использовать технологии, находящиеся в общем доступе, для создания реалистичных профилей, «ботов», для введения в заблуждение пользователей социальных сетей, не говоря уже о возможности синтеза речи по одноминутному фрагменту разговора человека или синтеза видеоизображения личности. Существует интернет-сервис thispersondoesnotexist.com (от англ. «этого человека не существует»), который формирует по бесплатному запросу неограниченное число фотопортретов людей, которые в реальности не существуют. При помощи сервиса [midjourney](http://midjourney.com) возможно создавать альтернативные ракурсы таких фотографий, в разных обстановках. То есть в целом возможно создание профиля «несуществующего» человека. Доступность, простота и безнаказанность использования, эффективность этой технологии может заинтересовать различные асоциальные группы. Например, террористы могут прибегнуть к созданию «бессмертных» лидеров с внешностью, соответствующей ожиданиям определенной аудитории в любой точке мира [21. С. 105], не говоря уже о многочисленных рядовых мошенниках, стремящихся к легкой наживе.

4. Дестабилизация существующей системы международной информационно-психологической безопасности. Согласно позиции Е.Н. Пашенцева, международная информационно-психологическая безопасность означает состояние защищенности всей системы международных отношений от негативных информационно-психологических воздействий, связанных с различными факторами международного развития [7]. Дестабилизация данной системы может привести к достижению антисоциальными элементами своих целей

и постановку мировой общественности в такое состояние, когда ею можно легко манипулировать. Особенно данный риск повышается в условиях экономических дисбалансов и социально-политических конфликтов в современном мире. Е.Н. Пашенцев первым из российских и зарубежных исследователей поставил проблему влияния глубоких фейков на политическую стабильность в мире [21] и дальнейшая научная и практическая проработка указанной проблемы будет способствовать разработке мер противодействия ЗИИИ и повышению защищенности населения от угроз психогенного характера

Таким образом, будь то посредством создания ложных новостей, фальшивых записей звонков и даже поддельных видеозаписей выступлений политических лидеров, или же любых других фейков – дипфейки могут быть использованы для манипулирования общественным мнением и теневого влияния на политические процессы. Одним из самых серьезных вызовов, которые представляют глубокие фейки, является угроза потери доверия к политическим лидерам и государственным институтам. Если люди не могут доверять тому, что они видят и слышат, то это может привести к дестабилизации политических процессов и угрозе национальной безопасности. Глубокие фейки могут быть использованы для создания ложных представлений о политических лидерах и их позициях, что может привести к конфликтам и напряженности в обществе [2], что, в свою очередь, может привести к дестабилизации международных отношений и усугублению кризисных тенденций.

Международная реакция.

На национальном уровне. Законодательное регулирование отдельных стран, в свою очередь, направлено на ужесточение ответственности за злонамеренное использование дипфейков. Например, в январе 2023 г. в Китае вступило в силу Положение об управлении глубоким синтезом информационных услуг Интернета, которое устанавливает ответственность за создание и распространение дипфейков политического характера [29]. В отдельных штатах в США постепенно принимаются законы, предусматривающие запрет использования дипфейков порнографического и политического содержания без согласия «донора» изображения [16]. В Российской Федерации с марта 2022 года действуют более жесткие меры наказания за распространение фейков о действиях ВС РФ. Однако все эти меры имеют целью наказать злоумышленников, а не воздействовать на суть проблемы. Предполагается, что законодательное регулирование, наряду с административно-наказательными мерами для злоумышленников, создающих дипфейки, должно быть посвящено и компенсационным механизмам, позволяющим стабилизировать общество в случае серьезных потрясений из-за очередного фейкового медийного вброса. Превентивным мерам на случай серьезных общественных потрясений, вызванных повсеместной цифровизацией, отчасти посвящена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в РФ, которая утверждает принцип безопасного использования технологических достижений, что подразумевает предупреждение и минимизацию рисков возникновения негативных последствий ЗИИИ [9].

На международном уровне. Международные организации играют важную роль в борьбе с глубокими фейками. Они имеют возможность создавать стандарты и рекомендации для борьбы с этой проблемой, а также обучать людей, как распознавать поддельные материалы. Также, в определенной степени на проблему вредоносного использования дипфейков отреагировали многие государства, в том числе посредством принятия соответствующих законов (как в упомянутых выше примерах Китая, США). Возможна консолидация правового регулирования разных стран в данной области и разработка международных стандартов по борьбе с ЗИИИ и глубокими фейками. В качестве примеров ответов разных публично-правовых образований на новые вызовы, связанные с дипфейками, можно привести следующие.

В конце 2021 года на платформе Института ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР) состоялась конференция «Инновационный диалог: «дипфейки», доверие и международная безопасность», в итоговом докладе которой было отмечено возрастающее влияние дипфейков на международную безопасность и политическую стабильность. Одним из выводов, указанных в докладе, является то, что проблематика дипфейков является актуальной в контексте цифровизации. Членами конференции установлено, что дипфейки есть результат вредоносного использования синтетических медиа, с целью введения в заблуждение, обмана, манипуляции аудиторией, что может подрывать доверие к политическим институтам и создавать угрозы международной безопасности [33].

Касаемо специфического опыта ЕС в области стратегического планирования, связанного с дипфейками, в 2021 году Исследовательская служба Европарламента представила отчет «Противодействие дипфейкам в политике Европы», который подчеркивает, что злонамеренное использование дипфейков может привести к психологическим, финансовым и социальным угрозам. Среди обозначенных социальных рисков, упомянутых в отчете – манипуляции в СМИ, потеря доверия населения, ущерб для демократических институтов, манипуляции на выборах, угроза международным отношениям и национальной безопасности. Отчет рекомендует использовать технологические решения и принять соответствующее правовое регулирование на уровне ЕС и на национальном уровне отдельных стран-членов ЕС для борьбы с дипфейками [30]. В Европейском союзе были созданы координационные центры, которые занимаются распознаванием и борьбой против глубоких фейков. Они работают в тесном сотрудничестве с национальными правительствами, международными организациями и частными компаниями. Координационные центры проводят исследования и анализируют поддельные материалы, чтобы выявить их происхождение и авторов. Они также разрабатывают методы для распознавания глубоких фейков и обучают людей, как распознавать поддельные материалы. В настоящий момент проект консолидированной директивы по ИИ находится на рассмотрении Европарламента [28], однако указанный проект не посвящен регламентации конкретно использования дипфейков. Специфическое правовое регулирование, посвященное дипфейкам,

в виде отдельной директивы или регламента, в настоящий момент отсутствует в ЕС, что весьма недальновидно для союза.

Касаемо международно-правового регулирования дипфейков, к сожалению, в настоящий момент отсутствуют международные договоры в данной сфере. Однако следует отметить усилия России на данном направлении – в 2011 году Россия предложила к обсуждению проект Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности, в 2021 году – более узкий проект Конвенции ООН о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Однако, существующая система международных соглашений в области международной безопасности не предусматривает угрозу распространения дипфейков и не направлена на сдерживание враждебных действий в данной области.

Основные пути борьбы с злонамеренным использованием дипфейков.

В рамках настоящего исследования автором предлагается разработка ряда мер политико-правового характера для целей минимизации риска использования дипфейков.

Касаемо правового, законодательного аспекта, считаем, что принимаемое в правовых системах разных стран регулирование не является превентивным. Особое внимание необходимо уделить специализированным механизмам, которые были бы способны компенсировать масштабный социальный и экономический ущерб от дипфейков. Следует проводить разъяснительную, просветительскую работу с населением для целей повышения осведомленности по данной тематике, разрабатывать специализированные стратегические фонды для компенсации ущерба от дипфейков. Необходимо принимать меры, которые бы воздействовали на суть проблемы, а не на ее последствия – повышать уровень доверия населения к государству путем обеспечения прозрачности политических процессов, обеспечивать эффективность демократических механизмов. При достижении высокого уровня доверия населения к власти можно было бы минимизировать возможность подрыва доверия из-за стороннего воздействия. Вне всякого сомнения, стабилизация международной обстановки также благоприятно скажется на противодействии ЗИИИ.

Кроме того, следует прислушаться к ряду полезных частных инициатив. Руководитель отдела стратегических направлений АНО «Диалог» Тимофей Ви полагает, что одним из способов предупреждения опасности, вызванной использованием дипфейков, является маркировка созданного при помощи этой технологии контента. Подобная мера будет способствовать повышению цифровой грамотности населения, а значит, сделает аудиторию менее восприимчивой к глубоким фейкам [11].

Рядом исследователей, например, Пашенцевым Е.Н., предлагаются меры по созданию и обеспечению экспертных групп, которые разрабатывали бы систему комплексных мер по минимизации рисков от злонамеренного использования дипфейков [21. С. 105]. Таким образом, следует признать

разработку системного подхода к проблематике ЗИИИ возможной и необходимой мерой на государственном и межправительственном уровнях.

Заключение. Следует сделать вывод о том, что человечество сейчас находится на таком этапе развития, когда имеются все необходимые предпосылки для того, чтобы глубокие фейки массово стали использоваться для дестабилизации политических систем. Цифровизация разных сфер общественной и политической жизни, быстрые темпы распространения и развития ИИ-технологий и общедоступность технологий создания дипфейков, на фоне дальнейшего углубления глобального кризиса и его локальных проявлений, повышают риски общественной манипуляции и сопряженных с ней социальных катаклизмов.

Необходимо разработать комплексный, системный подход к профилактике возможных катаклизмов, которым могут поспособствовать современные цифровые технологии, на межправительственном и экспертном уровне. Повышение уровня кибербезопасности посредством разработки соответствующего ПО, распознающего дипфейки, должно, к тому же, идти в купе с повышением уровня осведомленности населения о том, на что способны рассматриваемые технологии.

Важно проработать правовой аспект обозначенной проблемы – необходима разработка комплексного правового регулирования, направленного на закрепление законодательного понятия «глубокий фейк», «дипфейк», ответственности за их злонамеренное использование, минимизации социально-опасных последствий их использования посредством закрепления правовых гарантий населению. Необходимо закрепить ЗИИИ в качестве правонарушения и проработать стратегии борьбы против ЗИИИ с позиций принципов кибербезопасности. Предполагается рациональным разработать особый механизм чрезвычайного положения на случай масштабной информационной атаки и закрепить его законодательно. В условиях политической нестабильности в мире и борьбы Российской Федерации за свой суверенитет и защиту своих интересов, закрепление подобного правового механизма является особенно актуальной задачей.

Взаимодействие на межправительственном уровне должно иметь своей целью противодействие информационной войне и принципиальный запрет на использование глубоких фейков как когнитивного оружия, направленного на массовый контроль населения.

В стратегическом плане необходима разработка надлежащего ответа дипфейкам как средству когнитивной войны. В условиях борьбы России и Китая за многополярность мирового устоя достижение этой цели становится особенно востребованным. Двустороннее сотрудничество между нашими странами в этой области имеет огромное значение для будущего всего мира. Основой для такого сотрудничества может служить существующая система взаимоотношений между Китаем и Россией как на межправительственном уровне, так и на уровне ШОС. Хорошие примеры взаимодействия экспертов разных стран демонстрирует совместный грантовый проект России и Вьетнама [27].

Наконец, следует активизировать усилия мирового сообщества по сотрудничеству в обозначенной сфере на уровне международных организаций, как универсальных, так и региональных. Обмен опытом разных государств – ключевых игроков в области цифровизации может стать подспорьем для стандартизации дипфейков на международном уровне, например, в рамках специализированных организаций ООН (UNITeS, OICT).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Виноградова Е.А.** Злонамеренное использование политических дипфейков и попытки их нейтрализации в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2023. Выпуск № 5 // <https://latamerica-journal.ru/s0044748x0025404-3-1/>. DOI: 10.31857/S0044748X002 5404-3.
2. **Ильина Е.М.** Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi. 2022. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-i-upravlenie-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-politologicheskii-rakurs-iskusstvennogo-intellekta>.
3. Компания Бекмамбетова начала «клонировать» голоса знаменитостей // РБК // <https://www.rbc.ru/business/29/10/2019/5db6dc759a79476159856e01>.
4. **Матяшова Д.О.** Место цифровых угроз в современной концепции человеческой безопасности // Власть. 2023. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-tsifrovyyh-ugroz-v-sovremennoy-kontseptsii-chelovecheskoy-bezopasnosti>.
5. На ТВ показали «обращение Путина» о военном положении в ряде областей России. Это был взлом, а ролик оказался дипфейком // Лента.ру // <https://lenta.ru/news/2023/06/05/deepfake/>.
6. Немцы высмеяли бургомистра Берлина за разговор с дипфейком Кличко // Риа Новости // <https://ria.ru/20220625/deepfake-1798068703.html?in=t>.
7. **Пашенцев Е.Н.** Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76 // <https://cyberleninka.ru/article/n/zlonamerennoe-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-novye-ugrozy-dlyamezhdunarodnoy-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti>.
8. **Смирнов А.И., Исаева Т.В.** Международная безопасность: вызовы и угрозы технологий искусственного интеллекта // Международная жизнь, август 2023.
9. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) //

- Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 11.10.2019
// <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003>.
10. **Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.** Дипфейк как феномен политической коммуникации // Вестник ЗабГУ. 2021. № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyk-kak-fenomen-politicheskoy-kommunikatsii>.
 11. Эксперт рассказал о необходимости введения механизма маркировки дипфейков // Газета.ru // <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/05/12/20418746.shtml>.
 12. **Яковенко А.В.** Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция: монография. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023.
 13. Afiq Fitri China has just implemented one of the world's strictest laws on deepfakes // Tech Monitor. January 10, 2023 // <https://techmonitor.ai/technology/emerging-technology/china-is-about-to-pass-the-worlds-most-comprehensive-law-on-deepfakes>.
 14. AI HLEG's Ethic Guidelines for Guidelines for Trustworthy AI, set up by the European Commission // <https://www.euractiv.com/wpcontent/uploads/sites/2/2018/12/AIHLEGDraftAIEthicsGuidelinespdf.pdf>.
 15. **Blakkarly J.** A gay sex tape is threatening to end the political careers of two men in Malaysia // SBS News. 2019 // <https://www.sbs.com.au/news/article/a-gay-sex-tape-is-threatening-to-end-the-political-careers-of-two-men-in-malaysia/ilgqdaqo5>.
 16. California introduces legislation to stop political and porn deepfakes // AINews // <https://www.artificialintelligence-news.com/2019/10/07/california-introduces-legislation-stop-political-porn-deepfakes/>.
 17. **Ch. Jee.** An Indian politician is using deepfake technology to win new voters // MIT Technology Review. February 19, 2020 // <https://www.technologyreview.com/2020/02/19/868173/an-indian-politician-is-using-deepfakes-to-try-and-win-voters/>.
 18. **Darya Bazarkina, Daria Matyashova, Evgeny Pashentsev, Yury Kolotaev.** Current and Potential Malicious Use of Artificial Intelligence Threats in the Psychological Domain: The Case of Japan // The Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security. 10 June 2023 // https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-22552-9_16.
 19. Deep Fakes and National Security: Report of Congressional Research Service. 2022 // <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11333>.
 20. DeepFaceDrawing: Generating Realistic Faces from Sketches // Neurohive // <https://neurohive.io/en/news/deepfacedrawing-generating-realistic-faces-from-sketches/>.
 21. **Evgeny Pashentsev.** Malicious Use of Deepfakes and Political Stability // Proceedings of the European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics ECIAIR 2020 Supported By Instituto Universitário de Lisboa (ISCTE-IUL) Portugal, 2020.

22. **Fabian Prietzel, Markus Appel.** The Detection of Political Deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication 27(4), April 2022 // https://www.researchgate.net/publication/360113408_The_Detection_of_Political_Deepfakes.
23. **Huw Roberts, Jessica Morley, Josh Cowsls, Luciano Floridi, Mariarosaria Taddeo, Vincent Wang.** The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // AI & SOCIETY 36 (3), March 2021.
24. **Jeongki Lim.** Generative Artificial Intelligence: What It Is, What It Is Not and What It Can Be for the United Nations // UN Chronicle, 18 July 2023 // <https://www.un.org/en/un-chronicle/generative-artificial-intelligence-what-it-what-it-not-and-what-it-can-be-united>.
25. **M. Appel, F. Prietzel.** The detection of political deepfakes, Journal of Computer-Mediated Communication. 2022. Volume 27, Issue 4 // <https://academic.oup.com/jcmc/article/27/4/zmac008/6650406>.
26. Our common agenda policy brief 8: information integrity on digital platforms // The United Nations // <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/our-common-agenda-policy-brief-information-integrity-en.pdf>.
27. **Pashentsev E.N.** Report. Experts on the Malicious Use of Artificial Intelligence and Challenges to International Psychological Security. Publication of the International Center for Social and Political Studies and Consulting. Moscow: LLC «SAM Polygraphist», 2022.
28. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial intelligence act) and amending certain Union legislative acts // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206>.
29. Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (Draft for Solicitation of Comments) (Cyperspace Administration of China, 2022) // <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis-draft/>.
30. Tackling deepfakes in European policy: Study of the European Parliamentary Research Service. 2021 // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU\(2021\)690039_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690039/EPRS_STU(2021)690039_EN.pdf).
31. The next frontier for AI in China could add \$600 billion to its economy // McKinsey Global Institute // <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-next-frontier-for-ai-in-china-could-add-600-billion-to-its-economy>.
32. TikTok introducing first-ever AI voiceover // Newsweek // <https://www.newsweek.com/ai-voice-generator-tiktok-kanye-west-video-1593597>.
33. UNIDIR 2021 Innovations Dialogue on Deepfakes, Trust and International Security: Conference Report // <https://unidir.org/events/2021-innovations-dialogue>.
34. **W.A. Galston.** Is seeing still believing? The deepfake challenge to truth in politics // Brookings. January 8, 2020 // <https://www.brookings.edu/research/is-seeing-still-believing-the-deepfake-challenge-to-truth-in-politics/>.

M.V. BYCHKOV

Ph.D. student of the Diplomatic Academy
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia

MALICIOUS USE OF DEEPPKES: BACKGROUND, CONSEQUENCES, COUNTERACTION

Deepfakes are a new digital technology for creating media content where the image of one person is put on the visual content (photo, video) of another person. The algorithms of this technology are based on innovative developments of artificial intelligence, which has been publicly discussed over the past few years and has not yet received proper legal regulation at the international and national levels. The article considers the threat of deepfakes to the world's political stability and ways to tackle this threat. It determines what prerequisites at the current stage of social development exist for deepfakes to become a large-scale cognitive weapon. The article also considers the experience of the EU countries, the USA, China, the Russian Federation on legal regulation of deepfakes and counteraction to malicious use of deepfakes. The methodology of the article involves analyzing the most popular political deepfakes, predicting the potential consequences of their use. The prospects of large-scale growth of malicious use of deepfakes are analyzed and possible preventive and response measures to tackle the problem are proposed. It is concluded that deepfakes can be used by malicious political actors to manipulate public opinion and influence the masses during periods of social instability to exacerbate critical trends. It is proposed to develop and fund the technological start-ups aimed at recognizing deepfakes, to raise public awareness of the possibility of this technology being used. A comprehensive approach to the prevention of deepfake threats should be based on special legal regulation.

Key words: *deepfakes, artificial intelligence, machine learning, manipulation of public opinion, international organizations, psychological manipulation, cognitive weapons.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.019

УДК 338.1

В.А. МОИСЕЕВ

ведущий специалист по контролю качества образования и мониторингам МОКИТУ (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»,
России, г. Волоколамск
E-mail: SoundBro@live.ru

М.Н. ИГНАТОВА

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Международных отношений и государственного управления»,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, г. Курск
E-mail: maripolyakova@yandex.ru

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, профессор РАЕ,
ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых
Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва
E-mail: nsvyatoslav@yandex.ru

Д.И. ВОРОБЬЕВ

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента и государственного муниципального
управления ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, г. Москва
E-mail: d.vorobyev@mgutm.ru

А.А. ГРУНИНА

старший преподаватель кафедры экономики и товароведения, МОКИТУ
(филиал) ФГБОУ ВО «МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ)»,
России, г. Волоколамск
E-mail: agrunina89@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

***Введение:** в работе раскрываются организационные аспекты зарубежного опыта поддержки развития малого и среднего предпринимательства (МСП) с учетом особенностей национальных правовых пространств и финансовых систем. Авторским коллективом отмечается актуальность применения отдельных организационно-правовых и финансово-экономических инструментов в российской практике управления предпринимательством для стимулирования роста его активности, а также поддержания*

стабильности функционирования в условиях макроэкономической неопределенности. Введенные в отношении России беспрецедентные санкции оказали значительное негативное влияние на функционирование всех без исключения субъектов бизнеса. В этой связи требуется разработка новой правительственной модели поддержки МСП, которая будет отвечать релевантным вызовам и позволит сформировать растущий трек ключевых характеристик функционирования данного сегмента национальной экономики. В статье изучение практики государственного управления развитием МСП осуществлялось на материалах организационно-правового и финансово-экономического пространств Германии и Франции, как наиболее типичных представителей ЕС.

Цель и задачи: цель работы заключается в исследовании общей конъюнктуры и выделении положительных аспектов зарубежного опыта поддержки развития МСП. Для достижения данной цели в статье ставятся следующие задачи:

- охарактеризовать ключевые организационно-экономические механизмы поддержки развития МСП в зарубежных странах;
- провести анализ базовых показателей ролевой значимости функционирования МСП в Германии и Франции;
- выделить наиболее актуальные элементы положительного опыта поддержки МСП в фокусе потенциального использования в отечественном организационно-экономическом пространстве.

Результаты исследования: авторским коллективом на основе исследования организационно-правового и финансово-экономического пространств Германии и Франции выделены наиболее актуальные инструменты зарубежного опыта поддержки МСП, которые потенциально могут быть адаптированы в отечественной правительственной практике.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, зарубежный опыт, Германия, Франция, государственная поддержка, стимулирование деловой активности, санкции.

Актуальность. Субъекты МСП играют важнейшую роль в развитии экономических систем доминирующего количества стран, что требует от правительственных институтов постоянного поиска наиболее эффективных инструментов их поддержки и создания благоприятных условий для прогрессивного развития. Роль МСП носит многогранный характер и проявляется в широком спектре областей экономической системы [2. С. 33]. В первую очередь МСП способствует росту национального ВВП, генерируя значительную часть прибавочного продукта [7. С. 27]. В экономических системах западных стран доля МСП при формировании ВВП колеблется около 50%. Важно также отметить значимость субъектов МСП на рынке труда, которая концентрируется на создании новых рабочих мест и равномерном распределении трудового потенциала по отраслям [3. С. 5117]. В-третьих, нельзя не обратить внимание на роль МСП при формировании трека инновационной активности. Именно представители МСП генерируют ряд инновационных идей, успешная практическая адаптация которых позволяет в дальнейшем тиражировать положительный опыт в промышленных масштабах

с целью научно-технологической трансформации социально-экономического пространства [1. С. 165]. В текущих объективно-существующих условиях макроэкономической нестабильности субъекты МСП в России находятся под существенным негативным давлением, которое требует поиска и внедрения более совершенных механизмов их поддержки со стороны правительственных структур [6. С. 100]. В этой связи целесообразно рассмотреть ряд положительных практик зарубежного опыта поддержки МСП, которые, в частности, активно применяются в Германии и Франции.

Основная часть. Германия является одной из ведущих стран Европейского Союза, которую еще называют «локомотивом» европейской экономики. Важным фактором экономического успеха Германии является интенсивное развитие МСП. Проблема развития малого и среднего бизнеса в Германии регулируется политикой Федерального министерства экономики и технологий Германии (BMWi) [10]. Данный орган государственной власти имеет региональное представительство во всех землях, которые в свою очередь подчиняются общей политике федерального центра. Основные направления деятельности Федерального министерства экономики и технологий Германии в области поддержки МСП сфокусированы в следующих областях:

- обеспечение максимальной доступности источников финансирования для расширенного производства и интенсификации коммерческих процессов в системе МСП Германии;
- укрепление предпринимательской культуры в экосистеме малого и среднего бизнеса Германии;
- поощрение предпринимательской активности и стимулирование деловой активности в социально-экономической системе немецкого общества;
- снижение препятствий и барьеров в развитии субъектов МСП.

Инфраструктура поддержки МСП в Германии носит достаточно разветвленный характер и может быть представлена четырьмя основными элементами:

- государственная, которая включает в себя социально-ориентированные центры предпринимательства и информационные центры, то есть в данном аспекте роль государства сосредоточена в первую очередь на доведении актуальной информации до субъектов МСП через свои центры;

- рыночная, в основе которой находятся бизнес-инкубаторы, центры содействия передачи новых технологий, центры поддержки экспортной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса;

- финансовая, которая включает в себя совокупность финансово-кредитных институтов, ориентированных на оказании кредитной поддержки субъектам малого и среднего бизнеса. В данном аспекте особо стоит выделить Банк Реконструкции (KfW) [15], который непосредственно специализируется на предоставлении кредитных программ для малого и среднего бизнеса;

- общественная, которая включает в себя промышленные ассоциации, торговые конфедерации, торгово-промышленные и ремесленные палаты,

деятельность которых носит в первую очередь консультационный, просветительский, информационный и координационный характер.

На местном уровне организационная и информационная поддержка МСП в Германии реализуется через Палаты квалифицированных ремесел и малых отраслей промышленности. Деятельность данного органа носит в первую очередь координирующий характер и заключается в предоставлении всего спектра необходимой информации и защите интересов субъектов малого и среднего бизнеса. Кроме того, информационно-консультационная поддержка МСП в Германии реализуется через функционал Федеральной Ассоциации малого и среднего бизнеса, основные направления деятельности которой заключаются в следующем:

- предоставление информации о нормативно-правовой среде ведения бизнеса;
- оказание помощи при подаче документов и составлении бизнес-плана;
- консультация по вопросам привлечения инвестиций и использования кредитных ресурсов коммерческого банка;
- содействие в получении разрешительной документации;
- защита интересов в спорных ситуациях с органами государственной власти;
- помощь в поиске инвесторов и партнеров для расширения коммерческой деятельности.

Поддержка МСП в Германии опирается на емкую нормативную правовую базу, которая включает в себя как нормативно-правовые акты Европейского Союза, так и национальные нормативно-правовые акты страны. Среди основных нормативных правовых актов Европейского Союза, регулирующих вопросы развития МСП необходимо выделить Лиссабонскую стратегию, Стратегию «Европа 2020», Хартию ЕС по малому и среднему предпринимательству, Европейский Акт о малом бизнесе. Каждый из перечисленных документов в зависимости от текущей макроэкономической ситуации и интенсивности деловой среды на территории ЕС делал упор на те или иные приоритеты развития малого и среднего бизнеса. В частности, Лиссабонская стратегия (Lisbon Strategy) [17] была принята в период финансового кризиса и основной упор в развитии МСП делала на предоставлении «дешевых» денег для стимулирования деловой активности. Стратегия «Европа 2020» (Europe 2020 Strategy) [12] принималась в условиях тотальной цифровизации социально-экономических процессов и поэтому основной фокус своего внимания обратила на развитии инновационного МСП. Приоритет в данной стратегии был смещен в сторону поддержки высокотехнологичных стартапов и коммуникационных инновационных проектов. Хартия ЕС по малому и среднему предпринимательству [14] выделила следующие основные принципы поддержки и развития МСП, которые в том числе, носят актуальный характер для Германии:

- признание динамического потенциала МСП и его повышенной роли в развитии экономики стран ЕС;

- осознание важности развития МСП для поступательного функционирования всей социально-экономической системы стран ЕС;
- предпринимательство является ценным и плодотворным образом жизни, которые требует активной пропаганды в общественной среде Союза;
- важным фактором развития предпринимательской активности выступает расширение образовательного фундамента деловой среды;
- ключевыми инструментами повышения эффективности и масштабов функционирования МСП в странах ЕС являются облегчение доступа к финансовым ресурсам, технологиям, результатам научных исследований и высоко технологичных разработок;
- для развития МСП также признается актуальным снижение административных барьеров, обеспечение равного доступа ко всем сегментам рынка, устранение конкурентной дискриминации, сокращение бюрократической нагрузки.

Среди ключевых положений Европейского Акта о малом бизнесе (European Small Business Act 2008) [13] можно выделить следующие:

- создание благоприятной среды для процветания малого бизнеса на основе формирование комплексной системы его поддержки;
- предоставление «второго шанса» для субъектов малого предпринимательства, которые столкнулись с банкротством;
- обеспечение оперативности реагирования органов государственной власти на проблемы развития малого бизнеса;
- способствование извлечения выгоды субъектами малого бизнеса из результатов своей инновационной деятельности;
- адаптирование инструментов государственной социально-экономической политики под потребности развития малого предпринимательства;
- обеспечение максимально облегченного доступа субъектов малого предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе кредитного характера.

С учетом действующего правового поля в Германии для выделения субъектов МСП применяются три основных критерия [19]:

- количество сотрудников: численность персонала не должна превышать 249 человек;
- годовой оборот: объем годового оборота субъекта экономической деятельности должен быть менее 50 млн. евро;
- стоимость активов: совокупная оценка стоимости активов на конец актуального временного периода должна быть меньше 43 млн. евро.

На основе материалов представленного рисунка 1 можно сделать вывод о существенной значимости МСП в социально-экономической системе Германии. На долю МСП приходится более 50% ВВП. При этом до 2021 года происходит стабильный рост данного показателя. Так в 2020 году по сравнению с 2016 годом удельный вес малого и среднего бизнеса в ВВП Германии увеличился на 1,3%. В 2021 году в следствии негативного влияния пандемии доля малого и среднего бизнеса в ВВП Германии сократилась на 1,9%, но в 2022 году произошло

относительно восстановление показателя на 0,7%. Примерно схожая динамика характеризует изменения доли, занятых в секторе малого и среднего бизнеса Германии. В 2020 году по сравнению с 2016 годом рассмотренный показатель вырос на 0,8%, но в 2021 году упал относительно предыдущего года на 2,6%, а в 2022 году можно говорить о незначительном восстановлении сектора и приросте показателя на 1,2%. Таким образом, вариации в сегменте МСП оказывают существенное влияние на развитие экономики Германии, что требует использования со стороны правительства активных мер по поддержке и развитию данного сектора.

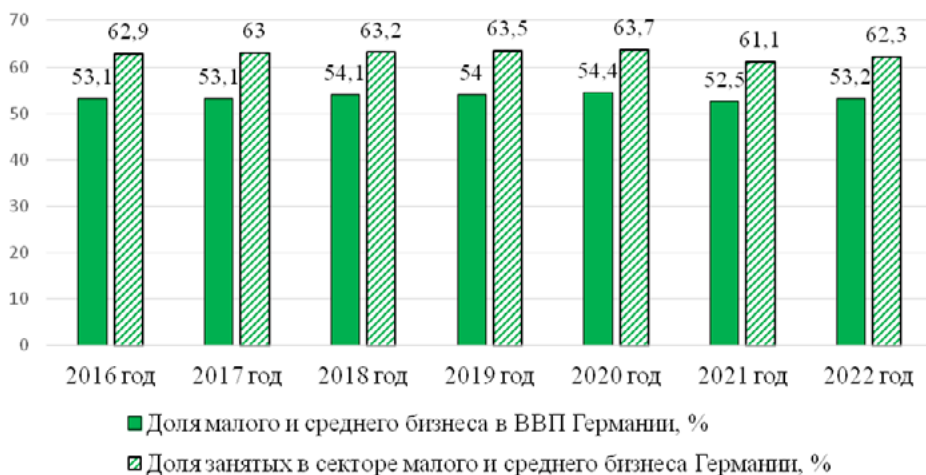

Рисунок 1. Основные показатели развития МСП в Германии [20].

Поддержка МСП в Германии включает в себя большой набор инструментов. В связи с этим среди совокупности положительных аспектов данной политики можно выделить меры финансового стимулирования деловой активности. Особенно привлекательными выглядят кредитные программы Банк Реконструкции (KfW), ключевые элементы которых состоят в следующих аспектах:

- выдача кредита происходит на условиях льготной процентной ставки от 3%;
- участниками программы могут стать субъекты МСП, деятельность которых длится более двух лет;
- целью получения кредита выступает создание новых производств или расширение масштабов коммерческой деятельности;
- период кредитования носит долгосрочный характер и составляет примерно десять лет.

Также можно отметить практику предоставления налоговых льгот для субъектов малого и среднего бизнеса в Германии по трем основным направлениям:

– для субъектов малого и среднего бизнеса, которые инвестируют во внеоборотные активы, применяют заниженные нормы амортизационных отчислений, а также используется так называемая инвестиционная надбавка, которая выплачивается налоговыми органами и может составлять до 10% от объема капитальных инвестиций;

– для субъектов малого и среднего бизнеса, которые самостоятельно организовали подготовку и переподготовку сотрудников, применяется налоговая льгота в виде сокращения суммы страховых взносов на 50%;

– в течение первых двух лет своего существования предприятия малого и среднего бизнеса освобождаются от уплаты налога на прибыль.

Численность сотрудников и масштабы деятельности не позволяют субъектам малого и среднего бизнеса провести комплексное исследование рыночной среды. Решение данной проблемы в Германии происходит на основе функционирования консалтинговых центров. Деятельность подобного рода консалтинговых центров осуществляется за государственный счет, а информацию о состоянии того или иного сегмента рынка они предоставляют малым и средним предприятиям бесплатно. Полученная подобным образом информация выступает фундаментальной основой принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности бизнеса.

В Германии значительное внимание уделяют развитию производственного потенциала субъектов МСП. На решение данной задачи направлено действие Программы «Планирование ресурсов предприятия». В рамках данной программы для субъектов МСП в Германии происходит выделение кредитных ресурсов на следующих льготных условиях:

– участниками данной программы могут стать субъекты малого и среднего бизнеса, которые реализуют инвестиционные проекты, связанные с расширением коммерческой деятельности путем создания новых или модернизации старых мощностей;

– общий период льготного кредитования составляет до 20 лет;

– льготная ставка предоставления кредитных ресурсов носит вариативный характер.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что условия представленной кредитной программы носят весьма благоприятный характер для субъектов малого и среднего бизнеса в Германии и способствуют расширению масштабов их коммерческой деятельности.

Актуальной программой для начинающих предпринимателей в Германии является Программа «Стартовый капитал». Спектр направлений реализации данной программы достаточно широк, среди которых в первую очередь можно выделить следующие наиболее интересные обстоятельства:

– предоставляется возможность получения беспроцентных ссуд на покупку оборудования под залог стоимости самого оборудования;

– существует возможность на основе полученного гранта покрыть до 60% стоимости приобретаемого высокотехнологичного производственного оборудования;

– программа предоставляет возможность получения гранта на формирование первоначальных складских запасов в сумме до 500 тыс. евро, при этом 15% необходимой суммы должны быть оплачены субъектом малого и среднего бизнеса самостоятельно.

Ключевой областью Правительства Германии является широкомасштабная поддержка стартапов и проектов роста. В последние годы основное внимание уделялось политически важной области финансирования инноваций и поддержки венчурного капитала для стартапов, которая значительно расширилась за последние годы.

Франция, как и Германия является одной из наиболее экономически развитых стран Европейского Союза. Важную роль в прогрессивном экономическом развитии Франции играет малый и средний бизнес. В этой связи органы государственной власти Франции уделяют значительное внимание его поддержке и развитию. Вопросы координации развития МСП находятся в компетенции Агентства по предпринимательству [8]. Основные направления деятельности указанного органа заключаются в следующем:

– организация информационного сопровождения коммерческой деятельности малого и среднего бизнеса;

– содействие в регистрации субъектов МСП;

– консалтинговые услуги в области подготовки деловой документации.

Нормативное правовое поле поддержки МСП во Франции формируется из законодательства Европейского Союза и национальных нормативных правовых актов. Ключевые нормативные правовые акты, регулирующие стратегические приоритеты развития МСП на уровне Европейского Союза рассмотрены ранее в работе. Важным инструментом стимулирования развития МСП во Франции является льготное банковское кредитование. Для решения совокупности проблем, накопившихся в данном сегменте поддержки МСП во Франции, создан Французский государственный банк по развитию и поддержке малых и средних предприятий [9]. Основной функционал данного финансово-кредитного института в области поддержки МСП во Франции заключается в следующем:

– разработка и реализация расширенного поля финансовых инструментов, актуальных для субъектов МСП;

– предоставление гарантий для участия субъектов МСП в тех или иных коммерческих операциях, а также предоставление гарантий по экспортным кредитам и операциям;

– софинансирование инвестиционных проектов различной коммерческой направленности;

– выделение прямых займов по льготным процентным ставкам субъектам малого и среднего бизнеса.

Для поддержки развития инновационной деятельности субъектов МСП было создано Агентство поддержки инноваций [18], а для активизации экспортной деятельности функционирует Страховая компания внешней торговли [11].

На основе материалов представленного рисунка 2 можно сделать вывод о том, что малый и средний бизнес играет заметную роль в социально-экономической системе Франции. Данный вывод подтверждается высокими долевыми показателями его участия на рынке труда и формировании совокупного объема ВВП. Так по итогам 2022 года доля малого и среднего бизнеса в совокупном ВВП Франции составила 55,8%, а удельный вес занятого населения на предприятиях малого и среднего бизнеса страны в этот же период составил 61,4%. Обращает на себя внимание существенное негативное влияние пандемии на развитие МСП во Франции. Так в 2021 году по сравнению с 2020 годом доля малого и среднего бизнеса в ВВП Франции сократилась на 4,8%, а доля на рынке труда уменьшилась на 0,8%. При этом за период 2016–2020 годов происходит устойчивый рост данных показателей: доля малого и среднего бизнеса в ВВП Франции выросла на 2%, а доля на рынке труда увеличилась на 2,2%. В 2022 году наблюдается относительное восстановление состояния МСП в стране.

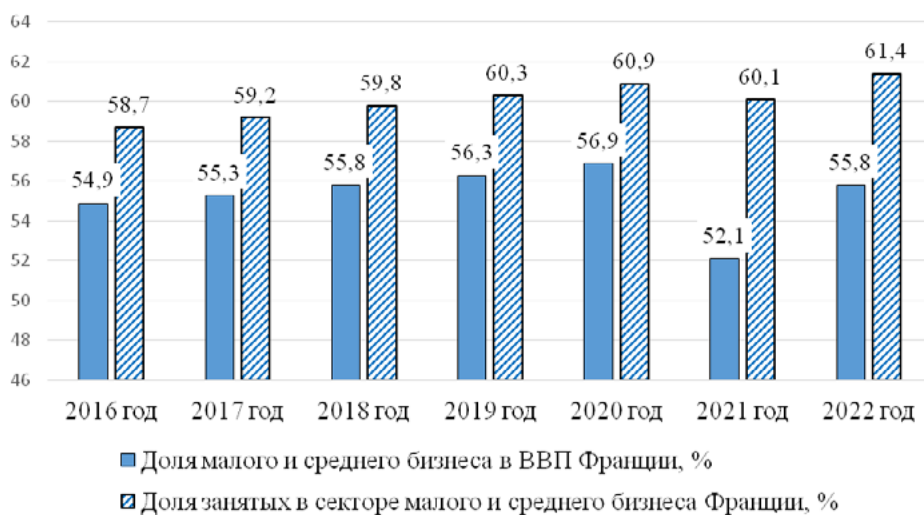

Рисунок 2. Основные показатели развития МСП во Франции [16]

Правительство Франции участвует в сокращении задержек с платежами между предприятиями. Закон о прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономики (Transparency, Anti-corruption and Economic Modernisation Bill, 2016), принятый в декабре 2016 года, укрепил законодательную базу для борьбы с задержками платежей между предприятиями. Максимальный штраф для фирм, которые не соблюдают законные задержки платежей, был увеличен до двух миллионов. Более того, была введена процедура «имя и позор» («name and shame»),

в связи с чем на веб-сайте Министерства экономики и финансов систематически размещается реклама решений о штрафах. В результате три фирмы были обязаны выплатить рекордные штрафы в размере более 500 000 евро в 2018 году. По-прежнему остается фактом, что крупнейшие фирмы несут ответственность за самые большие задержки платежей. В то время как число самых длительных задержек (превышающих 30 дней) сократилось с 2017 года, доля фирм со своевременными платежами снизилась с 44% до 41,8%.

Заключение. Функционирование системы поддержки МСП в Германии характеризуется рядом положительных примеров:

- разумная региональная диверсификация программ поддержки субъектов малого и среднего бизнеса. Для Германии, как и для большинства стран, характерен разный уровень экономического развития регионов. С учетом данной специфики немецкое правительство разрабатывает программы поддержки малого и среднего бизнеса. Подобная практика носит весьма актуальный характер и для Российской Федерации, территория которой характеризуется значительной экономической дифференциацией. К примеру, программы поддержки МСП в Москве и Санкт-Петербурге должны существенно отличаться от программ аналогичной направленности для Приморского края, Республики Бурятия и Дагестана. Региональная дифференциация программ развития МСП в России будет способствовать росту его эффективности;

- применение сетевых форм взаимодействия субъектов МСП и научно-исследовательских центров. В Германии сетевая структура выступает актуальной организационной формой реализации инновационных проектов, под которую правительство страны активно выделяет субсидии. Адаптация указанного подхода к отечественной практике приведет к росту инновационной активности субъектов МСП, так как он позволит интегрировать в их коммерческие процессы результаты научно-исследовательской и экспериментальной деятельности профильных лабораторий и центров;

- концентрация на нефинансовых мерах поддержки МСП, в рамках которых основной упор делается на образовательные программы и консалтинговые технологии. Применение данного подхода в Российской Федерации будет способствовать росту финансовой самостоятельности субъектов МСП;

- деятельность консалтинговых центров, которые на бесплатной основе предоставляют информацию маркетингового и аналитического характера субъектам МСП о состоянии рыночной среды. Внедрение указанного немецкого опыта информационной поддержки МСП в отечественную практику будет способствовать росту осведомленности представителей бизнеса о состоянии рыночной конъюнктуры, что приведет к росту качества принимаемых управленческих решений и общей коммерческой эффективности бизнес-процессов.

Французский опыт поддержки МСП включает в себя определенный набор положительных инструментов, которые могут быть использованы в социально-экономической политике России в данной области, среди которых:

– территориальная дифференциация налоговых льгот для субъектов МСП. Применение данного подхода имеет достаточно актуальное значение для Российской Федерации, субъекты которой обладают значительным уровнем экономической дифференциации своего развития. В связи с этим для экономически депрессивных регионов необходимо ввести более масштабные налоговые льготы в отношении субъектов МСП, которые повысят уровень поддержки и увеличат деловую активность территории в целом. При использовании данного подхода необходимо также обеспечить мониторинг соответствия места регистрации предприятия и места ведения его фактической коммерческой деятельности;

– применение масштабной и гибкой системы налоговых льгот для предприятий МСП. Использование данного подхода в Российской Федерации позволит усилить стимулирование предпринимательской активности в стране.

В Германии особенно привлекательными выглядят кредитные программы Банк Реконструкции (KfW), ключевые элементы которых состоят в следующих аспектах: выдача кредита происходит на условиях льготной процентной ставки от 3%; участниками программы могут стать субъекты МСП, деятельность которых длится более двух лет; целью получения кредита выступает создание новых производств или расширение масштабов коммерческой деятельности; период кредитования носит долгосрочный характер и составляет примерно десять лет; для начинающих предпринимателей в Германии применяются кредитные программы с государственным участием. Важной положительной практикой поддержки МСП во Франции служит реализация Программы NACRE. Основные преимущества реализации данной программы заключались в следующих аспектах: предоставление беспроцентных кредитов для наиболее актуальных проектов субъектов МСП по итогам конкурсного отбора; выделение беспроцентных кредитов в течении первых трех лет начинающим предприятиям малого бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Жиляков Д.И.** Проблемы и перспективы развития малых инновационных предприятий // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 1.
2. **Жиляков Д.И.** Совершенствование системы планирования и прогнозирования развития сельскохозяйственных организаций и регионов / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский. Курск, 2010.
3. **Ксенофонтова К.М.** Экономическая оценка политики социально-ответственного поведения корпораций / К.М. Ксенофонтова, А.А. Чунихина, М.В. Данилов, Е.Е. Пономарев, С.О. Новосельский // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10-1 (98-1).
4. **Марухленко А.Л.** Политика информационной безопасности в цифровом здравоохранении: организационно-правовые аспекты / А.Л. Марухленко,

- А.В. Чешин, С.С. Алеева, С.О. Новосельский, И.А. Бирюков // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
5. **Новосельский С.О.** Роль оценки активов в процессе обеспечения финансовой устойчивости предприятий апк / С.О. Новосельский, М. Евдокимова // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного производства. материалы Международной научно-практической конференции. Курская ГСХА. 2014.
 6. **Новосельский С.О.** Совершенствование механизмов формирования и функционирования управленческой команды в органах местного самоуправления / С.О. Новосельский, Е.Ю. Подосинников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5).
 7. **Шатохин М.В.** Индикативный механизм оценки социально-экономической конкурентоспособности развития районов Курской области / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Ю.Д. Ванин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2012. № 7.
 8. Agence des entreprises // <https://www.ssi.gouv.fr/entreprise/>.
 9. BPI France // <https://www.bpifrance.com/>.
 10. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie in Deutschland // <https://www.bmwk.de/Navigation/DE/Home/home.html>.
 11. Compagnie Française d'Assurance pour le Commerce Extérieur // <https://www.coface.fr/>.
 12. Europe 2020 Strategy // <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>.
 13. European Small Business Act 2008 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:et0001>.
 14. European Charter for Small Enterprises // <http://erenet.org/declar/european.pdf>.
 15. Kreditanstalt fuer Wiederaufbau // <https://www.kfw.de/kfw.de-2.html>.
 16. Les entreprises en France // <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4986683?sommaire=4987235>.
 17. Lisbon Strategy // https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/empl/dv/lisbonstrategybn/lisbonstrategybn_en.pdf.
 18. OSEO Innovation // https://www.innover-en-france.com/Oseo-Innovation_a21.html.
 19. Small and medium-sized enterprises // <https://www.destatis.de/EN/Themes/Economic-Sectors-Enterprises/Enterprises/Small-Sized-Enterprises-Medium-Sized-Enterprises/ExplanatorySME.html>.
 20. The Role of Small and Medium-sized Enterprises in Development // <https://library.fes.de/pdf-files/iez/14056.pdf>.

V.A. MOISEEV

Leading specialist in education quality control and monitoring MOKITU (branch) FSBEI HE Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (PKU)«,
Volokolamsk, Russia

M.N. IGNATOVA

Candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

S.O. NOVOSELSKY

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Economics, leading researcher at the scientific center for the study of the history and development of world civilizations of the ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovskiy»,
Moscow, Russia*

D.I. VOROBYOV

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Management and State Municipal Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU)«,
Moscow, Russia

A.A. GRUNINA

Senior Lecturer, Department of Economics and Commodity Science, MOKITU (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «MSUTU named after K.G. Razumovsky (PKU)«,
Volokolamsk, Russia

FOREIGN EXPERIENCE IN SUPPORTING THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISE

***Introduction:** the work reveals the organizational aspects of foreign experience in supporting the development of small and medium-sized enterprises (SMEs), taking into account the characteristics of national legal spaces and financial systems. The team of authors notes the relevance of the use of certain organizational, legal and financial-economic instruments in the Russian practice of business management to stimulate the growth of its activity, as well as maintain stability of operation in conditions of macroeconomic uncertainty. The unprecedented sanctions imposed on Russia had a significant negative impact on the functioning of all business entities without exception. In this regard, it is necessary to develop a new government model for*

supporting SMEs that will meet relevant challenges and will create a growing track of key characteristics of the functioning of this segment of the national economy. In the article, the study of the practice of state management of SME development was carried out using materials from the organizational, legal, financial and economic spaces of Germany and France, as the most typical representatives of the EU.

Goal and objectives: the goal of the work is to study the general situation and highlight the positive aspects of foreign experience in supporting the development of SMEs. To achieve this goal, the article sets the following tasks:

- characterize the key organizational and economic mechanisms to support the development of SMEs in foreign countries;*
- analyze the basic indicators of the role significance of the functioning of SMEs in Germany and France;*
- highlight the most relevant elements of positive experience in supporting SMEs in the focus of potential use in the domestic organizational and economic space.*

Results of the study: the team of authors, based on a study of the organizational, legal, financial and economic spaces of Germany and France, identified the most relevant tools of foreign experience in supporting SMEs, which could potentially be adapted in domestic government practice.

Key words: *small and medium-sized businesses, foreign experience, Germany, France, government support, stimulation of business activity, sanctions.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.020

УДК 339

С.Б. ЗАЙНУЛЛИН

кандидат экономических наук,
доцент кафедры национальной экономики Российского
университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва
ORCID id: 0000-0001-9818-4706
E-mail: Law_union@mail.ru

ШЭНЛИ ЦЗО

аспирант Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы, КНР
ORCID id: 0009-0004-8913-3666
E-mail: zuoshengli@mail.ru

ЧЖАН ЯЦИ

аспирант Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы, КНР
ORCID id:0000-0003-2670-7795
E-mail: 1032158359@rudn.ru

ПИН ФЭН

аспирант Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумбы, КНР
ORCID id: 0000-0002-0121-9552
E-mail: 1042228220@rudn.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАН ЕВРАЗИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассмотрены основные проблемы и тенденции развития автомобильной промышленности стран Евразии в условиях изменений в мировой экономике. Цель статьи: выявление проблем и тенденций развития автомобильной промышленности на евразийском континенте. Задачи: изучение проблем, препятствующих развитию автомобилестроения Евразии; рассмотрение географической структуры автомобильной промышленности континента; изучение перспективных направлений мирового автомобилестроения, в том числе электромобилей, автомобилей на водородном топливе, беспилотных транспортных средств; выявление тенденций развития

каршеринга. Результаты: были выделены ключевые проблемы развития автомобилестроения евразийского континента, среди которых особенно отмечены: усиление зависимости автопромышленного комплекса от сырья и комплектующих, изменение логистических цепочек, повышение конкуренции со стороны китайских автопроизводителей, последствия кризисов, влияние негативных тенденций. Был сделан вывод о том, что наиболее явными тенденциями автомобильной промышленности региона являются изменение географической структуры отрасли, увеличение производства электромобилей на фоне реализации государственных стратегий отказа от транспортных средств с двигателем внутреннего сгорания во многих странах, рост объемов каршеринга, развитие сегмента беспилотных транспортных средств.

Ключевые слова: автомобильная промышленность, мировое автомобилестроение, Евразия, электромобили, беспилотные транспортные средства, каршеринг, автомобилестроение.

1. Введение. В отраслевой структуре мировой экономики автомобильная промышленность занимает особое место, для многих стран выступая стратегической отраслью национального хозяйства и фактором социально-экономического развития. Наряду со станкостроением, приборостроением, сельскохозяйственным машиностроением, металлургическим машиностроением, энергетическим машиностроением и электроникой, автомобильная промышленность образует машиностроительный комплекс, который, в свою очередь, тесно связан с другими отраслями экономики (черной и цветной металлургией, химической промышленностью и многими другими). Предприятия современной автомобильной промышленности выпускают безрельсовые транспортные средства, преимущественно с двигателем внутреннего сгорания, а также электронные автомобили – электромобили. Несмотря на стратегическое значение отрасли для развития экономик многих стран мира, мировое автомобилестроение сталкивается с рядом проблем, которые за последние несколько лет серьезно изменили его структуру. Кроме того, современные тенденции, наблюдаемые в автомобильной промышленности по всему миру, будут и дальше способствовать ее трансформации.

К настоящему времени в научной литературе сложился определенный комплекс работ, рассматривающих особенности развития мировой автомобильной промышленности. Среди авторов этих работ можно отметить, в первую очередь, таких, как: Алиева А.Б. [1. С. 62-66], Баронина Ю.А. [2. С. 200], Догузов Г.Т. [4. С. 379-387], Закревская Я.А. [5. С. 154-161], Мишура Д.Е., Рева М.В. [8], Подставкова М.И. [10. С. 116-123], Рачков С.А. [11]. Однако в данных работах не проведен комплексный анализ сложившихся к сегодняшнему дню проблем и тенденций в мировом автомобилестроении. Также уделено недостаточно внимания вопросам развития автомобильной промышленности отдельных регионов, в том числе Евразии. Таким образом, можно констатировать тот факт, что исследования по современным проблемным аспектам и сложившимся тенденциям в отрасли к сегодняшнему дню в российской научной периодике представлены достаточно слабо.

II. Основная часть. Основные проблемы мировой автомобильной промышленности. На развитие мирового автомобилестроения в последнее десятилетие оказал влияние целый ряд проблем. Наиболее серьезной из них, безусловно, стала пандемия Covid-2019, которая способствовала изменению географической структуры отрасли, сокращению объемов производств транспортных средств, трансформации традиционных цепей поставок, комплектующих и сырья, переводу производств ряда крупных автоконцернов в другие страны мира. Объявление локдаунов и закрытие по всему миру автомобильных заводов привели к тому, что автоконцерны несли серьезные экономические потери. Так, в 2020 году объемы производства мирового автомобилестроения составили 77,6 млн транспортных средств, тогда как в 2019 году этот показатель доходил до 92,2 млн. (табл. 1). Более всего от последствий пандемии пострадали такие компании, как Volkswagen, Honda, Toyota, Ford.

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Объем производств, в млн. ед.	87,5	89,7	90,7	95,1	96,7	96,8	92,2	77,6	81,3	84,0	89,9

Таблица 1. Производство мировой автомобильной отрасли в 2012-2022 гг.
Источник: составлено автором по: [16; 9].

Многие компании были вынуждены приостанавливать свою деятельность, в том числе по причине нехватки комплектующих. Сегодня в отрасли по-прежнему наблюдается нехватка микрочипов, так как с начала пандемии вырос спрос на них в производстве медицинского оборудования, компьютеров, бытовой электротехники. Кроме того, в последние годы фиксировались случаи приостановки работы Samsung Electronics, NXP Semiconductors и Infineon из-за аномальных морозов в США; Rensas Electronic по причине пожара на заводе в Японии; TSMC из-за проблем на заводах в Тайване. Кроме того, перебои поставок сырья из России и Украины после февраля 2022 года также повлияли на объемы производства крупнейших автоконцернов, в том числе BMW и Volkswagen [15]. Сложившаяся ситуация в мировой автомобильной промышленности за последние несколько лет отчетливо продемонстрировала усиление глобальной зависимости отрасли [17], что, безусловно, является препятствием к динамичному развитию мирового автомобилестроения на ближайшие годы.

Ужесточение антироссийских санкций с 2022 года и, как следствие, уход с российского рынка американских, японских, европейских и южнокорейских автомобильных компаний, также переформатировал мировой рынок сбыта автомобилей. Так, усилилась позиция китайских компаний как на отдельных региональных, так и на глобальном рынках. Активные темпы развития автомобильной промышленности Китая и рост спроса на китайские транспортные средства по всему миру еще больше усилили конкурентную борьбу между крупнейшими

автоконцернами. Сегодня китайские автопроизводители предлагают потребителям наиболее оптимальное соотношение «цена-качество», что в том числе позволило китайским автомобилям занять лидирующее место и на российском рынке. Кроме того, в Китае быстрыми темпами развиваются гибридные транспортные средства и электромобили, а по некоторым позициям страна обгоняет американские и западноевропейские известные автоконцерны. Все эти проблемы в том числе способствовали определенным изменениям и в географической структуре автомобильной промышленности.

Изменение в географической структуре мирового автомобилестроения. Мировая автомобильная промышленность развивается сегодня крайне неравномерно. Так, в развитых странах на долю данной отрасли экономики приходится до 10% от ВВП, а, например, в России – не более 2%. Долгое время центрами автомобильного машиностроения являлись США, Германия, Япония, Франция и Южная Корея. За последние десятилетия одним из лидеров стал Китай. Также растет значение в отрасли Индонезии, Турции, Малайзии. То есть центр смещается в азиатскую часть Евразии.

В 2023 году в мире было произведено 89,9 млн транспортных средств (для сравнения в 2022 году – 84,0 млн). Лидером по производству стал Китай – 30,1 млн выпущенных транспортных средств, США – 10,7 млн, Япония – 8,8 млн (табл. 2). Самыми продаваемыми марками в 2023 году были Toyota, Volkswagen, Honda, Ford, Nissan, Chevrolet, Kia [7].

№	Страна	Объем выпуска	№	Страна	Объем выпуска
1	Китай	30,1 млн	6	Южная Корея	4,2 млн
2	США	10,7 млн	7	Мексика	3,7 млн
3	Япония	8,8 млн	8	Испания	2,2 млн
4	Индия	5,8 млн	9	Бразилия	2,2 млн
5	Германия	4,2 млн	10	Таиланд	1,8 млн

Таблица 2. География производства автомобильных транспортных средств в 2023 году в США и странах Евразии
Источник: составлено по: [12].

Крупнейшими и давно известными автоконцернами на евразийском континенте сегодня являются VAG (Германия), Toyota (Япония), Renault-Nissan-Mitsubishi (Франция – Япония), Hyundai-Kia (Южная Корея). Данные концерны производят известные по всему миру марки автомобилей, в том числе Audi, Volkswagen, Toyota, Skoda, Hyundai, Kia и ряд других (табл. 3).

№	Автоконцерны	Страна	Автомарки
1	VAG	Германия	Audi, Bentley, Bugatti, Lamborghini, Porsche, Seat, Skoda, Volkswagen
2	Toyota	Япония	Daihatsu, Lexus, Toyota
3	Renault–Nissan–Mitsubishi	Франция, Япония	Dacia, Datsun, Infiniti, Lada, Nissan, Mitsubishi, Renault, Samsung Motors
4	Hyundai–Kia	Южная Корея	Hyundai, Kia, Genesis

* в 2021 году состоялось слияние FCA и PSA Group в объединенную компанию Stellantis.

Таблица 3. Крупнейшие автомобильные концерны Евразии (кроме китайских)
Источник: составлено по: [14].

В Китае представлено несколько крупных автомобильных концернов, в том числе Chery, Haval, Geely, Changan, Omoda, Exeed. Растет популярность марок, производимых китайской автомобильной компанией BYD, специализирующейся на выпуске электронных автомобилей. Причем, Китай сегодня лидирует и в сегменте электромобилей.

Переход на электромобили как ключевая тенденция ближайших десятилетий на евразийском пространстве. Отказ от производства автомобилей с двигателем внутреннего сгорания сегодня является доминирующей тенденцией последних лет и будет только усиливаться в ближайшее время по всему миру, в том числе и на территории Евразии. Так, многие евразийские государства уже приняли соответствующие стратегии: в Швеции, Норвегии, Китае, Дании, Южной Корее, Англии, Японии, Франции официально запланирован переход на электронные автомобили уже к 2025-2030 гг. В этой связи крупнейшие автомобильные корпорации активно наращивают объемы производства электромобилей. Лидером в отрасли в 2023 году стал Китай, хотя до этого безусловным лидером являлись США. В прошедшем году китайской автомобильной компанией BYD было продано 1,1 млн электромобилей. Американская компания Tesla продала только 0,8 млн электронных транспортных средств [3]. Отметим, что более всего спрос на электромобили в евразийском регионе сегодня отмечается в странах Евросоюза и Китае [11]. Кроме китайских автомобильных корпораций в регионе электромобили производят Mahindra Electric и Tata Motors (Индия), Nissan (Япония), BMW (Германия), Mercedes (Германия), Hyundai (Южная Корея), Kia (Южная Корея), Mitsubishi (Япония).

Основными преимуществами электронных транспортных средств являются их экологичность, выгодная эксплуатация, безопасность и комфорт. Немаловажным является также поддержка владельцев электромобилей со стороны государства. Тем не менее, во многих странах необходимая для развития

электромобилей инфраструктура развита достаточно слабо. Это, в первую очередь, препятствует более активным темпами развития производств электромобилей по всему миру. Кроме того, среди недостатков таких транспортных средств можно назвать высокую цену по сравнению с традиционными автомобилями, недостаточно большой пробег на одном заряде, достаточно долгую подзарядку.

Развитие сегмента беспилотных автомобилей и автомобилей на водородном топливе в странах Евразии. Новейшие технологии активно интегрируются сегодня и в автомобильную промышленность евразийского континента. Среди таких технологий следует отметить внедрение искусственного интеллекта, роботов [8], а также производство беспилотных автомобилей на базе программ интеллектуального управления транспортным средством. В настоящее время ряд автомобильных компаний ведут активные разработки таких моделей, в том числе Audi, BMW, Honda. Из всех запатентованных в мире беспилотных автомобилей более всего патентов приходится сегодня на США, а на территории Евразии – на Японию и Южную Корею [6].

В сегменте производства грузовых автомобилей активно прорабатываются технологии производства автомобилей, работающих на водородном топливе. В настоящее время такой проект прорабатывает Mercedes-Benz. Ожидается, что первый такой грузовик поступит на рынок уже к 2025 году [13]. В ближайшее десятилетие в условиях отказа от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания можно ожидать усиление данной тенденции.

Каршеринг и его влияние на автомобильную промышленность на евразийском пространстве. Одной из тенденций развития современного мирового автомобилестроения является и каршеринг как предпочтение потребителей перехода от владения личным автотранспортом в пользу аренды автомобилей преимущественно на короткое время. Так, в мировой практике реализуется три формы каршеринга: краткосрочная аренда автомобиля на базе временной тарификации; peer-to-peer carsharing (у компаний, которые предоставляют автомобиль, арендная (прокатная) деятельность не является основной); совместное пользование транспортным средством. Крупнейшие рынки каршеринга сегодня развиваются в Германии, Франции, Австрии, Великобритании, Норвегии.

С одной стороны, каршеринг является негативной тенденцией для автопроизводителей, так как ведет к сокращению спроса на личные автомобили. С другой стороны, пока его объема не оказывают существенного влияния на объем мирового производства транспортных средств. Кроме того, многие известные производители автомобилей уже сегодня пытаются выиграть от этой тенденции. Так, к примеру, в Европе автоконцерн BMW создал собственную каршеринговую компанию DriveNow, а Volkswagen аналогичную компанию Quicar.

III. Заключение. В последние годы мировая автомобильная отрасль была подвержена колоссальным изменениям, которые спровоцировали в том числе экономический, политический, пандемический, логистический и ряд других кризисов. Эти кризисы оказали серьезное влияние на автомобильную промышленность в том числе и Евразии и способствовали появлению новых тенденций,

которые в ближайшее десятилетие будут только усиливаться. Среди них особенно следует назвать изменение в географической структуре автомобилестроения, расширение сегмента электромобилей, разработка беспилотных транспортных средств, внедрение новейших технологий в автомобильное производство, в том числе искусственного интеллекта и роботов. Среди ключевых проблем, которые сегодня особенно отчетливо прослеживаются в автомобильной промышленности евразийского континента были выделены зависимость предприятий отрасли от сырья и комплектующих; изменение привычных логистических цепочек; возрастающий уровень конкуренции со стороны китайских автопроизводителей для производителей европейской части Евразии; влияние некоторых тенденций, действующих негативно на автомобилестроение.

Положения и выводы, представленные в данной статье, могут быть полезны при дальнейших исследованиях автомобильной промышленности стран евразийского пространства, в том числе складывающихся в ней тенденций и возникающих проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алиева А.Б.** Позиции европейских автоконцернов в мировой автомобильной промышленности // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 5.
2. **Баронина Ю.А.** Современные стратегии европейских автомобильных транснациональных корпораций. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Спец. 08.00.14. Мировая экономика. М., 2019.
3. Большая китайская четверка и другие: большой обзор «чайнакаров». 05.10.2023 // <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237190847>.
4. **Догузов Г.Т.** Анализ мирового рынка и производства легковых автомобилей в современных условиях // *Московский экономический журнал*. 2021. № 7.
5. **Закревская Я.А.** Мировая и российская автомобильная промышленность в новых условиях // *Образование и право*. 2022. № 10.
6. Инновации в автомобильной отрасли – какие технологии моторизации имеет будущее? // <https://knaufautomotive.com/ru/innovatsii-v-avtomobilnoy-otrasli-kakiye-tekhnologii-motorizatsii/>.
7. **Лавренев Д.** В мировом рейтинге марок в 2023 году лидером осталась Toyota // *Автостат*. 26.02.2024 // <https://www.autostat.ru/analytics/56954/>.
8. **Мишура Д.Е., Рева М.В.** Автомобильная промышленность стран мира: аналитическая презентация и оценка перспектив в условиях современных глобальных дисбалансов // *А-фактор: научные исследования и разработки*. 2023. № 2.
9. Мировое производство автомобилей в 2023 году // Ассоциация «Объединенные автопроизводители России» (ОАР) // <https://oar-info.ru/news/tpost/nboxx92tb1-mirovoe-proizvodstvo-avtomobilei-v-2023>.

10. **Подставкава М.И.** Европейская автомобильная промышленность в эпоху трансформации отрасли // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 5.
11. **Рачков С.А.** Факторы развития мировой автомобильной промышленности // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1 // <https://esj.today/PDF/05ECVN122.pdf>.
12. Статистика производства новых автомобилей в 2023 году // <https://auto.vercity.ru/statistics/production/2023/>.
13. Статистика мирового авторынка в 2021 году // <https://autoreview.ru/articles/avtorynok/world-car-sales-2021>.
14. 12 крупнейших автоконцернов // <https://www.drom.ru/info/misc/70859.html>.
15. BMW и Volkswagen остановили заводы в Европе из-за нехватки деталей // РИА новости. 16.03.2022 // <https://ria.ru/20220316/detali-1778450863.html>.
16. International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. 2020 // <https://www.oica.net/category/production-statistics/2020-statistics/>.
17. Race 2050 – A vision for the European automotive industry, McKinsey report, 2019 // <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/a-long-term-vision-for-the-european-automotive-industry> // <https://www.autostat.ru/analytics/56954/>.

S.B. ZAINULLIN

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of National Economics
of the Russian Peoples' Friendship University.

Patrice Lumumba,

Moscow, Russia,

ORCID id: 0000-0001-9818-4706

SHANLI TZO

Graduate student of Russian Friendship University
peoples named after Patrice Lumumba, China

ORCID id: 0009-0004-8913-3666

ZHANG YAQI

Graduate student of Russian Friendship University
peoples named after Patrice Lumumba, China

ORCID id:0000-0003-2670-7795

PIN FENG

Graduate student of Russian Friendship University
peoples named after Patrice Lumumba, China

ORCID id: 0000-0002-0121-9552

MAIN PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE AUTOMOTIVE INDUSTRY IN EURASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY

The article examines the main problems and trends in the development of the automotive industry in Eurasian countries in the context of changes in the global economy. The purpose of the article: to identify problems and trends in the development of the automotive industry on the Eurasian continent. Objectives: study of problems impeding the development of the automotive industry in Eurasia; consideration of the geographical structure of the continent's automotive industry; studying promising areas of the global automotive industry, including electric vehicles, hydrogen fuel vehicles, and unmanned vehicles; identifying car sharing development trends.

Results: *key problems in the development of the automotive industry of the Eurasian continent were highlighted, among which the following were particularly noted: the increasing dependence of the automotive industry on raw materials and components, changes in supply chains, increased competition from Chinese automakers, the consequences of crises, and the influence of negative trends. It was concluded that the most obvious trends in the region's automotive industry are a change in the geographical structure of the industry, an increase in the production of electric vehicles against the backdrop of the implementation of government strategies to phase out vehicles with internal combustion engines in many countries, the growth of car sharing, and the development of the unmanned vehicle segment.*

Key words: *automotive industry, global automotive industry, Eurasia, electric vehicles, unmanned vehicles, car sharing, automotive industry.*

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.021

УДК 32.327

МАЙУЕТ МАРУАН

аспирант кафедры истории международных отношений и внешней политики Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва
E-mail: maiouetm@gmail.com

СОВЕТ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: УКРЕПЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

«Арабская весна», похоже, ускорила формирование политики безопасности и обороны, которой Совету сотрудничества стран Персидского залива (ССАГПЗ) катастрофически не хватало за 30 лет своего существования. Действительно, ССАГПЗ, который включает в себя довольно однородный набор из шести монархических режимов, за эти три десятилетия не смог создать последовательную и эффективную коллективную структуру в этой области. Военное вмешательство Объединенных сил безопасности в Бахрейне «Щит полуострова» 14 марта 2011 года, проведенное под руководством Саудовской Аравии, является беспрецедентной совместной силовой акцией в регионе. Конечно, саудиты всегда были известны своими гегемонистскими вторжениями в дела других членов ССАГПЗ и даже соседнего Йемена, как по вопросам демаркации границ, так и по вопросам внутренней или дипломатической политики своих соседей.

Ключевые слова: ССАГПЗ, Марокко, Западная Сахара, «Арабская весна», Монархия.

Неспособность ССАГПЗ разработать коллективную концепцию безопасности и обороны. За 30 лет своего существования ССАГПЗ (2) сыграл лишь очень ограниченную роль в коллективной безопасности и обороне. Его институциональная слабость обусловлена, прежде всего, отсутствием коллективного видения безопасности и единого восприятия угрозы. Ведь этот региональный пакт, основанный 25 мая 1981 года, был создан после паники, спровоцированной ирако-иранской войной (сентябрь 1980 года), к которой добавились иранская исламская революция 1979 года, российское вторжение в Афганистан в том же году и кризисы на Африканском Роге. По прошествии трех десятилетий приходится констатировать, что только угроза надвигающейся опасности способствовала укреплению связей внутри этого института. В качестве доказательства можно привести опасения, которые вызывают два крупнейших государства Персидского залива – Ирак и Иран, а также растущий интервенционизм Ирана на Ближнем Востоке, ухудшение ситуации с безопасностью в Йемене (на севере и юге) и постоянная нестабильность в Ираке, которые объясняют беспрецедентную продолжительность существования этого арабского регионального пакта.

Именно в духе защиты и протекционизма, движимые одержимостью враждебным окружением, шесть государств ССАГПЗ, процветающие благодаря доходам от продажи нефти, но уязвимые, поскольку являются объектом всевозможных притязаний, решили объединиться, чтобы создать общий рынок и оснастить себя общей системой обороны и безопасности. Однако как только угроза уменьшилась, интересы каждой страны вернулись в национальную повестку дня. Спустя 30 лет этот институт характеризуется несовершенной и рыхлой структурой коллективной безопасности.

Так было с объединенными силами «Щит полуострова», которые, несмотря на регулярные заявления о желании увеличить свою численность до 25 000 человек, так и не преодолели отметку в 5 000. Соперничество и неравенство в качестве операций между двумя единственными монархиями, способными предоставить войска в достаточном количестве, – Саудовским королевством и султанатом Оман – не позволили этому проекту реализоваться. Действительно, саудовская армия состоит из солдат, которые, безусловно, очень хорошо оснащены, но не очень оперативны, в то время как в султанате Оман есть люди, которые менее хорошо оснащены, но лучше обучены. Ходили даже разговоры о ликвидации «Щита полуострова» путем преобразования его в систему раннего предупреждения, базирующуюся в основном на высокотехнологичном американском оборудовании, но это так и не воплотилось в реальные действия на местах. Интегрированная многосторонняя структура обороны и безопасности не была создана из-за отсутствия совместной культуры в каждой из национальных армий.

Отсутствие доверия, соперничество и неспособность этих государств создать компетентные, закаленные в боях национальные армии в значительной степени объясняют трудности в установлении многостороннего сотрудничества в области безопасности и военного сотрудничества, не говоря уже о создании общей архитектуры безопасности. В конечном итоге ССАГПЗ – это не альянс и не настоящая региональная интеграция, а простая структура сотрудничества, основанная на негласном политическом соглашении о возобновлении солидарности и сплоченности в ответ на надвигающиеся внешние угрозы. До сих пор шесть монархий предпочитали делегировать свою внешнюю безопасность иностранным державам, в первую очередь США, а не сотрудничать со всеми своими региональными партнерами (Ираком, Ираном и Йеменом).

Сотрудничество в области безопасности, усиленное «угрозой» арабской весны. «Арабская весна» предоставляет этой консервативной геополитической группе возможность стать во главе антиреволюционного движения в арабском мире, движения, целью которого является сохранение сплоченности династических режимов ССАГПЗ и заполнение регионального вакуума, образовавшегося после ухода президента Мубарака, которого сместила администрация Обамы. Потеряв своего самого верного арабского союзника, а также американская администрация, более чувствительная к чаяниям мирных демонстрантов, чем к опасениям укоренившихся династических режимов, саудовцы, вопреки всем

ожиданиям, решили заставить Вашингтон врасплох, организовав военную интервенцию «Щит полуострова» в Бахрейне. Такая четкая позиция необычна для саудовцев, которые всегда были очень послушны по отношению к своему американскому союзнику, даже в случае разногласий. Королевство ясно дало понять, что никогда не допустит смены режима в своей нестабильности. Такое отношение можно объяснить крайней лихорадочностью, вызванной происходящими на Ближнем Востоке движениями. Саудовская Аравия ни при каких обстоятельствах не хочет сознательно бросать вызов Соединенным Штатам.

Однако это событие также знаменует собой поворотный момент в региональной дипломатии Саудовской Аравии, чья традиционная позиция заключалась в том, чтобы никогда не выставлять себя напоказ. Неожиданное предложение о расширении ССАГПЗ за счет иорданской и марокканской монархий, также являющееся саудовской инициативой, выдвинутое на саммите в Эр-Рияде 10 мая, – еще один признак новой инициативности саудовской дипломатии. Эр-Рияд внимательно следит за событиями в Бахрейне и Омане, где протесты продолжаются, даже если масштаб мобилизаций в Бахрейне был остановлен военным вмешательством 14 марта, как и в Сирии и, прежде всего, в Иордании.

План расширения ССАГПЗ за счет Марокко и Иордании возглавляет новый саудовско-эмиратский биноминал, спешно созданный в контексте «арабской весны» и заставляющий эти две страны забыть о своих пограничных спорах, которые на время отошли на второй план. Эта инициатива основана не только на безопасности, географических и племенно-династических критериях. Она также следует политико-идеологической и конфессиональной логике: ССАГПЗ намерен заявить о себе, с одной стороны, как о консервативном фронте в оппозиции к арабским республиканским режимам (Тунис, Египет, Сирия), воспринимаемым как дрейфующие, а с другой – как о группе суннитских стран, столкнувшихся с угрозой, исходящей от Ирана и его шиитских сетей влияния. Это новое стремление включить игроков, не входящих в географические рамки ССАГПЗ – Ирак никогда не приглашался в этот клуб богатых монархий до 2003 года, а Йемен с 2001 года имел лишь незначительный статус наблюдателя (4) – также, похоже, напрямую связано с опасениями по поводу внешней политики Египта после Мубарака (1). Доверие к Соединенным Штатам также пошатнулось.

Инициатива Саудовской Аравии, поддержанная Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), далека от официального консенсуса. Хотя аспект безопасности, связанный с расширением ССАГПЗ за счет Иордании, а не Марокко, воспринимается с интересом, учитывая исторический и качественный вклад Иордании в безопасность и военное сотрудничество со всеми монархиями, несогласованное объявление об этом решении шокировало бы других членов ССАГПЗ. Кувейтские военные офицеры и советник кабинета эмира выразили свое беспокойство и даже враждебность по отношению к этому проекту (3), и в частности к членству Марокко. Хотя более тесное сотрудничество между ССАГПЗ и Иорданией приветствуется, полная интеграция не столь очевидна. Это мнение разделяют Оман и Катар. Власти Бахрейна, который сейчас как никогда находится под опекой

Саудовской Аравии, безоговорочно одобряют членство Иордании, которая уже участвует в силах сдерживания «Щит полуострова» в Манаме, но молчат по поводу членства Марокко. Общественное мнение в Бахрейне гораздо более разделилось, опасаясь, что приезд Марокко и Иордании усугубит и без того напряженную ситуацию на местном рынке труда. Кроме того, как отмечает Кристиан Кох (7), детали и условия процесса присоединения этих двух стран к многостороннему органу еще не выработаны и все еще обсуждаются между странами-членами.

Новые направления стратегии безопасности и обороны ССАГПЗ. Являясь крупнейшими в мире потребителями военной техники, страны Персидского залива, тем не менее, по-прежнему в большей степени, чем когда-либо, зависят от внешних ноу-хау, гарантирующих их безопасность. После войны в Персидском заливе 1991 года они подписали соглашения об оборонном сотрудничестве с Соединенными Штатами, Великобританией и Францией. Впоследствии они распространили эти (более или менее продвинутое) соглашения о военных вооружениях и сотрудничестве в области безопасности на широкий круг стран Европы и Азии. Сотрудничество с НАТО было даже начато на саммите в Стамбуле в июне 2004 года под названием «Стамбульская инициатива сотрудничества» (ICI) (6). Спустя семь лет она оказалась неудовлетворительной для четырех небольших монархий Персидского залива, которые ее подписали. Кувейт, Катар, ОАЭ и Бахрейн согласились присоединиться к ICI, поскольку не могли отказаться от дополнительных мер безопасности. Оман и Саудовская Аравия, два наиболее влиятельных в военном отношении государства, отказались вступать и заявили, что им нечего от этого выигрывать. Участие двух стран ICI (Катара и Объединенных Арабских Эмиратов) в интервенции международной коалиции в Ливию (5) носит в основном символический характер и мало что изменяет в целом негативное восприятие НАТО элитой стран Персидского залива. Однако единодушная ненависть к полковнику Каддафи позволила поддержать действия НАТО, хотя ОАЭ заняли очень скромную позицию, ограничив информацию о своем участии в Ливии строгим минимумом. Их позиция контрастирует с триумфалистским дискурсом Катара, дипломатическую активность которого трудно прочесть из-за ее амбивалентности: широкое освещение в СМИ протестов в Ливии, Тунисе, Египте и Сирии, особенно через спутниковый канал al Jazeera, базирующийся на территории страны и контролируемый правящей династией, не должно заставить нас забыть об их молчании по поводу событий в Бахрейне.

Военная интервенция ССАГПЗ в Манаме вполне может стать первым шагом в изменении его подхода к безопасности и обороне. Под руководством Саудовской Аравии и, в частности, ее лидера, принца Найефа (министра внутренних дел), можно создать подлинный многосторонний институт безопасности и обороны для защиты жизненно важных интересов всех монархий, входящих в ССАГПЗ. Это подразумевает создание совместных многосторонних оперативных сил под руководством Саудовской Аравии, которая является лидером в этой области, и Федерации ОАЭ, которая лучше других соседних монархий

преуспела в создании сложной (оснащение) и эффективной (подготовка и обучение) системы обороны и безопасности.

С этой точки зрения встреча начальников штабов стран ССАГПЗ, состоявшаяся 7 сентября 2011 года в Абу-Даби, может стать важной вехой. На ней обсуждалось создание постоянной военной базы «Щит полуострова» в Манаме. Если этот проект будет ратифицирован, то разовая военная интервенция, «спасшая» бахрейнскую монархию, получит статус основополагающего акта многостороннего сотрудничества в области безопасности. Ранее немыслимый из-за нежелания стран Персидского залива принять многосторонний подход, этот проект может увидеть свет благодаря участию иорданцев, марокканцев и пакистанцев (которых очень много в различных штабах армий стран Персидского залива). После встречи в Абу-Даби созыв встречи министров иностранных дел стран ССАГПЗ 11 сентября 2011 года также может означать, что ССАГПЗ теперь желает более тесно сотрудничать с партнерами, которые считаются более надежными, чем традиционные западные партнеры, в частности США, которые стали для него большим разочарованием.

Первые выводы показывают, что Марокко и Иордания движутся в направлении постепенной интеграции в этот многосторонний орган, который до сих пор неохотно открывался для внешнего мира. Уже созданы две рабочие группы для изучения областей сотрудничества, которые будут представлены на рассмотрение Высшего совета глав государств ССАГПЗ, высшего руководящего органа регионального пакта. Таким образом, для этих двух монархий это скорее вариант «6+2», чем полноценное членство. Введение пятилетнего плана помощи призвано поддержать монархии, испытывающие серьезные социальные и экономические трудности, с целью сдерживать социально-политические волнения, которые уже наблюдаются в Марокко и тем более в Иордании.

Рационализация эволюции отношений между Марокко и ССАГПЗ.

Это предложение о членстве явно появляется в контексте «арабских весен». Это позволяет предположить, что толчком послужила региональная геополитическая ситуация. Однако реалистический анализ интересов заинтересованных государств показывает, что почва была подготовлена уже давно, будь то в экономическом, политическом или стратегическом плане.

Экономическая перспектива: бесприоритетное партнерство

До 2011 года страной Магриба, куда нефтяные монархии вкладывали больше всего средств, был Тунис. «Проекты, которые были объявлены в Тунисе, оцениваются почти в 47 миллионов долларов, что составляет более половины от общего объема инвестиций стран Персидского залива в регионе. На втором месте Марокко с 18,7 миллионами долларов (23%)», как заявил Р. Меддеб в 2010 году. Исторически финансовые потоки между Марокко и странами Персидского залива ограничивались несколькими инвестициями в недвижимость, в том числе саудовскими принцами (дворец короля Саудовской Аравии Абдаллы и гигантская мечеть Хасана II в Касабланке), а также совместными предприятиями, такими как Марокканско-кувейтский

консорциум по развитию (СМКД) или Марокканско-эмиратская компания по развитию (SOMED). Таким образом, представляется, что торговые потоки между Марокко и ССАГПЗ исторически были относительно незначительными, хотя наблюдается значительное увеличение доли ПИИ (прямых иностранных инвестиций) из стран Персидского залива в общем объеме марокканских ПИИ, которая выросла с 2 до 17% в период с 2003 по 2008 год. Важность экономических отношений между Марокко и странами Персидского залива до 2011 года должна быть релятивизирована.

Основным экономическим и торговым партнером Марокко была и остается Европа (в которую Марокко отправляет почти 70% своего экспорта и которая является источником 80% марокканских ПИИ). Экономические отношения между Марокко и странами Персидского залива в основном носят дотационный характер (70% дотаций в Марокко в 2008 году поступило из стран Персидского залива). Например, порт «ТангерМед» получил в 2002 году субсидию в размере 300 миллионов долларов от Фонда развития Абу-Даби в качестве личного подарка шейха Зайеда (ОАЭ).

Сегодня на долю стран Персидского залива приходится треть суверенных фондов по всему миру. Поэтому они ищут области для инвестирования. Для Марокко инвестиционный потенциал монархий Персидского залива – это неоспоримая возможность обеспечить рост своей экономики. С конца правления Хасана II (1990-е годы) страна проводит политику экономической открытости и либерализации, которая в настоящее время позволяет развивать перспективные отрасли с высокой добавленной стоимостью: новые технологии, возобновляемые источники энергии, туризм, промышленность... Кроме того, Марокко располагает все более квалифицированными кадрами (о чем свидетельствует распространение высококачественного обучения в Марокко, привлекающего людей со всего африканского континента), предположительно отличным деловым климатом и формирующимся средним классом (который является двигателем роста и потребления). Экономическое партнерство между Марокко и странами Персидского залива представляется выгодным для обеих сторон. Контрастная ситуация между все еще развивающейся экономикой Марокко и странами Персидского залива, обладающими значительными финансовыми ресурсами, может стать рычагом для привлечения дополнительных инвестиций и торговых потоков. Региональная экономическая интеграция между двумя типами экономик могла бы способствовать созданию ситуации глобальной конкурентоспособности, которая была бы выгодна тем странам с переходной экономикой, которые пытаются наверстать упущенное. Такие предположения вытекают из результатов, наблюдаемых в других моделях региональной экономической интеграции, таких как ЕС, АСЕАН или Нафта.

Создание «Королевского клуба»

«Не являясь альянсом или реальной региональной интеграцией, ССАГПЗ представляет собой структуру сотрудничества, основанную на негласном соглашении о возобновлении политической солидарности и сплоченности

в ответ на надвигающиеся внешние угрозы» [1]. Из этого определения вытекают два элемента: политический аспект и вопрос безопасности.

Монархические политические системы арабского мира были потрясены «арабскими веснами» до такой степени, что восстания вызвали страх заражения и обеспокоенность растущей небезопасностью в регионе. Это заставило страны Персидского залива проводить внешнюю политику в пользу «старых» режимов (поддерживая репрессии как финансово, так и материально) [3. С. 8]. В этом контексте Марокко предстает как политически стабильная страна, которая справилась с немногочисленными социальными движениями путем проведения реформ и для которой важны понятия территориальной целостности, безопасности и стабильности. В 2012 году посол Саудовской Аравии в Марокко заявил, что региональные и международные вопросы являются предметом почти ежедневных консультаций и координации между двумя странами, и подтвердил совпадение взглядов двух государств на «проблемы, бросающие вызов арабскому и исламскому омму» [2. Р. 5]. Это пример проактивного характера саудовской дипломатии в условиях «арабских весен». Помимо этой контекстуализации, присоединение Марокко позволит ССАГПЗ получить дополнительный политический вес в регионе, что будет иметь последствия в отношении с третьими сторонами, такими как Иран или США (которые потенциально могут быть рады созданию антитеррористической линии в регионе, опасаясь радикализации и «авторитаризации» монархических систем).

С религиозной точки зрения тот факт, что Марокко является суннитской монархией, несомненно, важен. Присоединение Марокко к ССАГПЗ можно анализировать как стремление создать суннитскую ось, целью которой может быть противодействие шиитской угрозе (Марокко разорвало дипломатические отношения с Ираном в 2009 году) или нет. Кроме того, существуют важные связи между королевскими семьями стран Персидского залива и марокканской королевской семьей. Во-первых, королевские семьи Марокко и Иордании имеют мощный символический вес для всего арабского мира, поскольку являются потомками Пророка (династии Алавитов и Хашимитов являются «херифскими», то есть потомками Мухаммеда через его дочь Фатиму, через одного из двух ее внуков, Хасана и Хусайна). Король Саудовской Аравии также имеет символическое значение для всех королевских семей мусульманского мира, поскольку с 1924 года он носит титул «Хранителя святых мест», то есть Мекки и Медины. Эти символические и религиозные весомости укрепляют связи между королевскими семьями Персидского залива, Марокко и Иордании. Более того, королевские семьи поддерживают эти отношения на протяжении веков, часто организуя межсемейные браки [4]. Эти элементы способствуют созданию ощущения «общей судьбы» в монархиях Персидского залива и Марокко.

Выводы. Отношения между Марокко и странами ССАГПЗ в последние годы претерпели значительную эволюцию: они, как правило, не сводятся только к сумме двустороннего сотрудничества (Марокко – Саудовская Аравия, Марокко – ОАЭ и т.д.), а основываются на установлении партнерства между государством

(Марокко) и многосторонней организацией. Однако можно задаться вопросом, было ли решение предложить членство Марокко принято на многосторонней основе (или в одностороннем порядке – Саудовской Аравией).

Наконец, «старые» модели управления (монархии) используют очень современный инструмент для регулирования напряженности и управления на международной арене: многосторонность. Использование этого инструмента позволяет монархическим режимам вооружиться, чтобы противостоять вызовам, порождаемым социальными (в частности, проблемами экономического развития и улучшения социальных условий) и идеологическими (рост радикального исламизма) трансформациями. Это также предлагает способ преодолеть европоцентричное видение монархической формы как обреченной на исчезновение или выживание без какой-либо иной власти, кроме символической (как в Великобритании, Испании или Бельгии). Используя многосторонний подход, арабские монархии интегрируются в международную систему, модернизируя свои инструменты так же, как и республиканские режимы. Эти эволюции показывают, что арабские монархии разработали «международный опыт» и многосторонние практики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Бывший министр иностранных дел Египта Набиль аль-Араби с мая 2011 года является новым генеральным секретарем Лиги арабских государств.
- (2) В состав ССАГПЗ с момента его создания 25 мая 1981 года входят шесть монархий Персидского залива: Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты.
- (3) Интервью во время визита в Кувейт в начале июня 2011 года.
- (4) Йемен участвует в работе специальных комитетов по социальным вопросам, образованию, труду и здравоохранению.
- (5) Решение о военной интервенции в Ливию было принято после голосования по резолюции 1973 Совета Безопасности ООН 17 марта 2011 года, получив поддержку подавляющего большинства 22 арабских государств, входящих в Лигу арабских государств, и, в частности, всех шести стран Персидского залива.
- (6) Четыре из шести стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, являются членами Стамбульской инициативы сотрудничества (ICI), которая была выдвинута на саммите НАТО в Стамбуле в июне 2004 года: Кувейт, Бахрейн, ОАЭ и Катар.
- (7) The National, 12 июня 2011 г. С. Koch – специалист по вопросам безопасности и обороны в Исследовательском центре Персидского залива, где он возглавляет Международные исследования, частный саудовский аналитический центр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Дази-Хени Фатиха.** «Совет сотрудничества стран Персидского залива: укрепление сотрудничества в области безопасности и обороны» // CERIS Sciences Po, сентябрь 2011 г.
2. Заявления г-на Аль-Бичра Мохамеда Абдеррахмана: Министерство иностранных дел Марокко, «Déclarations de personnalités sur les relations Maroc-pays du Golfe», 2012.
3. **Кинле Эберхард.** «Последствия арабской весны для безопасности» // Женевские документы GCSP, Исследовательская серия № 10, январь 2013 г.
4. **HERB Michael.** All in the Family: Абсолютизм, революция и демократия в ближневосточных монархиях, Государственный университет. Нью-Йорка, 1999 г.

MAYUET MAROUAN

Postgraduate student of the Department of International History relations and foreign policy of the Russian Friendship University peoples named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

GCC COOPERATION COUNCIL: STRENGTHENING SECURITY AND DEFENSE COOPERATION

The Arab Spring appears to have accelerated the formation of security and defense policies that the Gulf Cooperation Council (GCC) has sorely lacked in its 30 years of existence. Indeed, the GCC, which includes a fairly homogeneous set of six monarchical regimes, has failed to create a coherent and effective collective structure in this area over these three decades. The Joint Security Forces' military intervention in Bahrain, Peninsula Shield, on March 14, 2011, led by Saudi Arabia, is an unprecedented joint military action in the region. Of course, the Saudis have always been known for their hegemonic intrusions into the affairs of other GCC members and even neighboring Yemen, both regarding border demarcation issues and the internal or diplomatic policies of their neighbors.

Key words: GCC, Morocco, Western Sahara, Arab Spring, Monarchy.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.022

УДК 5.6.7.

Л.В. ОЛЬШАНСКАЯ

кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Юриспруденция»
Московского международного университета, Россия, г. Москва
E-mail: olshanskaya.miiit@mail.ru

А.А. БАЛАНДОВА

студент бакалавриата
Института международных транспортных коммуникаций
Российского университета транспорта (МИИТ),
Россия, г. Москва
E-mail: a_balandova@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ МЕКСИКАНСКО-АМЕРИКАНСКОГО МИГРАЦИОННОГО КОРИДОРА И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Миграционный феномен по сей день остается одним из наиболее широко рассматриваемых, поскольку позволяет изучать не только дипломатические, экономические, торговые, трудовые и культурные отношения между странами, но и выявлять аспекты глобальной демографии и социальной структуры. Более того, миграция продолжает оставаться ключевым фактором формирования обществ по всему миру, оказывающим свое воздействие на рынки труда, культурный колорит, политические ландшафты и экономические диспропорции. Миграционный коридор между Мексикой и США до сих пор остается актуальной темой повсеместных дебатов, поскольку непрерывно оказывает свое воздействие не только на атмосферу политического диалога между странами, но и на внутреннюю структуру их обществ. Понимание истории этого миграционного коридора имеет решающее значение для отслеживания динамики безопасности границ, соблюдения прав человека, социальной интеграцией и состояния рынков труда на современном этапе. Кроме того, в условиях экономической нестабильности и меняющихся моделей взаимодействия политических элит на мировой арене, изучение коридора Мексика-США дает представление о сложности построения диалога между этими странами на фоне тесного переплетения экономических, социальных и геополитических факторов, которые формируют миграционные потоки и усложняют процесс принятия аккордных решений. Миграционные процессы, особенно в таких масштабных коридорах, как Мексика-США, требуют глубокого понимания множества аспектов, включая анализ исторических предпосылок и текущих экономических и социальных условий, именно поэтому исследование миграционных тенденций и их влияния на общества помогает формировать более эффективные стратегии управления

миграцией, которые могут способствовать укреплению международного сотрудничества и улучшению политического климата в рамках решения определенных миграционных проблем.

Ключевые слова: мексиканско-американский миграционный коридор, мексиканская миграция, США, исторический анализ, двусторонние отношения.

В современном мире наблюдается перманентные процессы перемещения людей в беспрецедентных масштабах – большее, чем когда-либо, число людей проживает не в тех странах, в которых они родились. По данным Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, по состоянию на 1 июня 2020 г. численность международных мигрантов в мире оценивается в 281 млн. человек, что составляет около 3,5% населения мира, в то время как в 2000 г. показатель равнялся 2,8% [1].

На международном уровне достаточно продолжительное время не существовало общепризнанного определения понятия «мигрант», пока Международной организацией по миграции (МОМ) не было дано конструктивное пояснение: мигрантом является любое лицо, которое перемещается или уже переместилось через международную границу или внутри государства и покинуло место своего обычного жительства независимо от юридического статуса лица, добровольного или недобровольного характера перемещения, причин перемещения или продолжительности пребывания [1]. В то же время необходимо упомянуть определение «миграции». Согласно Демографическому словарю ООН, «миграция – это такое событие, при котором люди перемещаются из одной географической области в другую» [7].

Таким образом, человеческая мобильность, добровольная, из-за поиска места с возможностью повышения экономического благополучия или улучшения жизненных условий существования лица, либо вынужденная, вызванная политическими потрясениями, преследованиями, катаклизмами или вооруженными столкновениями правительств, так или иначе связывает различные места друг с другом. В итоге, образуется определенная сеть связей, которая простирается за пределы любого конкретного места и охватывает весь мир [10].

Миграционный коридор Мексика-США оставался одним из наиболее оживленных в мире в последние десятилетия, однако, важно упомянуть, что процессы перемещения и миграции между двумя странами имеют очень долгую историю, которая берет свое начало задолго до прихода первых европейцев в Америку [9]. Первые миграционные потоки были связаны с распространением культуры майя на север, а также с торговыми операциями между различными индейскими народами. В колониальный период миграция между Мексикой и США стала более сложной и противоречивой, так как обе страны подверглись завоеванию и освоению со стороны европейских держав – Мексика закрепилась под властью Испании, а территории США под политическими элитами Великобритании, Франции, Швеции, Испании и Голландии. В этот период перемещения в мексиканско-американском коридоре происходили как добровольно,

так и под принуждением. В итоге, происходило смешение разных культурных и этнических групп, что способствовало формированию разнообразного и многонационального общества. В XIX в. миграция между Мексикой и США усложнялась влиянием борьбы за независимость, гражданских войн и территориальных споров. Именно в этот период США начали интервенцию Мексики и отторгли от территории страны значительные части, включая нынешние Техас, Калифорнию, Нью-Мексико, Аризону, Неваду, Юту, также территории Колорадо, Вайоминга, Оклахомы и Канзаса, что в итоге привело к изменению не только границ между странами, но и правового статуса многих мексиканцев, которые оказались гражданами США. В то же время довольно активно многие американцы переезжали в Мексику в поисках земли, работы или прочих новых возможностей [6].

В XX в. необходимо выделить четыре основных момента, под влиянием которых формировались миграционные процессы в рамках мексиканско-американского коридора. Первый момент включает в себя влияние вооруженного этапа революции в Мексике (1910-1920 гг.), второго президентского срока В. Вильсона в США (1918-1921 гг.) и Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Второй момент касается медленного восстановления национальной экономики Мексики и самого государства в целом на фоне активизации США. Третий момент включает влияние периода Великой депрессии (1929-1934 гг.) и дипломатической напряженности между странами (1930-1940 гг.), а четвертый момент характеризуется последствиями Второй мировой войны (1939-1945 гг.) и изменениями внутренних процессов в Мексике и США, которые отразились и на двусторонних отношениях [13].

В. Вильсон, демократ, занявший пост президента США 4 марта 1913 г., столкнулся с трудностями признания правительства генерала В. Уэрты, мексиканского государственного и военного деятеля. Исходя из уверенности в том, что задача США заключается в принесении мира и благополучия другим народам, В. Вильсон решил вторгнуться в Мексику с целью оказания помощи мексиканскому народу в достижении создания честного конституционного правительства. Вначале он отказывался от приказа о военном вмешательстве, однако, учитывая отказ преемника В. Уэрты, В. Каррансы, прийти к соглашению, он приказал вторгнуться в порт Веракрус в 1914 г. В 1915 г. США признали правительство В. Каррансы, а в 1917 г. их участие в Первой мировой войне способствовало открытию американского рынка труда, который нуждался в рабочей силе для бесперебойного производства, особенно во время ведения боевых действий. Тем не менее, за несколько месяцев до этого был принят Закон Бернетта, ограничивающий иммиграцию несовершеннолетних в возрасте до 16 лет и требующий доказательства их грамотности и уплаты 8 долл. за каждого мигранта. Это положение затронуло иммигрантов из Восточной и Южной Европы, а также привело к депортации мексиканских рабочих и затруднило законное пересечение границы.

Когда стало недостаточно рабочей силы в сельском хозяйстве, автомобильных и железнодорожных компаниях, горнодобывающей промышленности

и промышленности в целом, было сделано исключение для временных рабочих, занятых только сельскохозяйственными работами. Таким образом, к концу Первой мировой войны мексиканское присутствие на трудовом рынке Соединенных штатов стало более ощутимым: к 1921 г. мексиканцы работали на сталелитейных заводах и мясокомбинатах в Чикаго, на автомобильных заводах Детройта, а также на сельскохозяйственных полях Юго-Запада, способствуя расширению американской экономики.

В 1930-е гг. влияние Великой депрессии в США и президентство Ф. Рузвельта создали условия для сглаживания острых углов между правительствами Соединенных Штатов и Мексики. Так, был взят курс на политику добрососедства и закрепление союзов со странами Латинской Америки, а в 1941 г. политическими лидерами США и Мексики были достигнуты соглашения об урегулировании претензий со времен мексиканской революции и выплате компенсаций национальным компаниям.

Обострение ситуации вокруг миграционного коридора начало происходить в 1950-х гг., когда из-за ранее утвержденной и согласованной программы Брасеро, с целью удовлетворения американского спроса на рабочую силу посредством привлечения мексиканского труда, потоки мигрантов начали становиться неуправляемыми. С помощью данной программы было мобилизовано более пяти миллионов рабочих, а политические ресурсы успешно устраняли все возможные препятствия по пересечению границ. Когда программа была отменена в 1954 г. правительство Мексики было вынуждено признать, что не может даже с помощью принудительных инструментов остановить возрастающие миграционные потоки, а администрация Д. Эйзенхауэра в свою очередь признала, что эмиграция явно вышла из-под контроля.

Обобщая все вышеуказанные моменты, можно сказать, что в период с 1917-1960 гг. мексиканская эмиграция в США приобрела свою значимость в качестве экономического феномена. С одной стороны, миграционные потоки способствовали развитию и пополняемости рынков труда обеих стран: спрос на рабочую силу в Соединенных Штатах, являющийся результатом динамично преобразующейся внутренней и внешней ситуации, все еще превышал предложение мексиканских рабочих, что приводило к документированной и недокументированной миграции. С другой стороны, со временем, мексиканская эмиграция обострила двусторонние отношения, так как полномасштабный национальный экономический кризис в США в то время привел к массовой безработице и показал последствия переизбытка рабочей силы. В попытке разрешить ситуацию в течение, приблизительно, 40 лет правительством США были применены следующие инструменты: консульские перемещения, дипломатические ноты, соглашения, давления с целью репарации тысячи мексиканцев, вооруженные конфликты и угрозы. Таким образом, изначальное привлечение рабочей силы в США с целью развития экономики обернулось неудобствами, так как численность прибывающих мексиканцев с документами и без продолжала расти, и, со временем, массовая эмиграция переросла в массовую депортацию [13].

Открытие на территории Мексики нефтяных и газовых запасов в середине 1970-х гг. существенно обострило миграционную проблему – значимость страны для США мгновенно возросла, и появился шанс на выравнивание мексиканско-американских взаимоотношений, особенно в экономической сфере [2]. Поток нелегальных мигрантов, желающих найти работу и лучшие условия труда, значительно увеличился и их приблизительное число достигало 1,5 млн. человек в год [3]. Именно поэтому начиная с 1980-х гг. правительством США было принято решение проведения политики сокращения количества мигрантов, пересекающих мексиканско-американскую границу, с изменением их правового статуса, посредством внесения изменений в законодательство Соединенных Штатов и принятия новых законопроектов. Одним из наиболее серьезных шагов в создании системы регулирования миграционного коридора стал Закон о реформе и контроле над иммиграцией (1986 г.), ключевой целью которого стало снизить количество прибывающих иммигрантов в страну. Для его успешной реализации было выбрано два основополагающих момента: во-первых, относительно работодателей, которые нанимали на работу мигрантов без засвидетельствованного иммиграционного статуса, применялись жесткие санкции, во-вторых, была предусмотрена легализация мигрантов [2].

Впоследствии законодательная база США для разрешения миграционного кризиса стала постепенно развиваться. Так, в 1990 г. был принят Закон об иммиграции, согласно которому вводилось четко определенное количество ежегодно выдаваемых иммиграционных виз – максимальное число людей составляло 675 тыс. Параллельно с этим реализовывались меры по созданию дополнительной безопасности на мексиканско-американской границе: были дополнительно наняты около 1000 пограничников для увеличения численности патрульных отрядов [5].

В XXI в. развитие правовой базы миграционного вопроса продолжается, тем не менее, в начале 2000-х какие-либо попытки принять новую реформу, поправку или закон проваливались. В феврале 2001 г. президентом США Дж. Бушем-мл. был поднят вопрос мексиканской миграции, в результате чего на официальных переговорах с Мексикой была принята миграционная реформа, однако события 11 сентября 2001 г. в корне изменили настрой администрации президента – все мигранты тотчас превращались в потенциальную террористическую угрозу. Именно тогда, с 2001 г., политические элиты Мексики начали разрабатывать собственную стратегию по преодолению сложившейся ситуации. Было решено взять курс на повышение уровня жизни в стране, с целью увеличения ее привлекательности для мексиканских граждан, а также расширен круг политических возможностей для мигрантов, проживающих за пределами страны – было разрешено принимать участие в выборах [2].

Правительства двух стран до сих пор пытаются создать всеобъемлющую правовую базу четкой регламентации миграционных потоков в рамках коридора Мексика-США, тем не менее, решить такую масштабную проблему все еще не удалось. При президентстве Б. Обамы была попытка выработать новую

миграционную реформу, повышающую контроль за пересечением государственной границы – было предусмотрено ужесточение ранее существующих правил посредством усиления пограничной охраны и надзорного контроля, введения дополнительных проверок на подтверждение легального статуса мигранта и пр. Принципиально новым пунктом стало появление визы «В будущем законный мигрант» (Lawful Prospective Immigrant visa), что буквально означало возникшую возможность на дальнейшее получение гражданства США по истечению восьми лет проживания в стране [11]. Тем не менее, программу не поддержали, и законопроект остался замороженным.

С начала своего президентского срока Д. Трамп выступал с резкой критикой в адрес Мексики по всем основным направлениям двусторонних отношений, в том числе по вопросам НАФТА, миграции и наркотрафика, а также повсеместно выступал с лозунгом «Америка только для американцев», поэтому все четыре года пребывания на посту Д. Трампа Соединенные Штаты шли по пути ужесточения иммиграционных мер [4]. В результате, к 2021 г. на законодательном уровне был установлен лимит приема беженцев до 15 тыс. человек в год – минимального уровня с 1980-х гг. [8]. Более того, были закреплены жесткие ограничения в сфере семейной миграции, ограничено действие государственной программы DACA, дающей право законного проживания в США детям нелегальных мигрантов, активно финансировалось возведение оградительного сооружения, разделяющего США и Мексику, чтобы предотвратить нелегальное пересечение государственной границы, а также была предпринята попытка аннулировать визовую лотерею. Более того, именно при Д. Трампе была создана программа «Остаться в Мексике», когда лиц, ищущих убежища на южной границе США, отправляли обратно в Мексику до окончания рассмотрения их дела в суде [12]. В итоге, к концу президентского срока Д. Трампа легальная миграция в США сократилась на 49% [4].

Тем не менее, политика, пришедшего на смену Д. Трампу, Дж. Байдена в корне отличалась от проводимой его предшественником ранее. Дж. Байден вступил в должность в 2021 г. с обещанием реформировать то, что он назвал «бесчеловечным» подходом к иммиграционной политике США. Изменения в иммиграционных правилах включали: 100-дневный мораторий на депортацию, приостановление строительства пограничной стены, отмену политики отделения детей от родителей-иммигрантов на границе, введение специальной категории виз для иностранцев, имеющих американских родственников-иммигрантов, что даст и право находиться на территории США и легально работать, пока идет рассмотрение их иммиграционного дела, а также увеличение годового лимита на прием беженцев до 125 тыс. человек, т.е. более, чем в 7 раз [12]. В итоге, в 2022 г. число задержаний на южной границе США превысило 2,3 млн., что стало рекордным показателем [12].

Таким образом, подводя итог, можно резюмировать, что история мексиканско-американского миграционного коридора – сложная и многогранная тема, охватывающая не только процесс развития двусторонних отношений

в различных областях, но и возникающие противоречия и спорные моменты в проводимых политиках двух стран. Понимание становления данного коридора и регулирующей его правовой базы играет ключевую роль для анализа текущего состояния миграционных процессов между Мексикой и США и получения наглядного свидетельства динамичной природы трансграничной мобильности.

Правовая база для регулирования миграции значительно эволюционировала с течением времени, отражая изменения в спросе на рабочую силу, геополитической динамике, общественных настроениях, а также естественное стремление решить возникшую ситуацию в долгосрочной перспективе. Вопрос о всеобъемлющей иммиграционной реформе был постоянной темой дебатов, с предложениями, направленными на изменение статуса иммигрантов без документов, усиление безопасности границ и реформирование программ временного трудоустройства, однако создать устойчивую правовую систему, которая бы смогла универсально регулировать пересечение границ иммигрантами, вне зависимости от проводимой политики той или иной президентской администрации, пока не удалось. Все это говорит о том, что источник проблемы кроется больше во внутренней политике Мексики и состоит из нескольких элементов – уровня жизни, финансового потенциала и экономических благ, предлагаемых государством для его граждан. Исходя из этого, можно сказать, что учитывая большое количество нелегальных мексиканских мигрантов в Соединенных Штатах, именно Мексика могла бы сыграть определенную роль в преодолении миграционного кризиса – в долгосрочной перспективе экономическое развитие и создание рабочих мест в Мексике широко рассматриваются как одни из лучших инструментов сокращения несанкционированной эмиграции. Тем не менее, принимая во внимание взаимосвязь между международной торговлей и финансовыми потоками, экономической помощью США и экономическими возможностями в Мексике, нужно отметить, что перспективные области для политики по сокращению нелегальной миграции в будущем все еще существуют.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Глобальные вопросы повестки дня. Миграция // Организация Объединенных Наций // <https://www.un.org/ru/global-issues/migration>.
2. **Гришина А.Е.** Миграционное измерение американо-мексиканских отношений // <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnoe-izmerenie-amerikano-meksikanskih-otnosheniy/viewer>.
3. Закон США для новых иммигрантов / Янко Слава // <http://yanko.lib.ru/books/law/zakonusa.htm>.
4. Иммиграционная политика Байдена США-2021: все по-новому // American Corporate Services. Law Offices // <https://business-visa-usa.ru/blog/immigration/item/235-immigratsionnaya-politika-bajdena-ssha-2021-vse-po-novomu>.
5. **Маганья Л.** Иммиграционная политика США: тенденции и результаты // https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/imm_politika_usa.htm.

6. **Прилуцкий В.В.** Американско-Мексиканские пограничные конфликты в 1870-1910-е годы // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 3.
7. Проблемы миграционного кризиса на примере Европейского союза // Stud.kz // <https://stud.kz/ru/referat/show/116779>.
8. Трамп снизил лимит приема беженцев до рекордно низкого уровня в 15 тыс. // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9834219>.
9. **Цапенко И.П.** Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (5).
10. **Carling J.** Migration corridors: conceptual and methodological issues // https://www.researchgate.net/publication/350947826_Migration_corridors_conceptual_and_methodological_issues.
11. **Gomez A.** White House Immigration Plan Offers Path to Residency // USA Today // <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2013/02/16/obama-immigration-bill/1925017/>.
12. **Roy D.** Ten Graphics That Explain the U.S. Struggle With Migrant Flows in 2022 // Renewing America // <https://www.cfr.org/article/ten-graphics-explain-us-struggle-migrant-flows-2022>.
13. **Tapia C.E.** La migración mexicana en la relación bilateral México-Estados Unidos (1917-1970): Un ensayo exploratorio // Revista Cimexus. 2012. № VII (1).

L.V. OLSHANSKAYA

PhD in Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Moscow International University, Moscow,
Institute of International Transport Communications,
Moscow, Russia

A.A. BALANDOVA

Undergraduate student
Russian University of Transport (MIIT),
Institute of International Transport Communications,
Moscow, Russia

HISTORY OF THE FORMATION OF THE MEXICAN-AMERICAN MIGRATION CORRIDOR AND DEVELOPMENT OF ITS LEGAL REGULATION SYSTEM

The migration phenomenon to this day remains one of the most widely considered, since it allows us to study not only diplomatic, economic, trade, labor and cultural relations between countries, but also to identify aspects of global demography and social structure. Moreover, migration continues to be a key factor in shaping societies around the world, influencing labor markets, cultural identities, political landscapes and economic disparities. The migration corridor between Mexico and the United States still remains a current topic of widespread debate, since it continuously affects not only the atmosphere of political dialogue between countries, but also the internal structure of their societies. Understanding the history of this migration corridor is critical to tracking the dynamics of border security, human rights, social inclusion and the state of labor markets today. Moreover, in the context of economic instability and changing patterns of interaction between political elites on the world stage, studying the Mexico-US corridor provides insight into the complexity of building dialogue between these countries against the backdrop of the close interweaving of economic, social and geopolitical factors that shape migration flows and complicate the adoption process chord solutions. Migration processes, especially in such large-scale corridors as Mexico-USA, require a deep understanding of many aspects, including analysis of historical background and current economic and social conditions, which is why the study of migration trends and their impact on societies helps to formulate more effective migration management strategies that can help strengthen international cooperation and improve the political climate in solving certain migration problems.

Key words: Mexican-American migration corridor, Mexican migration, USA, historical analysis, bilateral relations.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.023

УДК 32.327

ОСМАНИ АБДУЛ ХАЛИД

аспирант института социально-философских
наук и массовых коммуникаций Казанского Федерального
Университета, Россия, г. Казань
E-mail: Osmni@mail.ru

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Афганистан представляет собой одну из самых сложных мозаик этнических групп в мире, и его современная история характеризуется этнической иерархией. Иерархические отношения между этническими группами всегда были препятствием для создания этнического согласия в Афганистане. В статье делается попытка проанализировать, как и почему этническая принадлежность в Афганистане была политизирована и превратилась в линию разлома. В статье также будет обсуждаться влияние междоусобного конфликта на межэтнические отношения и исследуются возможные варианты решения. Только значимый механизм разделения власти может склеить будущий Афганистан воедино.

Ключевые слова: Афганистан, этнический конфликт, этнические группы, Пуштуну, децентрализация, дестабилизация, разделение власти.

После падения режима талибов и последующего присутствия международного сообщества в 2001 году Афганистан оказался на пороге экономического, политического и социально-культурного возрождения. В течение двадцати лет международное сообщество финансировало процессы демократизации и создавало сильную армию. Однако, несмотря на все усилия, зарождающаяся демократия в Афганистане закончилась 15 августа 2021 года, когда Гани бежал из страны и позволил талибам захватить контроль над страной.

Теперь возникает вопрос, что, учитывая огромные инвестиции в государственное строительство, армию, гражданское общество, образование и так далее, как правительство рухнуло в одночасье. В отличие от других исследований, эта статья предлагает совершенно иной подход к ответу на этот вопрос. При этом в статье прослеживается процесс событий, происходивший за десятилетие до прихода к власти нового правительства в 2001 г., чтобы продемонстрировать, в какой степени политическая структура после 2001 г. была совместима с общественно-политическими реалиями на том основании что, считается, создание высокоцентрализованной структуры в крайне разделенном обществе, где этническая принадлежность давно стала политизированной, лишено политической рациональности [13]. Сильный президентский режим с его подходом

«победитель получает все» не только не способствовал стабильности и демократии, но еще больше углублял социально-этнические противоречия. Эта порочная структура усилила общественное недоверие к правительству, что привело к кризису легитимности и его последующему быстрому краху.

Афганистан как разделенная страна не смог успешно пройти процесс национального строительства. Опыт других многоэтнических стран и затяжная трагедия самого Афганистана показывают, что до тех пор, пока не будет найдено рациональное решение, благодаря которому все этнические группы ощутят себя вовлеченными, эта травматическая драма будет продолжаться.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [6; 2; 9; 18; 3; 8; 10; 4; 1; 5; 7].

Однако проблему нациестроительства и влияния этнического фактора на политическую стабильность государства нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Исторически Афганистан описывался как мозаика различных этнических групп. Его население делится на четыре основные этнические группы — пуштуны, таджики, хазарейцы и узбеки – и множество более мелких. таджики на северо-востоке, пуштуны на юге, хазарейцы в центре и узбеки на северо-западе [12]. Неоднородность населения настолько велика, что ничто, даже ислам, которого придерживаются около 99% населения, не может функционировать как сила национального единства. Этническое разделение является выдающейся социальной чертой жизни, и основная лояльность проявляется к этнической группе, которая называется Каум. Этнические группы настолько различны, что их можно идентифицировать только по физическим чертам лица. Никогда не было соглашения о населении Афганистана, потому что перепись населения не проводилась должным образом. С 1970-х по 1990-е годы наиболее часто упоминаемой цифрой было шестнадцать миллионов. Согласно данным веб-сайта Worldmeter (март 2023 г.), нынешнее население Афганистана составляет около 42 миллионов человек. В отсутствие точной национальной переписи любая цифра, которая приводится как все население Афганистана или население каждой этнической группы, является чистой догадкой.

Афганистан исторически имел квазифедеральную систему, и этнические группы пользовались разумной степенью местного управления. Абдур Рахманхан, вступивший на престол в 1880 году, попытался управлять Афганистаном напрямую и начал жестокую кампанию централизации. Ему удалось положить конец региональной автономии и сосредоточить всю политическую власть в Кабуле. Пуштуны стали политически привилегированной группой Афганистана. Хотя таджики частично управляли администрацией правительства, они не обладали никакой политической властью. Лидеры хазарейцев, узбеков, аймаков и Белуджей исчезли из общественной жизни даже в своих родных

регионах [11]. После Абдур Рахмана все режимы пытались сохранить его модель правления, даже когда это приносило стране крах.

Идея сопротивления любому механизму разделения власти и практически поставили крест на перспективах мирного сосуществования различных этнических обществ в Афганистане. Страна, которая сегодня называется Афганистаном, веками находилась под контролем Пуштуны, Пуштуны были правителями Афганистана один за другим с небольшими перерывами. Например, когда режимы Амануллы из-за его радикальных реформ были свергнуты в 1929 г., Хабибулла Калакани был первым таджиком, провозгласившим себя королем Афганистана. Через девять месяцев пуштунские племена вытеснили Калакани из Кабула и возвели на престол пуштуна Мухаммада Надира. Надир считал, что трон Кабула является делом пуштунской национальной чести, и восстановил этническую иерархию. Считая этническую политику полезной для своего дела, эта риторика стала краеугольным камнем всех пуштунских правителей. Отстранение Калакани от власти и его последующая казнь Надиром вызвали сильную волну негодования таджиков и до сих пор живы в их коллективной памяти.

К 1980-м годам в Афганистане уже были все предпосылки для массовой враждебности – рациональные обиды, негативные этнические стереотипы, споры об эмоциональных символах, демографические страхи и история господства. Слабое правительство в Кабуле также предоставило этническим лидерам политическое пространство, необходимое для мобилизации вокруг этнических проблем и участия в перекупах.

В таком климате этнические элиты пытались развивать свою этническую организацию в форме этнополитической партии. Через этнические партии этнический лидер не только мобилизовал своих и исключил этнических аутсайдеров, но и возродил их этнический нарратив.

Этническое происхождение политических партий было настолько сильным, что иногда партия и родственная этническая группа считались синонимами. Джамиат Ислами (исламское общество) считалось политической партией таджиков. Хизб-и Ислами (Исламская партия) Хекматияра, Хизб-и Вахдат (Единая партия) Мазари и Джунбеш-и-Милли (Национальное движение) Дустума представляли собой политические партии пуштунов, хазарейцев и узбеков соответственно. Все эти этнические партии использовали этническую принадлежность в связи с конкретным политическим требованием. Непуштунские лидеры выразили свое неудовольствие господством пуштунов в Афганистане и потребовали доли экономических и политических ресурсов государства для их соответствующей этнической группы. Этнические расколы были настолько глубоки, насколько этнические партии яростно противостояли друг другу. Например, Джунбеш-и-Милли «был создан с присущей ему враждебностью по отношению к пуштунам». В июне 1990 г. Генерал Дустум, управлявший северными провинциями, открыто заявил: «Узбеки... Афганистана не допустят ситуации, когда всем будут командовать пуштуны, как в былые времена» [20; 21].

Как только Моджахеды захватили власть в 1992 году, члены режима Наджиба присоединились к джихадистским партиям на основе этнических связей, и этнические аспекты конфликта стали еще более заметными.

Пуштунские элементы коммунистического режима присоединились к радикальной исламистской партии Хекматияра, чтобы объединить пуштунов. в то время как таджикские офицеры присоединились к Масуду.

Когда северные силы, союз таджиков и узбеков, приблизились к Кабулу в апреле, пуштунские военные офицеры режима Наджиба – в основном Халкис – организовали проникновение невооруженных бойцов Хизб-и-Ислами в городе, где они должны были получить военные средства от своих соплеменников. Угроза неминуемого переворота со стороны Хикматияра вынудила Масуда действовать до того, как лидеры Пешавара достигли соглашения. 25 апреля 1992 года в город вошли силы Масуда и Дустума.

Хазарейцы также присоединились к северному союзу. В результате ожесточенных боев у президентского дворца пуштунские силы Халки были изгнаны из альянса. Базирующиеся в Пешаваре лидеры, долгое время руководившие войной, достигли соглашения 25 апреля 1992 года. Согласно Пешаварскому соглашению, Моджаддеди стал исполняющим обязанности президента 28 апреля на два месяца. Пост премьер-министра был отдан Хекматияру. Через два месяца, как и было условлено, Бурхануддин Раббани, лидер могущественного Джамиата Ислами, к которому принадлежал Масуд, стал президентом Афганистана на четыре месяца.

Раббани был вторым таджиком, когда-либо ставшим главой государства в современном Афганистане. Поскольку это противоречило модели мышления, согласно которой пуштуны считали государственную власть естественно принадлежащей им, пуштунские элиты перебывали ставки.

Хекматияр отказался занимать пост премьер-министра и бросил вызов временному правительству с момента его создания. Он стремился подорвать идею коалиционного правительства. Хекматияр пытался стать бесспорным правителем Афганистана. Поскольку он не достиг цели, он попытался сделать Пешаварское соглашение полностью неэффективным. Хекматияр «покаялся либо захватить Кабул, либо разрушить его» [22]. Ранее соперничество между Масудом и Хикматияром приняло «размеры битвы за контроль над Афганистаном между пуштунами и непуштунами». Хекматияр направил своих военных против Кабула в августе 1992 г. Чтобы оказать давление на Масуда и получить рычаги влияния за столом переговоров, он решил провести военные действия против мирных жителей, причинив им боль, смерть и экономические трудности. Легитимация войны как джихада потеряла свою привлекательность, а этнические политические партии питали столкновения нерелигиозной логикой. Чтобы заручиться поддержкой населения и мобилизовать людей, этнические лидеры использовали этнический дискурс.

С началом войны за контроль над Кабулом (с 1992 г.) этническая идентичность стала главным фактором в претензиях политических партий на легитимность.

Все партии пытались навязать этническую гомогенизацию на территориях, которые они контролировали, или, по крайней мере, пытались установить свою этническую категорию как доминирующую в этих областях.

Длительное господство пуштунов в стране было источником глубокого недовольства непуштунов. Теперь правительство в Кабуле, в котором доминируют таджики, вызвало серьезное беспокойство среди пуштунских племен. Оппозиция Хикматияра правительству играла на этнических страхах пуштунов. Он обвинил Масуда в попытке захватить власть у так называемой группы большинства (пуштунов).

В военном столкновении за контроль над районом Афшар между Масудом и Мазари в феврале 1993 года силам, верным Масуду, удалось взять под контроль Афшар. Разочарованные режимом, в котором доминируют таджики, Мазари и Достум присоединились к оппозиции, сосредоточенной вокруг Хекматияром в 1994 году. У лидеров этого недавно возникшего альянса было много нерешенных вопросов, однако то, что свело их вместе, было их общим врагом: Масудом.

С января 1994 года обе стороны участвовали во многих разрушительных сражениях, но ни одна из сторон не смогла добиться явного превосходства. К концу 1994 года бомбардировки Кабула Хекматияром и его союзниками разрушили половину столицы и убили почти 25 000 мирных жителей. Ставя этнические соображения на первое место, все стороны совершали массовые нарушения прав человека.

Включение в политическую систему представительных политических сил таджикского, узбекского и других основных этносов, а также шиитского меньшинства можно рассматривать как необходимое условие реализации позитивного сценария. Государственная система, основанная на пуштунском этническом национализме, будет не только внутренне неустойчивой, но и не вполне легитимной в глазах афганского большинства.

Ученые считают, что для многонациональной страны, вставшей в этнический конфликт, можно рассматривать только два решения: раздел или децентрализация.

Первая группа ученых утверждает, что если этнические группы не могут жить вместе из-за этнического конфликта, то нелогично искать компромисс между ними. Им лучше жить обособленно в отдельных и относительно однородных государствах, потому что это может устранить дилемму безопасности, с которой сталкиваются все стороны [12].

Это решение все чаще рекомендуется для многоэтнических государств, в которых этнические группы исторически не могли достичь надежного соглашения, основанного на исторических/культурных различиях.

В стране, где группы не имеют общей истории и культуры, «любая попытка создать унитарное государство обречена на провал». Афганистан был действительно «балканизирован» и разделен по этническому признаку в 2001 г.,

который мог легко разбиться на более мелкие части, однако ни одна из сторон не проявила интереса к разделу.

Вторая группа ученых считает, что полиэтнические общества не смогут сформировать стабильное государство, если не будет разумного распределения власти. Действительно, федеративные и автономные механизмы могли бы помочь в ряде стран, в которых некоторые группы чувствуют себя исключенными. Значимая децентрализация власти – жизнеспособный политический вариант в разделенных странах.

Децентрализованная система управления могла бы помочь всем группам чувствовать себя включенными, позволяя им управлять собой в своих соответствующих регионах.

Таким образом, децентрализация имеет решающее значение для решения этнического конфликта в многоэтнических государствах и прокладывания пути к мирному сосуществованию. Многие эксперты и политики в свете этнокультурной неоднородности считают, что Афганистан является «идеальным кандидатом на федерализм» [11] и только «рыхлая федеративная система» может спасти его от дальнейшего кровопролития [16].

Эксперты по конституционному праву считают, что Конституция Афганистана 2004 года не устранила причины этнического кризиса, приняв подход «победитель получает все» в сильно разделенной стране. Поскольку Конституция создавалась без оглядки, так сказать, на этнические реалии, было чрезвычайно трудно, если не невозможно, заложить основу инклюзивного правительства.

Эксклюзивное и непредставительное правительство, вытекающее из Конституции, усилило недоверие пуштунов к правительству и значительно подорвало его легитимность. Это узкоспециализированное правительство, которым руководил Гани (после 2014 г.) и два его пуштунских советника, было названо «Республикой трех». Наконец, это правительство рухнуло, когда 15 августа 2021 года Гани и его небольшая клика без какого-либо значительного сопротивления бежали из Кабула и уступили место гораздо более слабой повстанческой группировке – талибам. Те, кто знаком с новейшей историей Афганистана, знают, что это нестабильная страна, а средняя продолжительность жизни режимов невелика.

Каждый режим находился у власти в течение относительно короткого периода времени, и режим Талибана не может быть исключением. Можно с уверенностью сказать, что радикальный и этнически исключительный режим талибов не продержится долго. Рано или поздно его отправят на свалку истории. Таким образом, будущая политическая структура должна быть разработана на основе политической рациональности, и следует избегать ошибок. Оглядываясь назад, становится очевидным, что только справедливый механизм разделения власти, основанный на федеральных договоренностях, может разорвать порочный круг несостоявшихся режимов в Афганистане.

В последнее время большое количество узбекских, таджикских и хазарейских политических элит заявили, что централизованная система управления является корнем проблем в Афганистане. Единственный возможный способ обеспечить целостность Афганистана – принять свободный федерализм. В такой федеральной структуре провинциям должно быть разрешено самоуправление, а также должны быть предусмотрены механизмы подотчетности провинций своим общинам и центральному правительству. Действительно, для непущтунов федерализм – это соглашение, которое кладет конец монополии пуштунов на власть и способствует большему приспособлению этнического, культурного и расового разнообразия.

Пуштунские политические элиты по-прежнему выступают за централизованную структуру. В октябре 2022 года Ханиф Атмар, пуштунская политическая элита и советник Гани по национальной безопасности выразили свое неудовольствие по поводу того, что непущтуны настаивают на федеральной структуре, заявив, что федерализм не работает для Афганистана. Федеральная структура предоставляет этническим группам ресурсы, с помощью которых они могут мобилизоваться против центра, и является «рецептом распада» Афганистана.

Федерализм путем передачи разумного объема полномочий провинциям и устранения дисбаланса между национальными и местными органами власти решит дилемму этнической безопасности, которая стоит на пути к миру в Афганистане, и является единственной серебряной пулей, которая может склеить будущий Афганистан воедино.

Выводы. Современное общество Афганистана характеризуется этнической иерархией. Равенство никогда по-настоящему не царил среди различных этнических сообществ. Этнический фактор всегда играл важнейшую роль в дестабилизации политической ситуации в стране на протяжении всей ее истории, так как не было достигнуто национального консенсуса. ни одному политическому лидеру не удалось объединить афганский народ в единую нацию. К моменту вторжения США в Афганистан (2001 г.) межэтническое доверие было на самом низком уровне. Политическая рациональность и исторический опыт требовали механизма разделения власти, благодаря которому все этнические группы могли бы чувствовать себя вовлеченными.

Однако, несмотря на реалии на местах, постталибская система не создавалась с прицелом на этническую неоднородность. Такая порочная структура сыграла важную роль в общественном недоверии к правительству и его последующем крахе в 2021 году.

Следовательно, будущее правительство Афганистана должно быть основано на эффективном механизме разделения власти, а этнические группы должны быть наделены полномочиями управлять своими регионами. Такая договоренность – единственное решение, которое может сохранить Афганистан как единое государство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Албаков М.А.** Конструктивистский подход к понятиям «нация» и «национальная идентичность»: анализ и политический контекст // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 5 (98).
2. **Бакташ М.А., Ромал Р.** Факторы восстановления власти талибов после 21 года пребывания в Афганистане и роль крупных стран региона // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 3 (91).
3. **Гаджиев М.М.** Дагестанская модель постсоветской этно-мусульманской стабилизации: опровержение расхожих стереотипов и облегченных трактовок // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 9 (102).
4. **Годик М.А.** Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: подходы, процессы, практики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 6 (99).
5. **Османи Абдул Халид.** Политическое участие афганской молодежи в условиях этнополитической напряженности // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 1 (89).
6. **Сибиркин П.Д.** Значение Афганистана для внешней политики Республики Узбекистан с 2016 года // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-2 (98-2).
7. **Табейкина Е.К.** Реализация внешней политики США в мусульманском мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 3 (96).
8. **Тулупов Н.Р.** Национально-культурное самоопределение народов как социальный, культурный и политический феномен в современном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 9 (102).
9. **Тушков А.А., Сомова И.Ю., Амельченко А.Я.** Героиновый джихад талибана или кто стоит за спиной Афганистана в мировой героиновой индустрии // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 1 (89).
10. **Чжан Цзысюань.** Политический национализм и мультикультурализм в современном нациестроительстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 6 (99).
11. **Barfield T.J.** Afghanistan: A cultural and political history. Princeton: Princeton University Press, 2023.
12. **Horowitz D.L.** Ethnic groups in conflict: With a new preface. Berkeley: University of California Press, 2011.
13. **Hyman A.** Nationalism in Afghanistan: International Journal of Middle East Studies // <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-middle-east-studies/article/nationalism-in-afghanistan/48923CA1DFBBD19C0BFFC7F5EB9C812>.

14. **Karrer L.** The Pashtun element in Afghan society // <https://books.openedition.org/iheid/546>.
15. **Kaufman S.J.** An 'international' theory of inter-ethnic war*: Review of International Studies // <https://www.cambridge.org/core/journals/review-of-international-studies/article/an-international-theory-of-interethnic-war/E82E853D21C19747B3E4DFB21D35C5CB>.
16. **Murtazashvili J.B.** Informal federalism: Self-governance and power sharing in Afghanistan // Publius: The Journal of Federalism. 2014. Т. 44. № 2.
17. **Murtazashvili J.B.** The collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. 2022. Т. 33. № 1.
18. **Osmani A.Kh.** Ethno-Political Processes in Contemporary Afghanistan // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 4 (97).
19. **Sahar A.** Ethnic politics and political violence in post-2001 Afghanistan: The 2014 presidential election // Terrorism and Political Violence. 2019. Т. 33. № 8.
20. **Saikal A.** Afghanistan's ethnic conflict // Survival. 1998. Т. 40. № 2.
21. **Saikal A., G. R.F.A., Nourzhanov K.** Modern Afghanistan: A history of struggle and survival. London: I.B. Tauris, 2014.
22. **Tarzi A.** Afghanistan in 1992 // <https://www.jstor.org/stable/2645326>.

OSMANI ABDUL KHALID

PhD student at the institute of socio-philosophical sciences and mass communications, Kazan Federal University, Kazan, Russia

THE ROLE OF THE ETHNIC FACTOR IN THE DESTABILIZATION OF THE POLITICAL SITUATION IN AFGHANISTAN

Afghanistan is one of the most complex mosaics of ethnic groups in the world, and its modern history is characterized by ethnic hierarchies. Hierarchical relations between ethnic groups have always been an obstacle to the creation of ethnic harmony in Afghanistan. The article attempts to analyze how and why ethnicity in Afghanistan was politicized and turned into a fault line. It will discuss the impact of internecine conflict on interethnic relations and explore possible solutions. Once caught in an ethnic trap, only a meaningful power-sharing mechanism can glue the future of Afghanistan.

Key words: Afghanistan, ethnic conflict, ethnic groups, Pashtuns, decentralization. Destabilization, power-sharing.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.024

УДК 327.8

У.В. ФЕДОРЕНКО

ассистент кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета,
Россия, г. Владивосток
E-mail: ulyanatheone@gmail.com

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОСТВЕСТФАЛЬСКУЮ ЭПОХУ

В статье были рассмотрены различные подходы к понятию «китайской периферии». Автор утверждает, что в современных реалиях, особую актуальность вновь приобретают возможности и перспективы применения «периферийной дипломатии» для решения проблем управления развитием региональной системы. Это, в частности, привело к разработке ряда подходов к формированию региональной политики Китая в евразийском политическом пространстве. Как минимум, периферия Пекина включает все страны, с которыми он граничит по суше или по морю. Но когда китайские лидеры говорят о своей периферии, они не обязательно ограничиваются своими непосредственными соседями. Пока ученые спорят о том, следует ли сосредоточить внимание на «большой периферии» всей Азии или на «малой периферии» непосредственно соседних государств, автор уделяет основное внимание отношениям Китая со всеми граничащими с ним странами.

Ключевые слова: периферийная дипломатия, Китай, теория международных отношений.

Концепт периферийной дипломатии является одним из важных международных практик в дипломатической традиции Китая и представляет одно из главных направлений внешней политики КНР на современном этапе. До недавнего времени отсутствие согласованной политики в отношении приграничных стран, исходя из перспективы в основном двусторонних, а не региональных отношений, позволяло рассматривать Китай как «региональную державу без региональной политики» [1. С. 33-41]. Стоит отметить, что в Китае пока не сложилась целостная дипломатическая теория, которая представляла бы консенсусный взгляд китайских ученых-международников. Этот процесс находится в стадии осмысления текущей дипломатической практики, концептуализации с использованием как внешнеполитической традиции доциньского периода, так и современных подходов [2].

Китайский подход, как общая философия евразийского развития, получил свое начало в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК, когда была предложена Си

Цзиньпином. Политический лидер Китая придавал своей инициативе, прежде всего, универсальное значение как глобальной идее, которая распространяется на все международные отношения. Хотя надо понимать, что фактически речь идет, главным образом, о будущем такого континента, как Евразии. Она и затрагивает развитие всего геополитического региона. Естественно, что инициатива Си Цзиньпина не осталась без внимания международного экспертного сообщества, получившая в последующем название «периферийная дипломатия» Китая.

В китайском научном академическом сообществе идет осмысление вопросов «периферийной дипломатии», что вылилось в острый дискурс данной проблематики. Так, например, профессор института исследований международной стратегии партийного университета центрального комитета Коммунистической партии Китая Цинь Чжилай привел всю окружающую среду Китая в XXI в. к следующим трем моментам:

1. Формирование относительно мирной тенденции развития с сопредельными государствами посредством диалога и координации между соседними крупными державами. Снижение влияния США на окружающую обстановку и повышение влияния России, Индии и Китая способствует сбалансированию политических сил разных держав в пользу сохранения стабильной региональной обстановки для совместного развития.

2. Увеличение значимости совместного экономического сотрудничества. Углубляющееся развитие региональной экономической интеграции, несомненно, заложит прочную основу для построения гармоничной внешней обстановки.

3. Все больше и больше соседних стран связывают свое собственное развитие с Пекином, влияние которого во внешней политике неуклонно растет в последние годы [3. С. 20]. Продвижение развития периферийной дипломатии, подчиняющейся цели реализации двух столетий и китайской мечты о великом возрождении китайской нации, способствует развитию благоприятной внешней политики, что позволяет реализовывать благоприятное совместное развитие с соседними странами.

Чтобы понять, как Китай осуществляет свою периферийную дипломатию, сначала определить стратегические обоснования, лежащие в основе его внимания к своим непосредственным соседям.

Во-первых, Пекин рассматривает территориальную целостность как основной интерес, жизненно важную национальную задачу. С 2010 года китайские лидеры расширили свое список основных интересов, включив в него больше частей периферии, особенно спорных морских территорий. Соседние страны обязательно должны сыграть важную роль в поддержании безопасности Китая. Это может показаться очевидным, но, тем не менее, это имеет фундаментальное значение для китайских лидеров, которые одержимы предотвращением любого территориального компромисса и постоянно опасаются, что внешние силы стремятся разделить страну. Как пишет Чэнь Сяньян из Китайского института современных международных отношений, периферия «является главным театром

военных действий, на котором Китай сохраняет национальную безопасность, защищает свое суверенное единство и территориальную целостность, а также разворачивает военные действия» [4. С. 819-826].

Во-вторых, Пекин стремится расширить свою экономику и поддержать этот рост, отчасти за счет углубления региональной экономической интеграции. Для этого необходимо развивать хорошие отношения с соседями. С этой целью китайские лидеры хотят использовать привлекательность огромного внутреннего рынка Китая, способность страны инвестировать за границу, а также ее мастерство в области технологий и строительства инфраструктуры в качестве движущих сил для расширения региональной торговли. Взамен Пекин получает доступ к остальным быстрорастущим рынкам и получает влияние, которое он может оказывать в политических вопросах.

В-третьих, дипломатия периферии служит великой стратегической цели – попытаться предотвратить создание региональной коалиции государств, работающих вместе, чтобы сбалансировать мощь Китая [5]. Вместо этого Китай хочет, чтобы его периферия поддерживала или, по крайней мере, не выступала активно против того, чтобы Пекин взял на себя более значительную роль в регионе и мире.

В-четвертых, ухудшение отношений с Соединенными Штатами создает стимул для диверсификации отношений Пекина за пределами Вашингтона. Развитие широкого круга партнеров по соседству может помочь противодействовать влиянию США в регионе и предоставить Китаю более широкую базу поддержки в целом.

В-пятых, дипломатия периферии согласуется с другой важной китайской внешнеполитической доктриной: дипломатией крупных держав. В контексте дипломатии периферии это означает сосредоточение внимания на России, Японии и Индии и, в меньшей степени, на средних державах, таких как Индонезия и Индия, Южная Корея. Вовлечение сильных и влиятельных соседей способствует усилиям Китая по построению прочных отношений с этими странами отдельно от их связей с Соединенными Штатами. Китай может аналогичным образом воспользоваться возможностями для углубления связей с этими странами, когда между ними и Соединенными Штатами возникают споры [6. Р. 25-26].

В-шестых, периферийная дипломатия Китая представляет собой его первый «набег» на построение регионального порядка, который предполагает ослабление роли Соединенных Штатов. Перспективы и вероятный характер регионального порядка под руководством Китая не совсем ясны, хотя исторический опыт может определить некоторые вероятные контуры. Тем не менее, китайские чиновники, включая Си, часто говорят об этом, используя такие фразы, как «сообщество судьбы» и «новая концепция азиатской безопасности», часто называемой «Азией для азиатов». Китайские официальные лица также регулярно призывают к ускорению перехода к многополярному мировому порядку, в котором, предположительно, Китай возглавит азиатский полюс [7]. Иностранные аналитики, которые мрачно смотрят на намерения Китая, видят, что Пекин работает

над тем, что можно назвать доктриной Монро для Азии, в которой Китай стремится установить гегемонию на своей периферии. Однако, китайские лидеры категорически отрицают любые подобные амбиции.

Китайское политическое руководство на современном этапе своей внешнеполитической деятельности уделяет пристальное внимание двум ключевым векторам периферийной дипломатии. Это «восточное», которое включает в себя морское или Азиатско-Тихоокеанское направление, а также «западное», так называемое континентальное или Евразийское направление. В геополитическом пространстве, являясь одновременно как морской, так и континентальной державой, Китай сталкивается со стороны коллективного Запада с нарастающим количеством политических, экономических и дипломатических вызовов и угроз. При этом обострение противостояния сопровождается с расширением практики применения инструментария внешнеполитического влияния иного рода, чем прежде. В том числе всех известных ранее и новых форм дипломатического влияния и давления. Сегодня этот инструмент получил наименование «умная сила». Он многократно превосходит все известные на сегодняшний день военные формы борьбы [8. Р. 335-346]. Такие, как торговые войны, односторонние санкции, подкуп элит малых и средних стран, кибератаки и кибершпионаж, вовлечение в конфликт «третьих стран», предоставление зарубежной экономической помощи региональным партнерам с целью формирования лояльной политической клиентелы и т.д. [9].

Все это, естественно, сужает возможности выбора Пекином внешнеполитического ориентира. Сегодня можно с уверенностью говорить, что эпоха неопределенности современного миропорядка закончилась. Еще недавно, казалось бы, согласно взгляду Кадзусигэ Кобаяси, благодаря внедрению понятий концепции транслатеральной дипломатии в стратегию ведущих держав мира [10. С. 25-29], на смену бинарности, как противостояние различных политических режимов, пришло иное понимание дипломатии: державы демократического строя против государств с авторитарной формой государственного управления. В эпоху неопределенности требовалось не постоянного единства, а неформальных партнерских отношений между не-единомышленниками, выходящих за рамки бинарного мышления, обещающего больший потенциал для развития духа и экспериментального творчества, и взаимного обучения.

Но сегодня, в условиях стремительного переустройства глобального мира, на «шахматной доске» дипломатической игры пришло иное понимание правил межгосударственных отношений. Мы являемся свидетелями уникального периода в международных отношениях, когда столкновения глобальных мировых держав трансформирует существующий в новый миропорядок по иной формуле: «коллективный Запад – не Запад + остальной мир». В этих условиях проблема формирования дискурсивного пространства вокруг происходящих глобальных перемен не терминологическая и не дефинитивная, а концептуальная, рассматриваемая в парадигме цивилизационного развития. Ее решение даст возможность предметно подойти к происходящим сегодня событиям в ином диапазоне

политико-дипломатической практики, позволит осветить ретроспективный и перспективный горизонт событий, а также ответить на многие острые вопросы современных международных отношений.

Выводы. Так или иначе, окажет ли периферийная дипломатия Китая положительное или отрицательное влияние на мир и безопасность в будущем, зависит от ряда причин. Одним из вариантов могло бы стать продолжение событий последних лет, когда дипломатия периферии выступает в качестве политического рычага стратегии, призванной в конечном итоге добиться доминирования над своим ближним зарубежьем. В этом случае дипломатия периферии служит классическим геополитическим целям, таким как противодействие крупным державам-конкурентам, предотвращение появления балансирующих коалиций и принуждение к подчинению более мелких государств. Дипломатия не означает работу по поиску совместных решений. Вместо этого главной целью является продвижение геополитических целей Китая. Вместо того, чтобы использовать общий консультативный подход, Китай стремится использовать свой размер, влияние и даже силу, чтобы диктовать результаты. Такой сценарий событий со временем подрывает мир и стабильность, усиливая геополитическую напряженность и поддерживая использование силы как инструмента государственного управления.

Альтернативной моделью могла бы стать реализация Китаем своей возвышенной риторики о взаимовыгодных результатах и разработке совместных решений общих проблем. Согласование и полное осуществление мер укрепления доверия станет важнейшим первым шагом в восстановлении взаимного доверия. Например, Китай мог бы подтвердить свою приверженность заявленному принципу невмешательства, который на практике в последние годы ослабевает, особенно по приоритетным вопросам. Возможно, самое важное то, что он мог бы быть более сговорчивым по отношению к Тайваню и Гонконгу, а не пытаться оказывать на них давление, чтобы они отказались от систем, основанных на демократии, и подчинились правлению Коммунистической партии из Пекина. Последний сценарий не потребует от лидеров в Пекине стать чистыми альтруистами. Вместо этого Китай мог бы решить сделать приоритетом разрешение разногласий со своими соседями, а не стремиться к максималистским выгодам в территориальных спорах и региональных делах в более широком смысле. Взаимодействие Китая со своей периферией могло бы фактически заложить основу для глубоко укоренившегося и устойчивого мира, и безопасности в Азии за счет ослабления конкуренции в сфере безопасности и закрепления основанных на правилах подходов к разрешению разногласий. Китай мог бы быть удовлетворен сотрудничеством, но не требовал бы полной лояльности. Его периодические попытки определить границы посредством компромисса дают пример того, как он может расставить приоритеты в разрешении споров, а не в стремлении к максималистским выгодам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Грачиков Е.Н.** Мировая экономика и международные отношения. 2021. Том 65. № 3.
2. **Забелла А.А., Каткова Е.Ю.** Об особенностях периферийной дипломатии КНР и отношениях со странами АСЕАН // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2020. № 1 (46).
3. **Куприянов А.В., Королев А.С.** Евразийская хорда, океанское кольцо Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь, 2019.
4. **Тушков А.А., Федоренко У.В.** Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции «сообщества единой судьбы человечества» // Вопросы политологии. 2021. № 3.
5. **AnkitPanda.** «CanChina take advantage of rift between South Korea and Japan?» «South China Morning Post, September 8, 2019 // www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3026208/can-china-take-advantage-rift-between-south-korea-and-japan.
6. **Michael A. Glosny.** «Chinese Assessment of China's Influence in Developing Asia,» in *Rising China's Influence in Developing Asia*, ed. Evelyn Goh. Oxford University Press, 2017.
7. MoFA. «Wang yi on the Three Supports of China's Policy Towards Europe,» October 22, 2019 // www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304.
8. **Suisheng Zhao.** China's Periphery Policy and its Asian Neighbors // *Security Dialogue*. 1999. Vol. 30. Issue 3.
9. US-China Institute, «Dai Bingguo, 'Adhere to the Path of Peaceful Development,» December 6, 2010 // <https://china.usc.edu/dai-bingguo-%E2%80%9CAdhere-path-peaceful-development%E2%80%9D-dec-6-2010>.
10. 秦治来. 和谐周边：中国周边外交战略新起点. 国际关系学院学报 2010 年第 6 期. 第 25-29 页. 第 26-27 页 (Цинь Чжилай. Гармоничная периферия: новая отправная точка дипломатической стратегии Китая) // Вестник института международных отношений. 2010. № 6.

U.V. FEDORENKO

Assistant Professor of the Department
of International Relations and Law
at Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia

CHINA'S STRATEGY IN FORMATION OF PERIPHERAL DIPLOMACY IN THE POST-WESTPHALIAN ERA

The article examines various approaches to understanding the «Chinese periphery». The author argues that in modern realities, the possibilities and prospects for using «peripheral diplomacy» to solve the problems of managing the development of the regional system are again becoming particularly relevant. This, in particular, led to the development of a number of approaches to the formation of China's regional policy in the Eurasian political space. At a minimum, Beijing's periphery includes all countries of the world that are located on the borders of land or sea. But when Chinese leaders talk about the periphery of their farm, they are not necessarily limiting their immediate neighbors. While scholars debate whether to focus on the «large periphery» in all of Asia or the «small periphery» in the immediate state, the author pays close attention to China's relations with all the differences that limit them.

Key words: *Periphery diplomacy, China, theory of international relations.*

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.025

УДК 32

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,
главный редактор издательства «Наука сегодня»,
Россия, г. Москва
E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ФОКУС НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ

В статье делается научный обзор публикаций российских авторов последних лет по утверждающемуся новому междисциплинарному научному направлению регионология. Дается характеристика основных исследований по этой региональной тематике и определяется фокус изысканий. Высказаны рекомендации по дальнейшему поиску основ предметного поля исследований по современной регионологии.

Ключевые слова: современная регионология, обзор научных публикаций, фокус научных изысканий, междисциплинарность, региональная политика.

В последние годы активно развивается новое междисциплинарное научное направление регионология. Учитывая актуальность проблем регионального развития для современной России и других стран постсоветского пространства, научный анализ и прогноз этих территориальных проблем становится насущной задачей для ученых политологов, экономистов, социологов и географов.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [10; 24; 5; 25; 6; 18; 15; 21; 22; 4; 30; 17; 14].

Однако проблему развития регионологии, как современного научного направления нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В этом контексте, на наш взгляд, научно значимой и актуальной является публикация в журнале «Евразийский Союз: вопросы международных отношений» Дубровиной О.В. доктора политических наук, профессора кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Дубиной А.Ш. кандидата социологических наук, доцента кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета и Рожковой Л.В. доктора социологических наук, заведующей кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского

государственного университета «Основные направления и перспективы развития интеграции стран евразийского экономического союза и европейского союза».

В частности в научной статье авторы подчеркивают, что «Евразийский экономический союз представляется международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Он учрежден Договором о ЕАЭС, который вступил в силу 01.01.2015. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Актуальность работы заключается в том, что сегодня ЕАЭС – это одно из самых перспективных объединений на евразийском пространстве. Кроме того, ЕАЭС обладает большим потенциалом к дальнейшему расширению и развитию. ЕАЭС является молодым объединением, он действует всего 6 лет. Но за это время ему удалось добиться определенных успехов, как внутри самого ЕАЭС, так и на международной арене. Цель статьи состоит в изучении тенденций и перспектив развития интеграции в рамках Евразийского экономического союза и Европейского союза на современном этапе. В статье описаны перспективные направления развития и евразийского экономического союза со странами еврозоны, проанализированы перспективы расширения международного сотрудничества ЕАЭС, а также способности сопряжения различных интеграционных форматов с участием России. Ввиду того, что сегодня евразийский экономический союз признан относительно молодым, но прогрессирующим интеграционным объединением на территории большой Евразии. Также представлены признаки координации торговли услугами и инвестиционной активности на территории внутреннего рынка интеграционного объединения. Описаны особенности формирования евразийской интеграции в отличии от западноевропейской, действующей в пределах Европейского союза. Проведен анализ влияния современных глобальных вызовов и геополитической напряженности на риски в развитии интеграционного процесса и методов их минимизации» [9].

Учитывая интерес исследователей регионологии к таким политическим проблемам, как территориально-политическое устройство современных государств, актуальной темой исследования становятся особенности развития регионов в условиях федерализма. Не случайно старший преподаватель кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин МФПУ «Синергия», Аббасов О.Т. определил свою публикацию под названием «Проблемы классификации федеративных государств».

Данная статья «посвящена проблеме классификации федеративных государств. В статье рассматриваются основания, в соответствии с которыми можно выделить те или иные виды федеративных государств. Целью статьи является анализ природы федерации – как формы территориального устройства и выделение вследствие этого различных ее видов. В исследовании применяются аналитический и сравнительный методы. Делается вывод, что федерации могут

быть классифицированы в соответствии с различными основаниями. Основания можно разделить как на первичные, так и на второстепенные» [1].

Но, определяя статус различных регионов любого государства, важной задачей регионального развития является укрепление политико-правовых и финансово-экономических основ местного самоуправления. Эту тематику актуализирует публикация авторов из Российского университета дружбы народов Слизовский Д.Е., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Амиантов А.А., кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов; сотрудник аппарата Государственной Думы ФС РФ, Береснева В.А. студент бакалавриата по направлению «Юриспруденция» Российского университета дружбы народов. В своей совместной публикации «Общие принципы организации местного самоуправления: новый федеральный закон в фокусе старых и новых противоречий», авторы подчеркивают, что в статье «делается попытка не только показать объективно существующие противоречия между понятиями – «публичная власть» и «государственная власть». Предлагаются варианты аналитического обсуждения примеров из жизни и деятельности муниципальных образований, из предложений по ходу обсуждения принимаемого федерального закона, которые обозначают и объясняют тенденцию процесса законодательного регулирования противоречий толкования публичной, государственной и муниципальной власти и политики. Показано, поскольку финансово-хозяйственная необеспеченность муниципалитетов оказалась непреодолимой в течение многих лет, то законодатели пошли по пути инкорпорирования муниципальной власти в ткань власти субъектов и даже федеральной власти. Считается, что таким образом будут решаться и будет решена эта самая острая проблема, без которой нет полноценной жизни у муниципалитетов. Тем самым хозяйственно-финансовая политика через применение норм федерального закона взяла верх над публичной политикой и публичной властью. Вопрос ценности и пользы от смещения приоритетов в обозначенной тенденции остается открытым для продолжения полемики и дискуссии» [26].

В последнее время все больше научных исследований проводится по проблемам влияния этнического фактора на региональное развитие и совершенствование федеративных отношений в Российской Федерации. В научный оборот вводится понятие «этнополитическая регионалистика». В публикации доктора политических наук, профессора, главного редактора издательства «Наука сегодня» Медведева Н.П. «Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть 2)» делается попытка научного обзора тех исследований российских авторов, которые связаны с предметным полем этого нового и актуального научного направления. В статье анализируются «материалы исследований за 2022 год, опубликованные на страницах рецензируемых журналов «Вопросы национальных и федеративных отношений», «Евразийский Союз: вопросы международных отношений», «Региональное и муниципальное управление: вопросы политики,

экономики и права», которые можно условно отнести к новому междисциплинарному научному направлению «Этнополитическая регионалистика». В условиях конфликтогенности постсоветского пространства и необходимости активизации научного поиска источников этнополитических конфликтов, а также подготовки научных основ для рекомендаций по их консенсусному урегулированию и развитию новой модели дипломатических отношений между государствами, делается вывод о востребованности этой исследовательской тематики» [20].

В этом же контексте и в рамках этнополитической регионалистики актуальной является публикация Ишемгулова М. Н., кандидата исторических наук, младшего научного сотрудника Института этнологических проблем им. Р.Г. Кузеева – ОСП ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра РАН «Территория как фактор этнической консолидации (на примере башкирского этноса)». В статье анализируется территория расселения как маркер этнической идентичности башкир. На основе ключевых моментов истории башкирского народа рассматривается проявление пространства (территории) как этноконсолидирующего фактора. В ходе исследования выявлено, что традиционно у башкир родная земля приобретает сакральное значение и мифологизируется. Приоритетность земельных отношений ярко проявляется в факте сохранения вотчинного права башкир в рамках Российской империи. В переломные периоды истории башкирского народа, главенствующими вопросами часто становятся проблемы прав на территорию» [12].

Продолжением исследований региональных и муниципальных проблем России является обзор публикаций российских авторов в журнале «Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права» доктора политических наук, профессора, главного редактора издательства «Наука сегодня», Медведева Н.П. под названием «В фокусе исследований региональные и муниципальные проблемы (по материалам актуальных публикаций 2022 года в научных журналах)». В статье анализируются публикации 2022 года в научных рецензируемых журналах «Вопросы политологии» и «Вопросы национальных и федеративных отношений» и выводы авторов по проблемам публичного управления в Российской Федерации на региональном и муниципальном уровне. Рассматриваются политические аспекты управления в условиях российского федерализма и с точки зрения повышения эффективности властного влияния на различные сферы общественной жизни после поправок в Конституцию и введения новой правовой нормы и нового конституционного понятия «система публичной власти. Некоторые авторы публикаций выражают беспокойство по поводу невозможности практической реализации конституционной нормы о том, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» [18].

Чрезвычайно актуальными и научно значимыми являются исследование закономерностей регионального развития на примере конкретных субъектов федерации. В этом плане следует обратить внимание на работу ученых из Тюмени,

доктора социологических наук, профессора кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета Хайрулиной Н.Г. и доктора социологических наук, профессора кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета Ткачевой Н.А. Тема их совместного исследования «Анализ социально-политической ситуации в оценках жителей Тюменской области». В этой работе представлены «данные социологических исследований, проведенных в Тюменской области в 2003-2023 гг., характеризующие ситуацию в сферах социально-политических, межнациональных и межрелигиозных отношений. Ученые Тюменского индустриального университета за указанный период опросили более трех тысяч респондентов, что позволило выявить оценки жителей Тюменской области по различным аспектам жизнедеятельности регионального социума для оперативной корректировки принимаемых управленческих воздействий. Полученные данные позволяют утверждать, что в Тюменской области сложилась стабильная ситуация в сфере социально-политических отношений, массовые выступления протеста маловероятна» [28].

В заключении аналитического обзора публикаций следует еще раз подчеркнуть научную значимость исследований по тематике региональных социально-политических процессов в России и постсоветских государствах, так как они прямым образом влияют на политическую стабильность государств и на межрегиональные отношения стран СНГ. А также многие нерешенные региональные вопросы нередко становятся источником этнополитических и межрегиональных конфликтов. Поэтому исследовательская деятельность ученых в рамках регионологии становится не только важной научной проблемой, но и государственной задачей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аббасов О.Т.** Проблемы классификации федеративных государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 3 (96).
2. **Абрамова М.А.** «Евразия» и «Евразийское пространство» в контексте интерпретаций // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2021. Том 10. № 5 (39).
3. **Абрашин И.И.** Особенности внедрения проектного подхода в процесс муниципального управления // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 6-2 (94-2).
4. **Байрамлы Н.С.** Понятие «мягкой силы» и ее значимость во внешней политике Азербайджанской Республики // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2023. Том 12. № 7 (53).
5. **Бигулов С.А.** Сравнительный анализ парламента РСО-Алания и региональных парламентов Германии, Канады и Великобритании // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-1 (98-1).

6. **Бодров А.К.** Феномен агломераций как «полюсов роста» в региональной структуре России: политологический аспект // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 8-1 (96-1).
7. **Воропанов С.А.** Проблемы реализации механизмов непосредственной демократии на местном уровне в современной России // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 4 (92).
8. **Гаврилов Е.М.** Роль молодежи в развитии социально-экономического развития Красноярского края // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
9. **Дубровина О.В., Дубина А.Ш., Рожкова Л.В.** Основные направления и перспективы развития интеграции стран Евразийского экономического союза и Европейского Союза // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2021. № 5 (39).
10. **Зазулина М.Р.** Местное самоуправление и трансформационные процессы в России: векторы и траектории развития // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 11-1 (99).
11. **Иванова Л.А.** Региональные измерения политики в контексте функционирования политической элиты субъектов Российской Федерации (на примере Астраханской области) // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 2 (90).
12. **Ишемгулов М.Н.** Территория как фактор этнической консолидации (на примере башкирского этноса) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 12 (105).
13. **Коломейцев Э.М.** Понятие федеративных и этнонациональных отношений как институциональной основы политической стабильности государства // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2021. Том 10. № 1 (35).
14. **Кузнецова Е.А.** Модернизация политического процесса распределения полномочий между государственными и местными органами в рамках единой системы публичной власти // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 1 (89).
15. **Майстат М.А., Пейма С.З., Медведев Н.П.** К вопросу о сущности и основных направлениях государственной и региональной политики // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. № 4
16. **Максимов М.В.** Политизация институтов местной власти в современной России: риски и негативные последствия // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
17. **Медведев Н.П.** Этнополитическая регионалистика: к вопросу о предмете нового научного направления // Вопросы политологии. 2016. № 3 (23).
18. **Медведев Н.П.** В фокусе исследований региональные и муниципальные проблемы (по материалам актуальных публикаций 2022 года в научных журналах) // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Том 10. № 1 (31).
19. **Медведев В.Н.** Формирования нормативной правовой базы в сфере строительства на территории новых субъектов РФ: вопросы и перспективы //

- Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Том 10. № 4 (34).
20. **Медведев Н.П.** Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть 2) // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 2 (90).
 21. **Медведев Н.П.** Федеральные округа и трансформация региональной политики современной России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Том 9. № 3 (29).
 22. **Медведев Н.П.** Политическая регионалистика. Учебное пособие. М., 2025.
 23. **Межидов Т.М.** Эволюция нормативно-правовых основ бюджетного регулирования в Республике Чечня // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
 24. **Попов С.И., Гришин О.Е., Нестерчук О.А.** Тенденции трансформации инструментария проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-1 (98-1).
 25. **Салдин А.В.** Факторы успеха региональных партий // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 9-2 (97-2).
 26. **Слизовский Д.Е., Амиантов А.А., Береснева В.А.** Общие принципы организации местного самоуправления: новый федеральный закон в фокусе старых и новых противоречий // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Том 9. № 2 (28).
 27. **Стройков В.А.** Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: проблемно-идейный и нормативно-правовой контекст // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
 28. **Хайруллина Н.Г., Ткачева Н.А.** Анализ социально-политической ситуации в оценках жителей Тюменской области // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 7 (95).
 29. **Шовин Н.С.** Региональные политические элиты как креативный класс (на примере Ростовской области) // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 2 (90).
 30. Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм. **Медведев Н.П., Майстат М.А., Краснов Л.Н., Гелеранский П.С., Ивайна М., Макухин А.В., Высоцкий А.В., Камара С.Б., Медведев В.Н., Кетцян Г.В., Перкова Д.В., Чан Х.Т.** Коллективная монография / Сер. Труды научной школы профессора Н.П. Медведева. Выпуск 11. Москва, 2018.

N.P. MEDVEDEV

Doctor of Political Sciences, Professor,
editor-in-chief of the publishing house «Science Today»,
Moscow, Russia

MODERN REGIONOLOGY: FOCUS OF SCIENTIFIC RESEARCH

The article provides a scientific review of publications by Russian authors in recent years in the emerging new interdisciplinary scientific field of regionalology. The main research on this regional topic is characterized and the focus of research is determined. Recommendations were made for further search for the fundamentals of the subject field of research in modern regionalology.

Key words: modern regional science, review of scientific publications, focus of scientific research, interdisciplinarity, regional policy.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.026

УДК 32

Е.Р. БАЛАКИНА

студентка факультета управления и политики

МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

КУПЛЯ-ПРОДАЖА МОНОПОЛИЙ НА НАСИЛИЕ: ФЕНОМЕН ОСТ-ИНДСКИХ КОМПАНИЙ

Современная война в неолиберальной парадигме все более явно приобретает черты коммерческого проекта, а монополия государства на насилие становится объектом купли-продажи. В статье рассматривается феномен Британской и Голландской Ост-Индских компаний в качестве одного из наиболее ранних прецедентов приватизации исключительного права на применение силы в мировой истории через призму теории собственности Дж. Локка и теории общественного договора Т. Гоббса и Ж-Ж. Руссо. Приводится анализ опыта регулирования деятельности частных коммерческих структур в области обеспечения безопасности. Деятельность ОИК продемонстрировала возможность передачи государственных полномочий частным структурам, что ознаменовало переход от традиционного государственного контроля к децентрализованной модели управления военной силой.

Ключевые слова: монополия на насилие, теория права собственности, частные военные компании, приватизация насилия, Ост-Индские компании, торговая экспансия, колониализм, частные армии.

Введение. Возрастающая роль частных военных компаний в вооруженных конфликтах ставит под вопрос незыблемый статус государства как исключительного обладателя монополии на насилие. В свете трансформации миропорядка и укрепления субъектности негосударственных акторов на международной арене проблемы, связанные с легитимностью и легальностью использования военной силы частными подрядчиками, выходят на первый план. Приватизация насилия становится одним из элементов разрушения национального государства и существующего мироустройства, на котором зиждется геополитическая стабильность.

Основная цель исследования заключается в рассмотрении феномена децентрализации насилия сквозь призму общественно-политических теорий эпохи Просвещения на основе кейса Британской и Голландской Ост-Индских компаний.

Актуальность темы исследования обусловлена глобальным трендом увеличения количества негосударственных акторов в мировой политике

и расширением их полномочий, а также возрастающей независимостью и самостоятельностью их действий на международной арене.

В теоретико-методологическую основу исследования положена теория общественного договора мыслителей раннего Просвещения: Т. Гоббса [3] и Дж. Локка [5]; а также подход М. Вебера [1], который видел монополию государства на насилие в качестве одной из неотъемлемых черт публичного права.

В результате исследования была дана оценка деятельности частных коммерческих структур в сфере обеспечения безопасности и защиты частной собственности на примере Британской и Голландской Ост-Индских компаний.

Теоретические предпосылки приватизации права на насилие. Интерпретация концепции собственности как политико-философского и правового явления на протяжении всего мирового развития была краеугольным камнем размышлений о природе взаимодействия между индивидами в условиях «общественного договора». Серьезное влияние на понимание собственности оказал Дж. Локк, яркий представитель либерального течения эпохи Просвещения. В своих трудах [5] философ рассматривает собственность в качестве неотчуждаемого права человека, основанного на соединении труда и природных ресурсов. В ряде основных прав человека собственность занимает центральное место. Следуя логическим посылкам концепции общественного договора, его заключение не предполагало отказ индивидов от своих естественных прав; следовательно, права владения и распоряжения собственностью, в отличие от монополии на насилие, не передается государству, а остается в ведении каждого индивида в качестве его неотъемлемого права. Государство, таким образом, экспроприируя средства политической организации, берет на себя обязательства по защите права частной собственности.

Основываясь на том, что основой приобретения собственности является труд, Локк, развивая свою теорию, связывает с ней возникновение денег: потеряв полезность, приобретенные на основе труда ресурсы становятся избыточными и могут стать объектом обмена, что, в свою очередь, ведет к появлению денег как меры стоимости. Таким образом, товарно-денежные отношения становятся фундаментом для перехода из естественного в общественное состояние с целью передачи части прав государству для защиты прав собственности каждого отдельного индивида. Согласно Локку, «причина, по которой люди вступают в общество, это сохранение их собственности» [5].

Несмотря на то, что его теория неоднократно подвергалась критике со стороны политических философов более позднего периода, например, К.Б. Макферсона [19], за ограниченный подход с исключительно либеральной позиции, оправдание классового неравенства или упущение социальной действительности, необходимо отметить, что Локк внес фундаментальный вклад в развитие западного либерализма, что, в свою очередь, является основой для дальнейшего изучения теоретико-методологических основ американского капитализма. В своих работах Локк описал «идеальный тип» общественного

договора, рассмотрев государство в качестве законного защитника права частной собственности; однако в практической плоскости государство не всегда имеет достаточно ресурсов, возможностей или политических сил для выполнения своих обязательств. Для охраны государственной собственности задействуются национальные силовые структуры; частная собственность ограничивается защитой только со стороны национального законодательства. Чем больше капитала концентрирует в своей собственности индивид или организация, тем больше возрастают требования к его охране; начинается поиск средств защиты ресурсов от изъятия. Таким образом, государство возлагает ответственность за физическую защиту своей собственности на ее обладателя, гарантируя при этом обеспечение либо восстановление нарушенного права на частную собственность.

Децентрализация насилия как средство защиты капитала. В этой связи стоит рассмотреть случай Ост-Индских компаний как одного из наиболее ранних примеров крупных частных организаций, использовавших собственные вооруженные силы. Как известно, эти «государства в государстве» получили значительную автономию и применяли силу для защиты и продвижения своих интересов в открытых странах Востока, размыв тем самым границу между частными интересами и государственной властью. Некоторые черты частных военных компаний, по своей сути являющимися коммерческими предприятиями, направленными на извлечение прибыли из предоставления военных, охранных или консалтинговых услуг, могут быть найдены в деятельности Ост-Индских компаний. Акционеры Британского варианта в различные периоды своей деятельности контролировали английскую регулярную армию, лояльную к Британской короне военную силу индийской аристократии, наемнические и другие иррегулярные формирования. Более того, особую важность рассматриваемый кейс приобретает в свете попытки сращивания частного крупного финансового капитала и предшественников ЧВК путем приватизации буржуазией права на применение силы и создания собственных вооруженных формирований либо использования наемных вооруженных групп.

Однако стоит сделать оговорку, что приравнивать современные ЧВК к охранным структурам, создаваемыми или нанимаемыми купцами, акционерами или государственными чиновниками для защиты собственных коммерческих интересов, не представляется возможным, так как эти вооруженные формирования не являлись зарегистрированными коммерческими структурами, а руководство ими осуществлялось не только владельцами частного капитала, но и представителями государственной власти. Более того, вход в буржуазные круги был настолько элитарным, что попытки купеческой прослойки организовать собственные ЧВК без поддержки аристократии не увенчались успехом. Только с течением времени, когда экономическое господство смогло стать фундаментом для господства политического, сформировалась потребность в покупке у государства монополии на насилие. Важным замечанием является то, что поставщиками охранных и военных услуг в большей степени являлись военно-промышленные предприятия или национальные силовые структуры;

процентное соотношение иррегулярных формирований или наемнических структур оставалось на низком уровне.

Голландская Ост-Индская компания была учреждена в 1602 г. как акционерная компания по инициативе нидерландских купцов во главе с государственным деятелем Й. ван Олденбарневелтом [22] и уставным капиталом, сравнимым с годовыми бюджетами стран Европы. В совет директоров (1) входили представители богатейшего купечества, церкви и государственной власти. Занятые борьбой за независимость Нидерланды предоставили компании монополию на торговлю с азиатскими странами, расширив, впоследствии, круг прав на осуществление юрисдикции на подвластных землях, эмиссию денег, обладание частной армией и снаряжение военных и торговых судов. Сравнивая количественные показатели, стоит отметить, что, на фоне 70-тысячной государственной армии, частная армия в составе 20 тыс. военнослужащих (максимальный показатель за всю историю деятельности Голландской Ост-Индской компании) и десятков военных кораблей [4] могла сыграть решающую роль в борьбе за рынки сбыта и защите корпоративных интересов. Опираясь на колоссальные темпы прироста прибыли (2), во второй половине XVII в. компания перешла к непосредственным захватам территорий (о. Ява и о. Мадуро, Молуккские острова и о. Сулавеси), усилив влияние на Малайском архипелаге. Подвластными компании стали территории на острове Цейлон, а также торговые поселения в Бирме, Сиаме, Вьетнаме, Китае и Японии [4].

Рассматривая кейс Британской Ост-Индской компании (ОИК), необходимо отметить, что она, в отличие от голландского варианта, была создана «сверху» на основании королевского указа от 1600 г., хотя их функции и полномочия были схожи. По разным данным корпоративная армия на пике своего могущества доходила до 200-250 тыс. человек. Показательны следующие цифры: если в 1789 г. численность сухопутной армии Великобритании составляла всего 40 тыс. человек [18], Британская Ост-Индская компания в Индии насчитывала уже 115 тыс. [12] Более того, ко второй половине XIX в. корпоративная армия составила 238 тыс. человек [23]. Сопоставляя военную мощь Великобритании и Британской ОИК, стоит обратить внимание на комплектацию их военно-морских флотов: на конец XVIII в. – 115 линейных кораблей [20] на службе британского ВМФ против 70 торговых и военных судов [21] Ост-Индской компании. Таким образом, ОИК стала континентальной державой внутри морской империи Великобритании [7], превратившись в квазигосударственную структуру. Прибыль компании была всего в 5 раз меньше дохода государственного бюджета [17], а в отдельные годы ее годовой оборот составлял половину от совокупного товарооборота страны. Расширяя не только экономическую, но и политическую экспансию, Британская Ост-Индская компания не только получила от государства право на сбор налогов, гражданское судопроизводство на подвластных территориях, монополию на торговлю ключевыми товарами, но и право на заключение субсидиарных договоров (3), предусматривающих запрет на содержание собственного войска и ведение самостоятельной внешней политики вассальным

княжествам Британской Индии. Как и Голландская компания, Британская ОИК успешно предпринимала попытки завоевания территорий (Бенгалия, Майсур, Непал, Бирма, Сиам) [15].

Слова Яна Петерсона Куна «**не бывает торговли без войны, как не бывает войны без торговли**», генерал-губернатора Нидерландов в Индии, человека, внесшего значительный вклад в политическую, экономическую и территориальную экспансию Голландской Ост-Индской компании, во многом объясняют природу корпоративных войн, которые велись между Британской и Голландской ОИК за торгово-экономическое господство на территориях, представлявших общий коммерческий интерес. Часто средства этой экспансии выходили за все границы разумного и сопровождалась зверскими насильственными методами. Борьба за рынки сбыта велась всеми возможными способами: голландские и британские купцы использовали мощь своих частных армий, чтобы достичь господства на восточных территориях. Примечательным является тот факт, что военные столкновения за о. Ай и Рун велись силами японских ронинов (4), которые, потеряв покровителя из числа даймё (5), нанимались на службу европейской буржуазии.

Заключение. Закат Ост-Индских компаний ознаменовался серьезной озаченностью национальных государств возрастающей автономией и конкурентоспособностью частных коммерческих структур. В результате nation-state одержал победу, вновь национализировав монополию на насилие. Данное исследование не ставит целью пересказать всю историю Ост-Индских компаний от их основания до упразднения; однако изучение феномена ОИК представляется наглядным примером приватизации исключительного права на применение силы. В данной связи изучение феномена Ост-Индских компаний обусловлено тем, что их деятельность стала прецедентом передачи государственных полномочий частным структурам, что ознаменовало переход от традиционного государственного контроля к децентрализованной модели управления военной силой. Таким образом, необходимо сделать следующие выводы для объяснения сложной динамики между государственной властью, корпоративными интересами и защитой частной собственности: военная и торгово-экономическая экспансия частного бизнеса может оказаться эффективнее государственной; высокие обороты капитала в международной торговле нуждаются в военной защите, которую государство не всегда может обеспечить; применение силы частными структурами не только выполняет функцию охраны капитала, но и создает потенциал для его стабильного прироста.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Другое название – «Совет семнадцати», главный управляющий орган Голландской Ост-Индской компании, имевший представителей от провинций и городов в зависимости от доли капитала.
- (2) Собственный капитал Голландской Ост-Индской компании составлял до 10% ВВП страны.

- (3) Комплекс договоров между индийскими князьями и Британской Ост-Индской компанией в XVIII-XIX вв.
- (4) Деклассированные самураи, оставшиеся без сюзерена в результате смерти или потери покровительства последнего.
- (5) Крупные князья-землевладельцы в Японии в X-XIX вв., которым служили самураи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-Классик, 2018.
2. Гарипова А.Р. Основания приобретения частной собственности, и ее защита в работе Джона Локка «Два трактата о правлении» / А.Р. Гарипова, Л.Е. Черноглазова // Молодой ученый. 2020. № 31 (321).
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
4. Далио Р. Принципы изменения мирового порядка: почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение / Р. Далио; перевод с английского Д. Миронова. М: Манн, Иванов и Фербер, 2023.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1998.
6. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор, или Принципы государственного права. М.: С. Скирмунт, 1906.
7. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006.
8. Фурсов К.А. Британская Ост-Индская компания: история институциональной мутации. ВТЭ. 2018. № 2.
9. Фурсов К.А. Ост-Индские компании: двигатель и тормоз капитализма // Финансы и бизнес. 2016. № 2.
10. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L.; N.Y., 1994.
11. Bal K. Commercial Relations between India and England (1601 to 1757). L., 1924.
12. Bayly C.A. Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
13. Bowen H.V. The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756-1833. Cambridge, 2006.
14. Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe - XVIIIe siècle. 3 t. P.: Armand Colin. Т. III.
15. Britannica, The Editors of Encyclopaedia. East India Company. **Encyclopedia Britannica** // <https://www.britannica.com/topic/East-India-Company>.

16. **Chaudhuri K.N.** The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660-1760. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1979.
17. **Gardner B.** The East India Company: A History. L.: Rupert Hart-Davis, 1971.
18. **Kennedy P.M.** The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change a. Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Fontana Press, 1989.
19. **Macpherson C.B.** The Political Theory of Possessive Individualism. Oxford, 1962.
20. **Modelski G., Thompson W.R.** Seapower in Global Politics, 1494-1993. Seattle: University of Washington Press, 1988.
21. **Philips C.H.** The East India Company 1784-1834. Manchester: Manchester University Press, 1940.
22. **Poelhekke Jan J. and Wintle Michael J.** Johan van Oldenbarnevelt. **Encyclopedia Britannica** // <https://www.britannica.com/biography/Johan-van-Oldenbarnevelt>.
23. **Reid C.L.** Commerce and Conquest: The Story of the Honourable East India Company. L.: Temple, 1947.

E.R. BALAKINA

Student of the School of Governance and
Politics at MGIMO, Moscow, Russia

TRADING MONOPOLIES ON VIOLENCE: THE PHENOMENON OF EAST INDIES COMPANIES

Modern warfare in the neoliberal paradigm is more and more acquiring the features of a commercial project, and the state's monopoly on violence is becoming an object of trading. The article examines the phenomenon of the British and Dutch East Indies Companies as one of the earliest precedents of privatization of the exclusive right to use force through the lens of J. Locke's theory of property and the theory of social contract of T. Hobbes and J.J. Rousseau. The experience of regulating private commercial structures in the security domain is analyzed. The activities of the OIC demonstrated the possibility of transferring state powers to private entities, which marked the transition from traditional state control to a decentralized model of military force management.

Key words: monopoly on violence, property rights theory, private military companies, privatization of violence, East India Companies, trade expansion, colonialism, private armies.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.027

УДК 32

Д.В. БРАТКОВСКАЯ

студентка Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
E-mail: bratkovskaya.dv@dvfu.ru

Я.Д. РОГОВА

студентка Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
E-mail: bratkovskaya.dv@dvfu.ru

С.А. ТОКАРЕВА

студентка Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
E-mail: bratkovskaya.dv@dvfu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ К ЦИФРОВОЙ

Авторами исследуется эволюция публичной дипломатии, начиная с её возникновения как инструмента внешней политики через структурированную систему институтов и коммуникационных каналов для взаимодействия и диалога государства с иностранными обществами в политических целях. Понятие публичной дипломатии впервые появилось во времена холодной войны как средство противодействия механизмам информационного противостояния и пропаганды между СССР и США, стремясь влиять на общественное мнение и политические решения других наций. Позже концепция была переопределена Джозефом Наем, который представил идею «мягкой силы» как эффективного средства достижения целей внешней политики путём привлечения и сотрудничества, а не принуждения. Статья далее рассматривает переход к концепции «умной силы» в послехолодновоевропейскую эпоху, подчёркивая сочетание элементов жёсткой и мягкой силы, акцент на сотрудничестве, альянсах и поддержании военного потенциала при продвижении влияния и легитимности государства. Кроме того, освещается влияние цифровой эры на публичную дипломатию, подчёркивая переход к цифровой дипломатии через интернет и социальные сети, что позволило мгновенно передавать информацию по всему миру и вести более неформальное, интерактивное общение. В статье подчёркиваются вызовы и возможности, представленные цифровыми технологиями в формировании международных отношений и влиянии на общественное мнение через границы.

Ключевые слова: публичная дипломатия, традиционная дипломатия, цифровая дипломатия, эволюция дипломатии, информационные технологии, социальные сети, глобализация, международные отношения.

Публичная дипломатия – это инструмент реализации внешней политики государства в формате выстроенной системы институтов и коммуникационных каналов взаимодействия и диалога государства с зарубежными обществами в политических целях. Такая система диалога необходима для достижения различных целей в отношении правительства другого государства посредством оказания влияния на общество (в целом или отдельные группы) этого государства.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [15; 11; 9; 16; 14; 4; 1; 2; 13; 6; 7; 10; 5].

Однако проблему эволюции публичной дипломатии нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Понятие «публичная дипломатия» появилось во времена холодной войны и активного использования механизмов информационного противостояния и пропаганды между СССР и США. Авторство термина приписывают Эдмунду Гуллиону, декану Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтса. В те годы понятие публичной дипломатии использовалось как синоним термину «пропаганда» с целью сгладить негативную коннотацию, присущую этому слову. Изначально концепция публичной дипломатии в США была ориентирована на противодействие коммунистической пропаганде в условиях холодной войны, и в этом плане противопоставлялась деятельности СССР на международной арене. Под публичной дипломатией Э. Гуллион понимал инструментарий, который правительства, отдельные частные группы и индивидуальные лица используют для влияния на чужие правительства и общества других стран в процессе принятия этими правительствами нужных внешнеполитических решений.

С завершением холодной войны и прекращением активной деятельности СССР и США в области взаимонаправленной пропаганды в 1990-е годы, концепция публичной дипломатии получила обновленное и более глубокое прочтение благодаря Джозефу Наю. Американский политолог выразил мнение, что через публичную дипломатию может быть эффективно реализован потенциал так называемой «мягкой силы», автором теории которой он выступил. «Мягкая сила» – концепция в области международных отношений, основы которой были заложены Дж. Найем в монографии «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [21]. Теория получила развитие в 2000-х гг. в монографии «Soft Power. The Means to Success in World Politics» [23]. Благодаря Дж. Найю концепция soft power прочно вошла во внешнеполитический обиход Вашингтона и со временем стала набирать популярность в остальном мире.

По Дж. Наю, «мягкая сила» – это способность добиваться от других желаемого результата не столько с помощью принуждения (hard power) и оказания давления (военного, экономического, политического), сколько с помощью убеждения и привлечения на свою сторону зарубежной аудитории. В основе soft power лежат три элемента: политический курс, ценности и культура. Таким образом,

«мягкая сила» – это концепция, призванная содействовать достижению внешне-политических целей государства через создание его привлекательного образа.

В 2000-х годах концепция «мягкой силы» продолжила пользоваться популярностью. По мере того, как подход стран Запада к вопросам международной повестки становился более жёстким, а отношения с Россией более напряжёнными, американское руководство провело переоценку компонентов «мягкой силы». Культурно-идеологическая экспансия, популяризация поп-культуры, американского образа жизни словно отошли на второй план, уступая место усилиям по поддержанию «цветных революций», приведших к смене власти в ряде постсоветских стран; одновременно с этим возросло внимание к лидерам оппозиции, их подготовке для организации протестных движений и оказанию им информационной, идеологической и финансовой поддержки.

Эти структурные изменения инструментария внешней политики ведущих держав легли в основу нового концепта, именуемого как «умная сила». «Умная сила» – это не просто «мягкая сила 2.0; речь идёт о способности соединять их в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» – писал Дж. Най [24]. Концепция вобрала в себя такие составляющие, как значительное внимание к сотрудничеству, союзам, институтам разных уровней для расширения влияния государства и придания законности действиям США наряду с сохранением и поддержанием военного потенциала.

С началом второго десятилетия XXI в. наблюдалась некоторая стагнация в исследованиях, касающихся проблематики силы в мировой политике. Она может быть связана с тем, что Дж. Най и его последователи довели анализ этого вопроса до логического завершения, а унифицированный механизм оценки мягкой политики так и не был выработан. Однако, в 2014 году Международный форум демократических исследований Национального фонда демократии запустил двухлетнее исследование факторов и тенденций возрождения авторитаризма в мире. В этом исследовании ученые сконцентрировались на анализе таких стран, как Россия, Китай, Иран, Венесуэла, Саудовская Аравия и др., отмечая как рост агрессивного влияния этих государств на международной арене, так и ужесточение и своеобразное переформатирование этими странами своей собственной внутренней политики. В 2016 г. в качестве заключения к исследованию в журнале *Journal of Democracy* выходит статья Кристофера Уокера под названием «The Authoritarian Threat. The Hijacking of 'Soft Power'» [26].

В 2017 году в общественно-политическом дискурсе появился термин «острая сила». Авторами новой концепции выступили К. Уокер и Дж. Людвиг, сотрудники американского Национального фонда демократии. В статье «The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence» [25], вышедшей в журнале *Foreign Affairs*, они утверждали, что говорить о наличии «мягкой силы» у государств, не принадлежащих к клубу демократических стран, не только неправомерно, но и опасно для тех демократий, в которых авторитарные режимы стремятся продвинуть свою систему норм и ценностей. Объектами исследования стали внешнеполитические практики РФ и КНР; также изучался

характер влияния этих двух стран на демократические системы в ряде государств Восточной Европы и Латинской Америки.

Дж. Най не мог не откликнуться на публикацию К. Уокера и Д. Людвиг. В своей статье [22] он писал, что *sharp power* – это новый термин, который описывает старую угрозу. Он полагает, что речь фактически идёт об информационной войне, и определяет *sharp power* как «использование фальсифицированной информации во враждебных целях».

Таким образом, публичная дипломатия выступает как инструмент «мягкой силы». Интересным, но сравнительно малоизвестным фактом является то, что задолго до Ная в более циничном ключе об этом также рассуждал и американский политолог Ганс Моргентхау в своей работе «Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace» [20]. В ней Моргентхау называет то, что сегодня известно под терминами «мягкая сила» и «публичная дипломатия», культурным империализмом. Так классик метко замечает, что несмотря на вторичность «культурного империализма» перед «военным» и «экономическим», построение долгосрочных и устойчивых отношений господства в международной политике невозможно без первого. «Культурный империализм подготавливает почву для военного завоевания и экономического проникновения, размягчая врага».

Некоторые российские исследователи – в их числе Марина Михайловна Лебедева, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России – пишут, что публичная дипломатия переживала некоторое «забвение» в 1990-е гг. вследствие распада биполярной системы, который породил иллюзию окончания каких-либо значимых ценностных противоречий в мире [12]. Своеобразным триггером, приведшим к возрождению публичной дипломатии в XXI в., стали террористические атаки 9 сентября 2001 г., которые показали, что ценностные противоречия в мире не исчезли. По реакции многих людей на теракты в странах Ближнего Востока стало очевидным, что речь идёт не только о небольшой группе террористов, но и о негативном восприятии миллионами людей в арабских странах политики США. Из-за массовости выступлений стало понятно, что одними только средствами традиционной дипломатии исправить негативный образ страны невозможно. В то же время в начале XXI в. возникли и другие причины обращения к инструментам публичной дипломатии, которые обусловлены процессами трансформации политической организации мира, – прежде всего, Вестфальской системы: развитие коммуникационных и информационных технологий; резкий всплеск активности негосударственных акторов благодаря возможностям, которые открыли эти технологии; размытость границ между внутренним и внешним информационном пространствами.

Появились и новые феномены. Если ранее публичная дипломатия рассматривалась как средство воздействия только государства, то в настоящее время всё чаще стали говорить о публичной дипломатии международных организаций и союзов. Ян Мелиссен, профессор дипломатии Антверпенского университета, в 2005 году писал, что публичная дипломатия развивается и в современном

мире: Европейский союз и ООН успешно демонстрируют возможности наднациональной публичной дипломатии в действии [19].

На рубеже XX и XXI веков публичная дипломатия претерпевала адаптацию к новой цифровой эре. Внедрение цифровых технологий и своеобразная «революция» в сфере коммуникаций, начавшаяся вскоре после Второй мировой войны, позволила мгновенно передавать информацию любого рода в самые отдаленные уголки мира, игнорируя национальные границы. Если раньше дипломаты коммуницировали с населением при помощи печатных изданий либо общественных встреч, то с цифровой революцией взаимодействие стало допустимым также и в Интернете, в интерактивном и зачастую неофициальном стиле, что предоставило возможность незамедлительно доносить сведения и определять повестку дня. Модель цифровой дипломатии почти самостоятельна от интернациональных нормативно-правовых актов, в том числе и от Венской конвенции о дипломатических сношениях [3], благодаря чему цифровая дипломатия способна формировать собственные личные направленности, более свободное и неформальное общение.

Ранним примером цифровой дипломатии можно считать использование Интернета и электронной почты для обеспечения связи, координации и распространения информации на Конференции ООН по окружающей среде и развитию [8], также широко известной как «Саммит Земли», прошедшей в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Впервые в истории международных дипломатических встреч новые информационные и коммуникационные технологии были использованы для обмена документами, подготовки встреч и лоббирования интересов, что значительно ускорило процесс принятия решений и повысило прозрачность переговоров. В 1992 году Интернет находился на раннем этапе своего развития и не был столь широко доступен, как сегодня. Первоначально Интернет использовался в основном академическими и исследовательскими учреждениями, а также правительственными организациями, и только начинал проникать в коммерческий и личный сектора. В то время как глобальная сеть начинала свое распространение в общество, основная часть пользователей Интернета находилась в Соединенных Штатах и некоторых европейских странах. Тем не менее, даже при ограниченном распространении, важность и потенциал Интернета для международных коммуникаций и дипломатии проявились.

Активная цифровизация дипломатии последовала за терактами 11 сентября 2001 года, когда США столкнулись с задачей переосмысления своих публично-дипломатических усилий. Появление нового политического и идеологического врага США в лице исламского фундаментализма стало сильнейшим толчком для использования Всемирной паутины в качестве инструмента ведения информационной войны. В 2002–2003 годах администрация Джорджа Буша-младшего переносит традиционные радио- и телеканалы международного вещания в Интернет. Создается около десяти новых каналов, работающих с зарубежной аудиторией. Традиционные методы публичной дипломатии, основанные на односторонней коммуникации, оказались неэффективны в новых условиях,

когда мусульманские общества все активнее погружались в цифровое пространство, становясь подверженными влиянию нарративов экстремистских группировок. Уже к 2008 году Интернет играл ключевую роль в вербовке молодежи экстремистскими группировками, в частности «Аль-Каидой», что составляло около 80% от общего числа вербовок [18]. Ответом на этот вызов стало создание Государственным департаментом США специализированной команды цифрового взаимодействия и активное присутствие на платформах социальных медиа, включая Facebook, а также запуск первого официального блога Госдепартамента под названием DipNote [17].

Определяя момент зарождения цифровой дипломатии, можно сделать вывод, что подъем этого явления начался 2000-х годах. Публичная дипломатия, исходя из эпохи холодной войны как инструмент информационного противостояния, трансформировалась в многоаспектный инструмент внешней политики, обогащенный концепцией «мягкой силы» Джозефа Ная, которая подчеркивает важность привлекательности культурных и ценностных аспектов государства. В ответ на меняющуюся международную среду и рост важности цифровых технологий, публичная дипломатия адаптировалась к цифровой эре, став более интерактивной и инклюзивной. Ранние примеры использования Интернета для дипломатических целей, такие как на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году, и последующее активное применение цифровых платформ после событий 11 сентября 2001 года, подтверждают ее эволюцию как стратегии, сочетающей традиционные и новые методы воздействия на международную арену.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Байрамлы Н.С., Гусейнова Д.М.** Публичная дипломатия и ее роль в российско-азербайджанских отношениях // Вопросы политологии. 2024. Том 14. № 2 (102).
2. **Ван Фэйсян.** Публичная дипломатия Китая в современном мире: проблемы и перспективы развития // Вопросы политологии. 2024. Том 14. № 2 (102).
3. Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml.
4. **Власов А.В.** Влияние использования публичной дипломатии на обеспечение информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 1 (82).
5. **Вэй Цзяци.** Публичная политика и публичная безопасность // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 9-2 (97-2).
6. **Инь Сымэн.** Китай во внешней политике России и использование цифровой дипломатии (2021-2023 гг.) // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 11-1 (99).
7. **Кишуева И.А.** Политико-коммуникативные методы цифровой дипломатии // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 10-2 (98-2).

8. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 3-14 июня 1992 года // <https://www.un.org/ru/conferences/environment/rio1992>.
9. **Ли Явэнь.** Последствия цифровой дипломатии для КНР // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 4 (97).
10. **Мех Д.В., Шитикова Ю.А.** Механизмы экологической дипломатии КНР // Вопросы политологии. 2023. Том 13. № 5 (93).
11. **Морозов Д.А., Медведев Н.П.** Специфика процессов трансформации современного миропорядка: основные коллизии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 12 (105).
12. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.
13. **Син Хаотянь.** Цифровая дипломатия КНР: особенности, перспективы и соперничество с США // Вопросы политологии. 2024. Том 14. № 2 (102).
14. **Су Шуай.** Публичная дипломатия как инструмент политического китайско-российского взаимодействия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Том 12. № 12 (93).
15. **Хань Вэньсинь.** Как общественное мнение о Китае трансформирует дипломатическую стратегию между Китаем и США: исторический контекст и современные проблемы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Том 14. № 2 (107).
16. **Чжан Ченьи.** Китайская дипломатия в контексте решений 20 съезда КПК // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Том 13. № 1 (94).
17. DipNote. The official blog of the United States Department of State // <https://www.state.gov/blogs>.
18. **Hallams E.** Digital Diplomacy: The Internet, the Battle for Ideas & US Foreign Policy. CEU Political Science Journal. 2010. № 5 (4).
19. **Melissen J.** The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. J. Melissen (ed.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005.
20. **Morgenthau H.** Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. NY.: Alfred A. Knopf Inc., 1948.
21. **Nye J.** Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
22. **Nye J.** How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, 2018, January 24.
23. **Nye J.** Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs. 2004.
24. **Nye J.** The Future of Power. New York, Public Affairs. 2011.

D.V. BRATKOVSKAYA

Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Y.D. ROGOVA

Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

S.A. TOKAREVA

Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

THE EVOLUTION OF PUBLIC DIPLOMACY: FROM TRADITIONAL TO DIGITAL

This article explores the evolution of public diplomacy from its origins as a tool for conducting foreign policy through a structured system of institutions and communication channels for state interaction and dialogue with foreign societies for political purposes. Initially emerging during the Cold War as a means to counteract the propaganda mechanisms between the USSR and the USA, public diplomacy sought to influence the public opinion and policy decisions of other nations. The concept was later redefined by Joseph Nye, who introduced the idea of «soft power» as an effective means of achieving foreign policy goals by attracting and co-opting rather than coercing. This article further examines the shift towards «smart power,» which combines the elements of both hard and soft power, in the post-Cold War era, emphasizing cooperation, alliances, and maintaining a military potential while promoting a state's influence and legitimacy. Additionally, it addresses the digital era's impact on public diplomacy, highlighting the transition to digital diplomacy through the internet and social media, which has allowed for instant global communication and more informal, interactive engagement. The paper underscores the challenges and opportunities presented by digital technologies in shaping international relations and influencing public opinion across borders.

Key words: public diplomacy, traditional diplomacy, digital diplomacy, evolution of diplomacy, information technology, social media, globalization, international relations.

DOI 10.35775/PSI.2024.56.3.028

УДК 32.327

ЦАО ЦЗЕ

магистрант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва
E-mail: 1132224121@pfur.ru

ДУН ЯЛЭЙ

магистрант факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва
E-mail: 1032185448@pfur.ru

ПОЛИТИКА КИТАЯ В АФРИКЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с политикой Китая в Африке. Цель исследования – изучить политику Китая в Африке, выявить ее основные особенности и черты. Методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие. Подчеркиваются тесные дружественные отношения между Китаем и Африкой, которые сложились исторически. Определены цели и формат китайско-африканского сотрудничества. Изучены документы, которые определяют политику Китая в Африке. «Программный документ» разделен на установление и развитие всеобъемлющего стратегического партнерства между Африкой и другими африканскими странами, консолидацию китайско-африканского сообщества судьбы; соблюдение правильной концепции справедливости и выгоды и применение принципа истинной и искренней работы на благо Африки; содействие всестороннему развитию Китая; китайско-африканское сотрудничество; создание механизма китайско-африканского форума сотрудничества и последующие действия по его итогам; 5 аспектов взаимоотношений между Китаем и африканскими региональными организациями. Рассмотрены основные страны, где работает Китай. Изучены основные направления работы (энергетика, инфраструктура). В статье рассмотрена инвестиционная политика и объем реализуемых инвестиций. Изучено китайско-африканское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Цель: Цель исследования – изучить политику Китая в Африке, выявить ее основные особенности и черты.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучена политика Китая в Африке. Выявлены ее основные особенности и черты.

Выводы: Китай активно реализует «План укрепления китайско-африканского сотрудничества в области сокращения масштабов нищеты между Китаем и Африканским союзом», подписанный в 2014 году. С 2010 года «Китайско-африканский

форум сотрудничества – Конференция по сокращению бедности и развитию» проводится в течение 12 сессий подряд в Эфиопии, Уганде и других странах. В четвертой деревне Рингер, округ Киханга, провинция Бубанза, Бурунди, китайская группа экспертов по сельскому хозяйству успешно реализовала демонстрационный деревенский проект по сокращению бедности с использованием гибридного риса, чтобы помочь жителям деревни избавиться от абсолютной бедности.

Ключевые слова: политика, Китай, Африка, история, отношения, сотрудничество, строительство.

Введение. Развитие дружественных отношений между Китаем и Африкой имеет долгую эволюцию. Основой для развития этих отношений является заложение фундамента дружбы Председателем Мао Цзэдун и другими политическими лидерами Нового Китая с Африкой. Председатель Си Цзинпин в отношении Африки выдвинул справедливую концепцию развития и сотрудничества, что позволило сформировать новый формат будущего сотрудничества между двумя странами и вывести отношения на новый уровень развития [9]. На одном из пекинских самитов было принято решение о создании китайско-африканского сообщества судьбы и активного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Такая программа развития позволила обеим странам укрепить свои позиции по различным направлениям работы, включая экономику, торговлю, политику и т.д.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор. Вопросы, касающиеся политики Китая в Африке рассматривали многие ученые такие, как Яо Гуймэй., Сюй Ман, Го Янь., Нкумбу., Налвимба., Ван Либин., Ян Бинся и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты. В 2021 году информационным управлением Государственного совета была выпущена «белая книга» под названием «Китайско-африканское сотрудничество в новую эру». Основное содержание данной книги можно процитировать следующим образом: «Долгое время Китай всегда уважал Африку, любил Африку и поддерживал Африку» [3]. Таким образом, китайский народ всегда помогал африканскому народу, поддерживал его и стремился к взаимовыгодному сотрудничеству с ним.

В 2018 году было принято решение на Пекинском саммите Китайско-африканского форума сотрудничества о создании китайско-африканского общества. Такое общество позволит установить более тесные связи между странами и способствовать активному сотрудничеству. Главным принципом сотрудничества является взаимопомощь и взаимовыручка в решении различных вопросов, укрепление единства и объединение совместных усилий [2. С. 77].

В 2006 году в Китае был опубликован политический документ по Африке, который определял перечень программ и направлений деятельности для осуществления процесса регулирования и управления между двумя странами.

В декабре 2015 году состоялся второй саммит на африканском континенте. Он имел важное историческое значение для дальнейшего развития сотрудничества. По этому случаю китайское правительство опубликовало свой второй политический документ по Африке, целью которого является дальнейшее разъяснение твердой решимости и доброй воли Китая развивать отношения дружбы и сотрудничества с Африкой. 4 декабря 2015 года китайское правительство опубликовало в Йоханнесбурге «Политический документ Китая по Африке» [10].

Рассмотрим основные страны Африки, где работает Китай.

Кения: Китай оказал Кении помощь в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения и гуманитарных вопросов. Важно отметить, что Китай оказал помощь Кении в строительстве инфраструктуры, в частности железных дорог. Для этого был создан ключевой проект «Монгольская железная дорога». Была построена железная дорога Монне общей протяженностью 472 километра, которая соединяет столицу Кении Найроби и портовый город Момбаса. Железная дорога Монне была официально открыта для движения в июне 2017 г. Это значительно сократило время и стоимость транспортировки между Найроби и Момбасой, улучшило мобильность товаров и людей.

Китайское правительство предоставило льготный кредит в размере 33,8 миллиарда долларов США для проекта Монгольской железной дороги, что составляет более 90% от общего объема инвестиций в проект [5]. Процентная ставка по этим кредитам ниже уровня международного рынка, а срок погашения составляет 20 лет. Китайское правительство также оказало Кении поддержку и содействие в передаче технологий, обучении талантов, эксплуатации и управлении. В ноябре 2021 года Китай оказал чрезвычайную помощь Кении, предоставив более 1800 тонн продовольствия для борьбы с нехваткой продовольствия, вызванной засухой [5]. В области образования Китай создал китайские учебные заведения, такие как Институты Конфуция для Кении, предоставляя кенийским студентам возможность понимать культуру. В области культуры Китай и Кения осуществляют различные мероприятия по культурному обмену, такие как: кинофестивали, фестивали искусств и конкурсы молодежных инноваций, которые способствуют сплочению народов и укреплению дружбы [3].

Танзания: расположена в Восточной Африке и имеет 50-летнюю историю дружественного сотрудничества с Китаем. Важно отметить, что начиная еще с 1964 года Китай является важным стратегическим партнером для Танзании, а подписание договора о дружбе между двумя странами способствовало еще большему укреплению этих отношений.

Руководствуясь пятью принципами мирного сосуществования, две страны еще больше расширили свое сотрудничество в различных областях, помимо экономики, и степень сотрудничества также была углублена. К концу 2022 года объем прямых инвестиций китайских компаний в Танзанию составил 11,44

миллиарда долларов США [5]. Танзанийская железная дорога на сегодняшний день является одним из крупнейших проектов внешней помощи Китая. Ее общая протяженность составляет 1860 километров. Она начинается от портового города Дар-эс-Салам в Танзании на востоке и заканчивается в Капиримбохи в центральной Замбии на западе. Это крупная магистраль, проходящая через восточную часть страны Африка и южно-Центральная Африка. Строительство Танзанийской железной дороги началось в октябре 1970 года и было официально передано правительствам Танзании и Замбии в июле 1976 года. Железная дорога сыграла огромную роль в прорыве блокады системы апартеида в африканских странах и содействии национальной независимости и освобождению. Африканский народ называет ее «дорогой к свободе» и «дорогой к дружбе». Для строительства этой железной дороги китайское правительство предоставило беспроцентный кредит в размере 988 миллионов юаней, отгрузило почти 1 миллион тонн различного оборудования и материалов и последовательно направило почти 50 000 инженерно-технических работников. В пиковый период на стройплощадке работало до 16 000 китайских сотрудников [6].

Сенегал: страна, которая расположена в Западной Африке. Для Китая она является важным стратегическим партнером по развитию. В 2022 году общий объем торговли между Китаем и Сенегала преодолел негативные последствия эпидемии и неблагоприятные последствия, вырос вопреки тенденции и достиг рекордно высокого уровня в 44,34 миллиарда долларов США [8]. Сотрудничество в области инфраструктуры между Китаем и Сенегала является самой большой достопримечательностью двух стран. Музей цивилизации чернокожих, Национальный театр и борцовская арена уже являются достопримечательностями Дакара, столицы Сенегала. Недавно введенная в эксплуатацию скоростная автомагистраль Цзиету, мост Фанцзюни, строящийся автобусный экспресс BRT и скоростная автомагистраль Мкао также станут символом дружбы между двумя странами. В развитии сельского хозяйства делается упор на производство арахиса и риса, чтобы помочь Кипру увеличить свои экспортные доходы и повысить продовольственную безопасность [15. С. 4].

Изучим основные направления работы.

Содействие инвестиционному и финансовому сотрудничеству:

Инвестиционное и финансовое сотрудничество являются направляющими векторами развития в сфере китайско-африканского сотрудничества. Китай осуществляет инвестирование в различные проекты, поддерживая инициативу африканских стран в области развития горнодобывающей, перерабатывающей, плавильной промышленности, производства оборудования, развитии сельского хозяйства, производства бытовой техники, авиационных услугах и других сферах промышленности, помогая Африке повысить уровень индустриализации смежных отраслей, поддерживая промышленность и расширяя возможности получения иностранной валюты от экспорта. К концу 2020 года китайские компании накопили более 443 миллиардов долларов не прямых инвестиций. Китай создал более 3500 различных предприятий в Африке, и частные предприятия

постепенно стали основной движущей силой инвестиций в Африке, на которых занято более 80% местных африканских работников, прямо или косвенно создавая миллионы рабочих мест [1. С. 35].

Важно отметить, что Китай делится своим опытом в области сельского хозяйства с Африкой, показывает различные способы переработки сельскохозяйственной продукции. Подписано множество соглашений о сотрудничестве между двумя странами в области развития сельского хозяйства. С целью обучения и получения знаний в Китае прошли обучение 7 456 африканских стажеров по сельскому хозяйству; было обучено более 50 000 местных африканцев.

В 2019 году был проведен Китайско-американский форум в сфере развития сельскохозяйственного сотрудничества, который позволили обсудить важные стратегические вопросы и направления дальнейшего развития. К концу 2020 года Китай инвестировал более чем в 200 несельскохозяйственных предприятий, охватывающих в общей сложности 35 африканских стран, с объемом инвестиций в размере 11,11 млрд долларов США. Объем инвестирования продолжает расти из года в год, позволяя решать самые важные задачи в области сельского хозяйства [14. С. 56].

Помощь в индустриализации: Индустриализация является одним из способов повышения уровня жизни населения. Она позволяет бороться с бедностью, решать социально-экономические проблемы в обществе, создавать новые рабочие места и т.д.

Важно отметить, что Китай и Африка участвуют в создании особых экономических зон, научно-технических парков, которые являются отлично возможностью для привлечения иностранных инвестиций различных компаний. В целом это способствует повышению эффективности производства, модернизации промышленности, обновлению основных фондов и т.д. Китайско-Африканский фонд сотрудничества в области развития потенциала развивает свой бизнес в рамках стратегии строительства африканских «трех сетей в одной» (сеть высокоскоростных железных дорог, сеть скоростных автомагистралей, сеть региональной авиации и индустриализация). По состоянию на март 2021 года он инвестировал в общей сложности в 21 проект, связанный с энергетикой, ресурсами, обрабатывающая промышленность и другие отрасли, которые эффективно способствовали промышленному развитию африканских стран. Десятки компаний, финансируемых Китаем, сотрудничали с африканскими компаниями в строительстве фотоэлектрических электростанций совокупной установленной мощностью более 1,5 гигаватт (ГВт), заполняя пробелы в цепочке производства фотоэлектрической продукции в Африке, эффективно устраняя местный дефицит электроэнергии и способствуя сокращению выбросов углекислого газа [12].

Углубление сотрудничества в области инфраструктуры: Китай оказывает помощь Африке в развитии инфраструктуры и ее обновлении. В данном направлении поддерживается стремление в строительстве современной архитектуры, которая создаст необходимые условия для жизни людей, оживления экономики и торговли, промышленности и т.д. Запланированы различные модели

строительства инфраструктурных объектов, рассчитаны необходимые объемы инвестирования. С 2016 по 2020 год общий объем инфраструктурных проектов, начатых в Африке, составил почти 2200 миллиардов долларов США, а доля проектов, реализованных китайскими компаниями в 2020 году, достигла 31,4% [13].

Китай использовал различные средства, чтобы помочь африканским странам построить и модернизировать более 10 000 километров железных дорог, почти 100 000 километров автомобильных дорог, почти 100 портов, 66 000 километров линий электропередачи и преобразования, 120 миллионов киловатт установленной электроэнергии мощность, 150 000 километров магистральных сетей связи и сетевые сервисы, охватывающие почти 700 миллионов пользовательских терминалов. Кенийская железная дорога Монне, построенная и эксплуатируемая китайской компанией, является первой современной железной дорогой страны за последние сто лет. По ней перевезено в общей сложности 5,415 миллиона пассажиров и 1,308 миллиона стандартных контейнеров. Вклад в экономический рост Кении возрос достиг 1,5%, и прямо или косвенно было создано 46 000 рабочих мест [7. С. 84].

Изучим инвестиционную политику. С 2013 по 2018 год иностранная помощь Китая составила 270,2 млрд юаней, из которых 44,65% пришлось на африканские страны.

С 2000 по 2020 год было построено более 13 000 километров автомобильных и железных дорог, построено более 80 крупных энергетических объектов, оказана помощь в строительстве более 130 медицинских учреждений, 45 стадионов и более 170 школ, привлечено более 160 000 талантов в различных областях проходил подготовку для Африки, охватывая все аспекты экономической и социальной жизни [13].

Кроме того, Китай оказал помощь развивающимся странам, освободив их от погашения загов, что позволило уберечь их от разорения и нищеты. В момент вспышки коронавирусной инфекции Китай также аннулировал долги по кредитам для 15 стран Африки [13].

Китай, начиная с 2009 года является самым крупным партнером Африки. Доля китайско-африканской торговли увеличивается значительными темпами из года в год, что свидетельствует об эффективности сотрудничества. Важно отметить, что при этом структура торговли между двумя странами постоянно менялась и оптимизировалась, а техническая составляющая китайского экспорта за пределы Африки увеличилась. Китай выступил с инициативной к Африке о возможности расширения импорта несырьевых товаров из Африки предоставив нулевой тарифный режим для 97% товаров. Это в свою очередь позволило увеличить импорт среднем на 20%, при этом увеличив количество рабочих мест [10].

В 2014 году был учрежден Общий африканский фонд экономического роста и развития, который был образован при участии двух банков: Народного банка Китая и Банка Африки. Общая сумма этого фонда составила 22 миллиарда долларов США. Данный фонд способствовал развитию множества различных проектов.

В частности, он инвестировал денежные средства в развитие сельского хозяйства, транспорта, энергетики таких стран, как Танзания, Замбия, Тунис и Кения [13].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Африка выступает одним из важных инициаторов развития экономики, торговли, промышленности совместно с Китаем. Китай принял участие в строительстве более 6000 километров железных дорог, более 6000 километров автодорог и более 80 крупных энергетических объектов в Африке [12].

Обсуждение. С каждым годом китайско-африканские отношения в рамках проекта «Один пояс, один путь» еще больше укрепляются. При этом продолжает расти импорт и экспорт. Следует отметить, что импорт и экспорт Китая в Африку в 2022 году увеличились на 14,5% в годовом исчислении [11]. Китай разрешил почти десяти африканским странам беспошлинно экспортировать более 8800 видов товаров. За последние пять лет экспорт сельскохозяйственной продукции из Африки в Китай рос в среднем на 11% в год [11]. Кроме того, осуществляется работа в области социально-экономической политики населения. Основной целью двух стран является борьба с нищетой. Поэтому совместная работа по преодолению бедности является центральной идеей в рамках инициативы «Пояс и путь» [4].

Заключение. Китайско-африканское сотрудничество продолжает развиваться быстрыми темпами. Основной целью данного сотрудничества является взаимопомощь и взаимовыручка в рамках сотрудничества. Странами, где Китай осуществляет активное сотрудничество, являются Кения, Танзания, Сенегал. Китай осуществляет инвестиционное и финансовое сотрудничество с африканскими странами, способствуя развитию промышленности, сельского хозяйства, медицины, здравоохранения и т.д. Китай помогает Африке в создании зон экономического и торгового сотрудничества, промышленных парков и научно-технических парков. Кроме того, продолжается активное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Существуют широкие перспективы для развития китайско-африканского сотрудничества, что позволит добиться положительных результатов в различных сферах и направлениях деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Сюэцзюнь. Тенденция развития Африки и Китая – Африка совместно строит «Пояс и путь» // Международные исследования. 2019. № 2.
2. Го Янь, Нкумбу, Налвимба, Ван Либин, Ян Бинся. История и опыт борьбы с бедностью в Замбии // Мировое сельское хозяйство. 2019. № 4.
3. Дипломатия великих держав: «Стенограмма» китайско-сенегальского сотрудничества может быть включена в книгу – Интервью с Сяо Хань, послом Китая в Сенегале // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1776009448436787494&wfr=spider&for=pc>.

4. Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху // https://www.gov.cn/xinwen/2021-11/26/content_5653540.htm.
5. Какую помощь Китай оказал африканским странам? // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1766825103525347237&wfr=spider&for=pc>.
6. Крупнейший проект внешней помощи Китая – помощь в строительстве Казанской железной дороги // <https://zhuanlan.zhihu.com/p/651981389>.
7. **Ло Цинлинь**. Продолжайте углублять китайско-африканское финансовое сотрудничество // Финансы Китая. 2023. № 5.
8. Президент Сенегала поблагодарил Китай за его поддержку строительства инфраструктурных проектов в Сьерра-Леоне // <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/230884.html>.
9. Приносить пользу средствам к существованию людей, способствовать развитию и соединять сердца людей – совместно строить «Пояс и путь», чтобы вывести китайско-африканские отношения на новый уровень // <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/01NBQ6MP.html>.
10. Политический документ Китая по Африке // <https://m.huanqiu.com/article/9CaKrnJS1FQ>.
11. **Ху Чанчунь**. Руководствуясь концепцией политики Президента Си Цзиньпина в отношении Африки, мы будем содействовать созданию китайско-африканского сообщества судьбы высокого уровня // Пресс-релиз для Китая (практическое издание). 2023. № 4.
12. **Хэ Вэньпин**. Инициатива «Пояс и путь» и китайско-африканское сотрудничество: точная стыковка и высококачественное развитие // Современный мир. 2019. № 6.
13. **Чжоу Цзин, Хонг Цзин, Ван Куй**. Политические риски, экономическая помощь и прямые инвестиции Китая в Африку – эмпирическое исследование, основанное на трансграничных панельных данных // Дискуссия о современной экономике. 2018. № 6.
14. **Чжан Чунью**. В десятую годовщину Китай и Африка совместно построят «Пояс и путь» с высоким качеством и начнут все сначала // Китайское океанское судоходство. 2023. № 7.
15. **Яо Гуймэй, Сюй Ман**. Увязка китайско-африканского сотрудничества со стратегией строительства «Пояса и пути»: статус-кво и перспективы // Международное экономическое сотрудничество. 2019. № 3.

CAO JIE

Master student Faculty of Humanities and Social Sciences International Relations Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

DONG YALEI

Master student Faculty of Humanities and Social Sciences International Relations Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

CHINA'S POLICY IN AFRICA

The article discusses issues related to China's policy in Africa. The purpose of the study is to study China's policy in Africa, to identify its main features and features. Research methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others. The close friendly relations between China and Africa, which have developed historically, are emphasized. The goals and format of Sino-African cooperation have been defined. The documents that define China's policy in Africa have been studied. The «Program document» is divided into the establishment and development of a comprehensive strategic partnership between Africa and other African countries, the consolidation of the Sino-African community of destiny; the observance of the correct concept of justice and benefit and the application of the principle of true and sincere work for the benefit of Africa; the promotion of the comprehensive development of China; Sino-African cooperation; the establishment of the mechanism of the Sino-African cooperation forum and follow-up to its results; 5 aspects of the relationship between China and African regional organizations. The main countries where China operates are considered. The main areas of work (energy, infrastructure) have been studied. The article examines the investment policy and the volume of investments being realized. The Chinese-African cooperation within the framework of the «One Belt, One Road» initiative has been studied.

Purpose: *The purpose of the study is to study China's policy in Africa, to identify its main features and features.*

Methods: *The main research methods: the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others.*

Results: *China's policy in Africa has been studied. Its main features and features are revealed.*

Conclusions: *China is actively implementing the «China-African Poverty Reduction Cooperation Strengthening Plan between China and the African Union», signed in 2014. Since 2010, the China-Africa Cooperation Forum – Conference on Poverty Reduction and Development has been held for 12 consecutive sessions in Ethiopia, Uganda and other countries. In the fourth village of Ringer, Kihanga District, Bubanza Province, Burundi, a Chinese agricultural expert group successfully implemented a demonstration village poverty reduction project using hybrid rice to help villagers get rid of absolute poverty.*

Key words: *politics, China, Africa, history, relations, cooperation, construction.*

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 10 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 13 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Сноски помещаются постранично, нумерация сносок должна быть сквозная. Шрифт – 12, междустрочный интервал – 1.

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, приставный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наш сайт: www.evrzsouz.ru

E-mail: evrzsouz@yandex.ru

НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ:

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА:

АБРАМОВА Ольга Дмитриевна – главный редактор журнала, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

БОЖАНОВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета, Белоруссия, г. Минск

НАСИМОВА Гульнар Орленбаевна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АБРАМОВ Валерий Леонидович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры государственного регулирования экономики Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН, Россия, г. Москва

АРУПОВ Акимжан Арупович – доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, директор Института мировой экономики и международных отношений, член Национальной комиссии по структурным реформам в системе образования Центра Болонского процесса и академической мобильности Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан, г. Алматы

АЮПОВА Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор Казахского национального аграрного университета, стипендиат Программы Фулбрайт Правительства США, академик Казахстанской национальной академии естественных наук, академик Международной Академии информатизации, Республика Казахстан, г. Алматы

БЕКБОСЫНОВ Мэлс Боромбаевич – Председатель Попечительского Совета журнала, доктор политических наук, Россия, г. Москва

БЛОХИН Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ГАЙДУК Вадим Витальевич – доктор политических наук, кандидат юридических наук, руководитель Центра политико-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Россия, г. Уфа

ГОНЧАРОВ Петр Константинович – доктор социологических наук, профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва

ГРИШНОВА Елена Евгеньевна – доктор политических наук, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Россия, г. Москва

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КИРАБАЕВ Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по науке Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

КОЗЛОВ Геннадий Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Россия, г. Рязань

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, заместитель директора Национального исследовательского института развития коммуникаций; член Экспертного Совета Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия, г. Москва

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, Россия, г. Москва

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

МУРАВЫХ Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

НАЗАРОВ Александр Данилович – доктор исторических наук, профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института, Россия, г. Москва

НЕСТЕРЧУК Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедрой публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

ОЖИГАНОВ Эдвард Николаевич – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, начальник отделения внешнеэкономической деятельности Института космических технологий Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления

факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

САВИНОВ Леонид Вячеславович – доктор политических наук, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ЧЕРНЯЕВ Максим Васильевич – кандидат экономических наук, PhD, доцент, заместитель декана экономического факультета РУДН, зам. зав. кафедрой Национальной экономики экономического факультета РУДН, Вице-президент по международному сотрудничеству и молодежной политике Международной академии технологических наук (МАТН), Россия, г. Москва

ЯВЧУНОВСКАЯ Регина Анатольевна – доктор политических наук, Гран-доктор философии Европейской Информациологической Академии, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

Academic journal
«Eurasian Union: Issues of International Relations»
Volume 13, Issue 3 (56), 2024

Established by LLC «Publishing House «Science Today».

The journal has been registered by the Federal Service for the Oversight of Mass Media, Telecommunications and Protection of Cultural Heritage, registration number PI No.FC77-50417 of June 29, 2012.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo obligatory editorial checking.

Computer-aided makeup by Zagumenov A.P.

Translated by Chernyshova E.V.

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.evrazsouz.ru
E-mail: evrazsouz@yandex.ru

Signed for printing on 26.02.2024
Format 60x84/8. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order
Printed at the LLC “Bely Veter”
Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054
Tel.: (495) 651-84-56

© LLC «Publishing House «Science Today», 2024

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – **81039**.

	ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»												
	АБОНЕМЕНТ на журнал										81039		
	Евразийский Союз: вопросы международных отношений												
	Количество комплектов												
	на 2024 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
Кому _____													
				ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
	ПВ	место	литер	на журнал								81039	
	Евразийский Союз: вопросы международных отношений												
	Стоимость	Каталожная						Количество комплектов					
		услуги почты											
Полная													
на 2024 год по месяцам													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
Кому _____													

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал

«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Издание научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной общественности свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Научный журнал

«ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

Издание научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной общественности свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru